

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 1 (104) / 2020



Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. Г. Задворная,
Т. П. Карпилович, Г. Ф. Лепесская, Ю. В. Овсейчик,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия I. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Карпук Г. В.</i> К вопросу о функционировании вопросительных конструкций в роли ответных реплик	7
<i>Ключенович Т. П.</i> Экспликация речевого/неречевого действия в белорусской и британской ремарке	14
<i>Курилович О. Ф.</i> Актуальные модели ментального лексикона	21
<i>Новикова Л. П.</i> Нарушения орфоэпической нормы и конкурирующие произносительные варианты в устной публичной речи	27
<i>Фан Юань.</i> Предлоги со значением каузальности в русском и китайском языках	33

Романское и германское языкознание

<i>Басовец И. М.</i> Структурно-содержательные характеристики аббревиатур в инстаграм-постах англоговорящих знаменитостей	40
<i>Лойша М. М.</i> Нарративные стратегии в симметричном политическом дискурсе (на материале выступлений Д. Трампа и Ж. Болсонару)	48
<i>Ломовая А. В.</i> Семантико-синтаксические особенности новых деноминативных глаголов английского языка	55
<i>Овсейчик Ю. В.</i> Динамика употребительности сочинительных союзов в диахронии	62
<i>Паремская С. В.</i> К вопросу о развитии предложной системы немецкого языка в нововерхненемецкий период	72
<i>Чернецкий А. Р.</i> Вербализация речевых тактик возмущения в конфликтных коммуникативных ситуациях (на материале французских и белорусских художественных текстов)	78

Исследования славянских языков

<i>Разводовская Я. В.</i> Вариативность терминов в подязыке репродуктивного здоровья английского, русского и белорусского языков	86
--	----

<i>Столярова А. Н.</i> О лексико-грамматических и структурных особенностях глагольных неофразем	93
<i>Жизневская О. Н.</i> Отражение актуальных процессов в стереотипизации отца в СМИ Беларуси	100

Литературоведение

<i>Бурдзялёва І. А.</i> Геапаэтыка Беларусі ў творах Т. Даленгі-Мастовіча і С. Пясецкага	108
<i>Гулак Д. А.</i> Аксіялагічная трансфармацыя вобраза індзейца ў рамане О. Ла Фарджа «Смяшлівы хлопец»	114
<i>Салаўёва М. А.</i> Канцэптаўтвараючыя санеты У. Шэкспіра і іх пераклады на беларускую мову	120
<i>Старасценка Т. Я.</i> Дыялагізацыя беларускага аўктарыяльнага наратыву пачатку XX стагоддзя	127
<i>Наши авторы</i>	134

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Karpuk G. V.</i> Functioning of Interrogative Constructions as Addressee's Answers	7
<i>Klyuchenovich T. P.</i> Explication of Speech/Non-speech Actions in Belarusian and British Authors' Remarks.....	14
<i>Kurilovich O.</i> Contemporary Models of the Mental Lexicon.....	21
<i>Novikova L. P.</i> Violations of the Orphoepic Norm and Competitive Variants of Pronunciation	27
<i>Fang Yuan.</i> Prepositions of Causality in the Russian and Chinese Languages.....	33

Romance and Germanic Linguistics

<i>Basovets I. M.</i> Structural and Semantic Characteristics of Abbreviations in Instagram Posts Made by English Speaking Celebrities.....	40
<i>Loisha M. M.</i> Narrative Strategies in Symmetrical Political Discourse (based on addresses by D. Trump and J. Bolsonaro).....	48
<i>Lomovaya A. V.</i> Semantic and Syntactic Peculiarities of New English Denominal Verbs	55
<i>Auseichyk Y.</i> Diachronic Usage Frequency of Compositional Conjunctions	62
<i>Paremskaya S. V.</i> On the Development of the System of Prepositions in the New High German Period.....	72
<i>Chernetski A. R.</i> Verbalization of Speech Tactics of Indignation in Communicative Conflict Situations	78

Slavonic Languages

<i>Razvodovskaya Ya. V.</i> Term Variation in Reproductive Health Terminology of the English, Russian and Belarusian Languages	86
<i>Stolyarova A. N.</i> On Lexical-Grammatical and Structural Peculiarities of Verbal Neophrasemes	93

<i>Zhiznevskaya O. N.</i> Reflection of Relevant Processes of Father Stereotypization in Belarusian Media.....	100
---	-----

Studies in Literature

<i>Burdzialyova I.</i> Geopoetics of Belarus in the Novels by T. Dolenga-Mastovich and S. Pesetsky.....	108
<i>Hulak D.</i> Axiological Transformation of the American Indian Character in the novel <i>Laughing Boy</i> by Oliver La Farge.....	114
<i>Soloviova M. A.</i> Concept-making Sonnets by W. Shakespeare and Their Translations into Belarusian	120
<i>Starascienka T. Y.</i> Dialogization of the Belarusian Auctorial Narrative of the Early Twentieth Century	127
<i>Our authors</i>	134

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Г. В. Карпук

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РОЛИ ОТВЕТНЫХ РЕПЛИК

В статье рассматриваются коммуникативно-прагматические характеристики вопросительных конструкций, выступающих в роли ответных реплик. Автором затрагиваются вопросы их манипулятивного потенциала, способности выступать средством психологической защиты. Анализируются прямой и косвенный способы реализации ответных вопросительных конструкций. Исследуются факторы, обуславливающие употребление адресатом данных конструкций.

Правила речевого этикета подразумевают, что на вопрос принято отвечать. Но нетактичный вопрос адресанта может выступать средством выражения агрессии или попыткой повысить свой статус за счет понижения статуса другого человека в ситуации общения. В ряде ситуаций, в которых адресантом задаются вопросы, нежелательные для адресата в том или ином отношении, ответ адресата представлен вопросительной конструкцией. Для подобного ответа может быть характерно нарушение тех или иных правил принципа вежливости Дж. Лича, максим принципа кооперации П. Грайса и т.д. Данный ответ может иметь манипулятивный характер: ответ вопросом позволяет ответить на вопрос формально, т.е. представляет собой уход от ответа по существу. Ответ вопросом может выступать средством психологической защиты, и в этом случае с нравственной точки зрения он вполне оправдан. Более того, данный ответ вопросом может быть проявлением разума и мудрости: не на любой вопрос следует отвечать содержательно, поскольку говорящий может себя скомпрометировать, понизить свой статус в ситуации общения.

Настоящая статья посвящена выявлению коммуникативно-прагматических особенностей функционирования вопросительных конструкций в роли ответных реплик в межличностной коммуникации. Материалом для исследования послужили русскоязычные коммуникативные контексты, взятые из художественной литературы и художественных фильмов. В данных контекстах инициатор / адресант – автор иницирующей вопросительной конструкции, адресат – автор ответной вопросительной конструкции.

В случае, когда ответные вопросительные конструкции выражены прямыми речевыми актами (РА), они осуществляют коммуникативную функцию запроса информации. Прямые ответные конструкции могут быть обусловлены рядом факторов: незнание адресатом ответа на вопрос инициатора и желание узнать его, непонимание иницирующего вопроса или

симуляция данного непонимания, согласие с инициатором, стремление к ситуативному лидерству, установка на контакт, нетактичность иницирующего вопроса, физиологические особенности адресата и т.д.

Один из случаев употребления прямой ответной конструкции – незнание ответа на иницирующий вопрос и желание его узнать. В следующем контексте ответ *Когда?* свидетельствует о подобном незнании. Функцию проспективного обеспечения условий успешности для функционирования репрезентатива (*Как папа приказал у тебя прощения просить, тогда как ты за своего папу заступилась, Неточка...*) реализует иницирующий вопрос (*Знаешь, с которых пор?*). Последний является прямым РА в отличие от случаев, в которых подобные вопросительные конструкции (*Знаешь, что я тебе скажу?* и т.д.) являются «чистыми» сигналами речевого контакта» и используются для контроля внимания [1, с. 21]:

(1) – *Неточка! – прошептала Катя сквозь слезы, – ангел ты мой, я ведь тебя так давно, так давно уж люблю. Знаешь, с которых пор?*

– *Когда?*

– *Как папа приказал у тебя прощения просить, тогда как ты за своего папу заступилась, Неточка...* (Ф. М. Достоевский «Неточка Незванова»).

Ответный вопрос может быть обусловлен непониманием адресатом того, почему инициатор задает вопрос. В контексте (2) ответ вопросом *А почему ты спрашиваешь?* связан с тем, что адресат, испытывающий нужду в деньгах, не понимает интереса инициатора к своей проблеме (ответная и иницирующая конструкции представлены прямыми РА). Данный ответ вопросом может рассматриваться в качестве ретроспективной реакции адресата на условия успешности вопроса *А сколько тебе надо денег?* и свидетельствует о неподготовленности последнего:

(2) – *А сколько тебе надо денег? – спросил Костя.*

– *Много.*

– *Что такое «много»?*

– *А почему ты спрашиваешь?*

– *У меня спонсор есть. Он может дать* (В. С. Токарева «Стрелец»).

Ответ вопросом может быть способом симулировать непонимание иницирующего вопроса и может служить формой психологической защиты. в контексте (3) в ответных вопросах, которые постулируются как прямые РА, симуляция адресатом непонимания иницирующего вопроса (нарушение одного из условий успешности РА – условия искренности) усиливается повтором вопросительного слова *кого*. Симуляция подтверждается фонационными (*Голос графини был тих и дрожал*) и мимическими (*Глаза бегали, точно пойманные мыши*) средствами в авторской ремарке, указывающей на чувство стыда (*Ей было ужасно стыдно*). Бегающий взгляд, вероятно, обусловлен тем, что адресат «испытывает тревогу в ходе ложного заявления и с трудом держит взгляд партнера по общению и отводит глаза в сторону» [2, с. 15]. С целью предупредить уход адресата от ответа инициатор предваряет свой вопрос обвинением во лжи (имевшей место и в прошлом):

(3) – *Полноте! К чему лгать? В былые годы вы умели лгать, не ради таких мелочей! За что вы его ударили?*

– *Кого? Про кого вы говорите?*

Голос графини был тих и дрожал. Глаза бегали, точно пойманные мыши. Ей было ужасно стыдно (А. П. Чехов «Ненужная победа»).

Ответ вопросом может быть вызван стремлением адресата к ситуативному лидерству. Одним из его проявлений выступает желание не говорить первым о чем-либо. В контексте (4), иллюстрирующем данное желание, наблюдается субординация – сначала представляется лесник, затем – барин (занимает более высокое социальное положение):

(4) – *Кто это?* – *спросил звучный голос.*

– *А ты кто сам?*

– *Я здешний лесник.*

Я назвал себя (И. С. Тургенев «Бирюк»).

В контексте (5) ответ вопросом обусловлен согласием адресата с иллокутивным значением утверждения, свойственного вопросу инициатора (вопрос также передает сочувствие, маркированное обращением *брат*):

(5) – *Что, брат, тебя сегодня наказали?* – *спросил я его.*

– *А вы почему знаете?* – *отвечал Вася.*

– *Мне твой барин сказывал* (И. С. Тургенев «Два помещика»).

Ответная реплика может быть связана с установкой адресата на контакт. В следующем контексте содержится иллокутивно вынужденный, выраженный прямым РА, ответный вопрос *Что делает папа?*. Его контактоустанавливающая направленность подтверждается словами *спросила я, обрадовавшись, что есть фраза, с которой можно начинать разговор каждый раз*. Ответный вопрос вызван иницирующим вопросом *Что ж ты молчишь?*, который можно рассматривать в качестве косвенной просьбы (*Не молчи*):

(6) – *Что ж ты молчишь?* – *начала Катя после некоторого молчания.*

– *Что делает папа?* – *спросила я, обрадовавшись, что есть фраза, с которой можно начинать разговор каждый раз.*

– *Ничего. Папе хорошо* <...> (Ф. М. Достоевский «Неточка Незванова»).

Ответ вопросом может быть вызван нетактичностью иницирующего вопроса и позволяет манипулятивно уйти от содержательного ответа на вопрос. В контексте (7) манипулятивным потенциалом обладают ответные вопросы *Отчего же Вы не ушли домой со всеми остальными сотрудниками? Откуда такое рвение?* Несмотря на ироничность второго из ответных вопросов последние сглаживают прямолинейность иницирующего вопроса:

(7) – *Только почему же Вы меня считаете таким уж плохим работником?*

– *Отчего же Вы не ушли домой со всеми остальными сотрудниками? Откуда такое рвение?* (Художественный фильм «Служебный роман»).

Ответ вопросом может быть обусловлен физиологическими особенностями адресата, в частности нарушением слуха (вследствие возрастных изменений, длительной работы в шумных условиях и т.д.):

(8) *Я с трудом понимал старика. <...>*

– *Да ты откуда?* – спросил я его.

– *Чего?*

– *Откуда ты?*

– *Из Ананьева.*

– *Что ж ты тут делаешь?*

– *Чего?*

– *Что ты делаешь тут?* (И. С. Тургенев «Контора»).

Что касается косвенного выражения ответных вопросительных конструкций, средством данного выражения могут выступать косвенные РА (в понимании Дж. Р. Серля [3, с. 196]). Косвенные ответные реплики могут быть обусловлены знанием или незнанием ответа на вопрос инициатора, установкой адресата на контакт, нетактичностью или избыточностью иницирующего вопроса, несогласием с инициатором, неверием по отношению к нему, общностью опыта инициатора и адресата и т.д. Характерной чертой косвенных ответных конструкций является то, что реализация факторов имеет тенденцию сопровождаться вербальным и/или невербальным выражением эмоциональной реакции адресата (удивление, раздражение, возмущение, недовольство и т.д.).

Ответный вопрос, в том числе эмоционально окрашенный, может быть вызван нетактичностью иницирующего вопроса. В контексте (9) инклюзивное *мы*, «используемое при обращении и включающее ровно двух лиц – адресата и самого говорящего – маркирует более высокий статус говорящего в текущей ситуации» [4, с. 35]. Посредством *мы* инициатор включает себя в личную сферу адресата с целью выражения критики [4, с. 36], что подтверждается последующим вопросом (*Чего вы ко мне прицепились?*), содержащим негативно окрашенный разговорный глагол *прицепились*. В экспрессивной ответной конструкции частично повторяющийся вопрос выступает в сочетании с угрозой. Посредством повтора лексической единицы *Чего?* выражается негодование адресата и осуществляется передразнивание инициатора. Через конструкцию *А тоге, что вы... что если вы сейчас же не замолчите...* передается угроза. Об эмоциональном состоянии адресата также свидетельствуют фонационное средство (*визгливо*), кинесический компонент (*закрыв лицо ладонями*), физиологическая реакция (*разразился громкими рыданиями*):

(9) – *Мы, верно, молодой человек, нездоровы? Чего вы ко мне прицепились?*

– *Чего?* – закричал визгливо Козловский. – *Чего?.. А тоге, что вы... что если вы сейчас же не замолчите...*

Его уже тянули назад за руки встревоженные неожиданной ссорой офицеры, и он, вдруг закрыв лицо ладонями, разразился громкими рыданиями <...> (А. И. Куприн «Куст сирени»).

В приводимом ниже контексте нетактичным выступает вопрос о бедности родителей адресата: они, как правило, являются самыми близкими людьми, оскорбив родителей, легко уязвить их детей, более того, в следующем контексте (10): инициатор – представитель богатого сословия, адресат – бедного. Ответ адресата представлен вопросами, эмоционально-экспрессивный потенциал которых создается повтором (*Зачем (же) вы (так про них) спрашиваете?*), присутствующей в повторе градацией и обращением (*Катя*). Эмоциональное состояние адресата также передается физиологической реакцией (*заплакав от душевной боли*), несколько ранее в контексте – физиологическими реакциями (*вся задрожав, покраснев от негодования*) и кинесическим компонентом (*подымаясь с места*):

(10) – *Зачем же вы меня спрашиваете?* – сказала я, вся задрожав от какого-то нового, неведомого для меня ощущения и подымаясь с места. – *Зачем же вы меня спрашиваете?* – продолжала я, покраснев от негодования. – *Зачем вы надо мной смеетесь?*

Княжна вспыхнула и тоже встала с места, но мигом преодолела свое волнение.

– *Нет... я не смеюсь,* – отвечала она. – ***Я только хотела знать, правда ли, что папа и мама у вас были бедны?***

– *Зачем вы спрашиваете меня про папу и маму?* – сказала я, заплакав от душевной боли. – *Зачем вы так про них спрашиваете? Что они вам сделали, Катя?* (Ф. М. Достоевский «Неточка Незванова»).

В контексте (11) ответ вопросом (косвенный репрезентатив) передает неверие словам инициатора (*Яшка петь будет?* = *Не могу поверить в то, что Яшка будет петь*), сопровождаемое фонационным средством (*с живостью проговорил*) и подтверждаемое вопросом (*И ты не врешь, Обалдуй?*):

(11) – *<...> Яшка-то с рядчиком об заклад побились: осьмуху пива поставили – кто кого одолеет, лучше споет то есть... понимаешь?*

– *Яшка петь будет?* – с живостью проговорил человек, прозванный Моргачом. – *И ты не врешь, Обалдуй?*

– *Я не вру,* – с достоинством отвечал Обалдуй *<...>* (И. С. Тургенев «Певцы»).

Ответ вопросом может демонстрировать установку адресата на контакт, в том числе как его коммуникативную привычку (контексты (12) и (13)). В контексте (12) переспрос, выступающий в роли метакоммуникатива и осуществляющий контроль понимания (*Как меня зовут-то?*), произнесен в состоянии задумчивости (*Мужик потупился и словно задумался*). За переспросом следует подтверждение и повтор иницирующего вопроса:

(12) – *Как тебя зовут?* – спросил я. Мужик потупился и словно задумался.

– *Как меня зовут-то?*

– *Да; как твое имя?*

– *А имя мне будет – Филофей* (И. С. Тургенев «Стучит»).

(13) – *Ну вот что, братец Филофей; <...> свежи ты меня в Тулу. Теперь ночь лунная, светло и ехать прохладно. Дорога у вас тут какова?*

– *Дорога? Дорога – ничего* (И. С. Тургенев «Стучит»).

Косвенные ответные РА могут входить в ответную реплику, представленную вопросительной и утвердительной конструкциями. Так, в контексте (13) ответная реплика включает переспрос и утверждение (собственно ответ на иницирующий вопрос).

Ответная реплика может быть вызвана избыточностью иницирующего вопроса в понимании адресата: *А тебе не все равно? = Ну, тебе же все равно, излишне спрашивать* (контекст (14)). В анализируемом контексте также наблюдается конфликтогенность, выраженная через фамильярное отношение к инициатору (*все равно*, обращение на «ты»). Нетактичный ответ адресата, тем не менее, вызывает контактоориентированный ответ инициатора (*Трудно работать с хищниками?*), сопровождаемый фонационным компонентом *заискивающе спросил* и объясняемый истинной целью говорящего – не получить информацию, а задержать сторожа из-за боязни остаться одному:

(14) – *А вы что написали?*

– *А тебе не все равно?*

Никитину было далеко не безразлично, что о нем пишут, но он не решился пререкаться со сторожем.

– *Трудно работать с хищниками? – заискивающе спросил Никитин, чтобы задержать сторожа вопросом. Он боялся оставаться один* (В. С. Токарева «Гималайский медведь»).

Ответ вопросом может выражать несогласие с инициатором, сопровождаемое чувством уверенности со стороны адресата. В контексте (15) вопросительная часть ответной реплики представлена косвенными репрезентативами: *А что это я вдруг должна заболеть? = (К Вашему сведению,) я не заболела; У меня что, нездоровый вид? = (К Вашему сведению,) я здорова*. Повествовательная часть (*Прекрасно провела вчерашний вечер*) является ответом на первый вопрос инициатора:

(15) – *Вы как провели вчерашний вечер? Не заболели? Нет?*

– *А что это я вдруг должна заболеть? У меня что, нездоровый вид? Прекрасно провела вчерашний вечер* (Художественный фильм «Служебный роман»).

Ответ вопросом может свидетельствовать о незнании ответа на иницирующий вопрос. В нижеприведенном контексте незнание выражается в форме косвенного «указания на невозможность обладания информацией» [5, с. 140]. Данное указание одновременно способно передавать некоторое раздражение (*Откуда я знаю? = Я не знаю. Оставьте меня в покое*):

(16) – *А что у тебя получается? Что ты хочешь?*

– *Откуда я знаю? Я себя еще не нашла* (В. С. Токарева «Инструктор по плаванию»).

Ответ вопросом может быть обусловлен общностью опыта инициатора и адресата. В следующем контексте в ответной реплике вопросительная часть представляет собой ретроспективную отсылку: *Ты его у меня*

встретил раз, помнишь? = *Если ты помнишь, ты его у меня как-то встретил.* Отсылка не содержит достаточно предметно-фактуальной информации, интересующей спрашивающего – нарушает максимум количества принципа кооперации П. Грайса. В свою очередь, утвердительная часть ответной реплики содержит эмоционально-оценочную информацию (*Добрый малый* – позитивная оценка лица):

(17) – *Кто это?* – спросил Левин.

– *Ты его у меня встретил раз, помнишь?* *Добрый малый* (Л. Н. Толстой «Анна Каренина»).

Таким образом, вопросительные конструкции, используемые в качестве ответных реплик, обладают манипулятивным потенциалом и способностью выступать средством психологической защиты. И прямые, и косвенные ответные конструкции могут быть детерминированы незнанием ответа на инициирующий вопрос, нетактичностью данного вопроса, установкой адресата на контакт. Прямые ответные конструкции могут быть также обусловлены непониманием или его симулированием (одна из форм психологической защиты), стремлением адресата к ситуативному лидерству, физиологическими особенностями адресата. Косвенные ответные конструкции могут быть вызваны неверием инициатора, несогласием с ним, избыточностью инициирующего вопроса, знанием ответа на него, общностью опыта инициатора и адресата. Реализация факторов, влияющих на использование косвенных ответных конструкций, имеет тенденцию сопровождаться вербальным и/или невербальным выражением эмоциональной реакции. По сравнению с прямыми ответными конструкциями косвенные конструкции являются более эмоционально-экспрессивными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козловская, Л. А. Фатическая функция языка: социолингвистический и структурно-грамматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л. А. Козловская. – Минск : БГУ, 1993. – 23 с.
2. Осипова, А. А. Манипуляции в общении: умей сказать «нет!» / А. А. Осипова. – Ростов н/Д : Феникс, 2005. – 220 с.
3. Серль, Дж. Р. косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 195–222.
4. Апресян, Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря / Ю. Д. Апресян // Прагматика и проблемы интенциональности: сб. науч. тр. – М. : МГУ, 1988. – С. 7–44.
5. Сивенкова, М. А. Ретроспективные реакции на условия успешности речевых актов в диалоге / М. А. Сивенкова // Коммуникация. Дискурс. Текст: сб. науч. ст. / отв. ред. Т. В. Поплавская. – Минск : МГЛУ, 2005. – С. 136–141.

The article deals with interrogative constructions fulfilling the function of the addressee's answers to initiating questions in Russian communicative contexts. The addressee's interrogative constructions have manipulative potential and the ability to act as a means of psychological protection. In the paper, direct and indirect representation of the addressee's interrogative constructions is analyzed. It is concluded that both the addressee's direct and indirect interrogative constructions can be determined by ignoring the answer to the initiating question, the tactlessness of the initiating question, and the recipient's contact orientation. However, the addressee's indirect interrogative constructions are more emotional and expressive than direct ones.

Поступила в редакцию 06.02.2020

Т. П. Ключенович

ЭКСПЛИКАЦИЯ РЕЧЕВОГО/НЕРЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ В БЕЛОРУССКОЙ И БРИТАНСКОЙ РЕМАРКЕ

Данное исследование имеет своей целью выявление тенденций к экспликации речевого/неречевого действия в белорусской и британской ремарке в конструкциях с чужой речью. Речеводные глаголы систематизированы в соответствии с их текстуальным и лексикографическим речевым/неречевым значением на три основных блока (речевые, неречевые, глаголы с неосновным значением речи) и два основных типа (с речевым текстуальным и неречевым текстуальным значением). По результатам анализа установлены основные этнолингвистические тенденции употребления речеводных глаголов, относящихся к выделенным блокам и типам. На основании полученных данных формулируется вывод о тенденции к экспликации неречевого действия в белорусской ремарке и речевого – в британской.

На этапе лексико-семантического анализа авторской ремарки в первую очередь значимым представляется рассмотрение ядерного компонента ремарки в конструкциях с ЧР, а именно речеводного глагола. В процессе анализа эмпирического материала в произведениях белорусской и британской художественной прозы всего исследовано 5 202 и 4 385 речеводных глаголов соответственно. Данная статья имеет целью решение следующих задач:

- систематизировать речеводные глаголы в соответствии с их текстуальным и лексикографическим речевым/неречевым значением;
- выявить тенденции к экспликации речевого/неречевого действия в белорусской и британской ремарке.

В результате анализа текстового материала было установлено, что в современных белорусских и британских ремарках используются глаголы как с речевым, так и с неречевым значением. При этом мы различаем лексикографическое и текстуальное значения глаголов и выделяем три основных блока глаголов, вводящих ЧР:

- 1) речевые глаголы, у которых первичное лексикографическое значение и текстуальное значение являются речевыми;

2) неречевые глаголы, у которых лексикографическое и текстуальное значения являются неречевыми;

3) глаголы с неосновным значением речи, которые, как явствует из анализа, занимают промежуточное положение, поскольку их текстуальное значение является речевым, а лексикографическое – может быть либо речевым вторичным, либо неречевым.

Основные характеристики выделенных глагольных блоков и частотность их употребления в белорусском и британском художественных дискурсах отражены в табл. 1, а также графически (рис. 1).

Т а б л и ц а 1

Основные блоки речевводных глаголов в составе ремарки

Глагольный блок	Словарное значение	Текстуальное значение	Белорусская ремарка		Британская ремарка	
			число глаголов	доля в %	число глаголов	доля в %
1. Речевые	речевое	речевое	1 795	34,5	2 197	50,1
2. Неречевые	неречевое	неречевое	3 002	57,7	1 912	43,6
3. С неосновным значением речи	речевое вторичное / неречевое	речевое	405	7,8	276	6,3

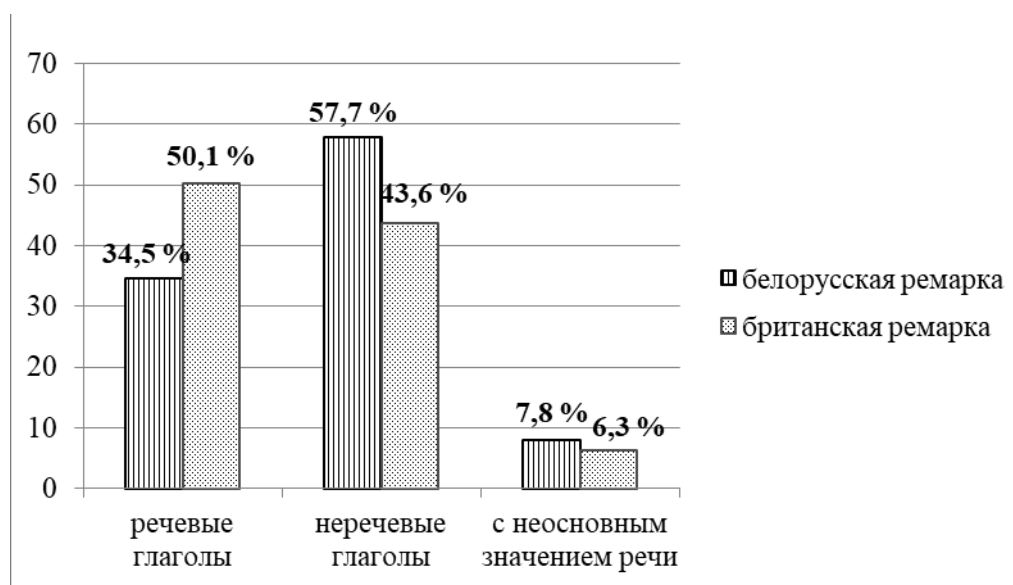


Рис. 1. Представленность глагольных блоков в белорусской и британской ремарке, %

Рассмотрим примеры текстовой реализации речевых глаголов в обоих дискурсах.

1) – *Захадзі, захадзі! – коўтаючы ежу ў роце, прагугнявіў Гуж* [1, с. 134].

2) *Over coffee, he said: ‘Once you’ve got this novel under your belt, why not do a book about motherhood?’* [2, p. 81].

Как видно из контекста, глаголы в представленных ремарках используются для передачи речевой деятельности исходного говорящего (*прагугнявіў, said* ‘сказал’). Рассмотрим словарные дефиниции этих глаголов:

гугнявіць: гаварыць у нос [3, т. 2, с. 92];

to say: utter (specified words) in a speaking voice ‘произносить (определенные слова) вслух’ [4, р. 1229].

Как видим, словарные статьи содержат указания на речь (*произносить, слова, гаварыць* и т.д.). Таким образом, становится очевидным, что у глаголов, относящихся к выделенной группе, как словарное, так и текстуальное значения являются речевыми.

В результате анализа текстового материала зафиксировано, что в британской ремарке блок речевых глаголов является самым крупным (50,1 %): он включает более половины всех речевводных глаголов. В рамках белорусской ремарки глаголы, относящиеся к выделенному блоку, составляют только 34,5 % (см. табл. 1, рис. 1).

Рассмотрим примеры употребления неречевых глаголов, которые, как показал анализ материала, также могут вводить реплику персонажа в конструкциях с ЧР:

1) – *Што ты кажаш, Агюль? – спалохаўся, адразу як бы змірзанаеў стары хан* [1, с. 217].

2) ‘No!’ *Gertrude spun round* [5, р. 24].

В представленных примерах наблюдается явление семантического эллипсиса глагола, который предполагает опущение глаголов со значением речевого действия в рамках ремарки и использование неречевых глаголов в качестве их функциональных заместителей с целью передачи различных действий исходного говорящего, сопутствующих говорению (*спалохаўся, змірзанаеў, spun round* ‘повернулась кругом’). Рассмотрим значения этих глаголов в лексикографических источниках:

палохацца ‘прыходзіць у стан страху, боязнi’ [3, т. 5, кн. 1, с. 247];

змірзанаець ‘схудзець, здрабянець, асунуцца’ [3, т. 2, с. 491];

to spin ‘turn or cause (a person or thing) to turn or whirl round quickly’ – ‘повернуться или заставить (человека или вещь) быстро повернуться или вращаться’ [4, р. 1340].

Словарные дефиниции подтверждают, что глаголы данного блока не характеризуют речь исходного говорящего. Отметим, однако, что различные неречевые действия также являются компонентами коммуникации, обосновывая возможность введения реплики персонажа глаголами данного типа. Выполняя синтаксическую функцию введения чужой речи, они не указывают на речевую деятельность исходного говорящего, а замещают опущенный глагол говорения, принимая на себя его функцию. По результатам проведенного анализа эмпирического материала неречевые глаголы составляют 57,7 % и 43,6 % в белорусской и британской ремарке соответственно (см. табл. 1; рис. 1).

Особого рассмотрения заслуживают глаголы с неосновным значением речи. Данный блок глаголов выделяла Е. О. Новицкая, относя к нему глаголы с неречевым словарным значением, у которых окказиональное речевое значение реализуется под влиянием функционально-коммуникативной заданности [6, с. 88]. Мы считаем необходимым уточнить состав блока глаголов с неосновным значением речи: помимо неречевых глаголов с окказиональным речевым значением мы относим к данному блоку глаголы, первичное лексикографическое значение которых является неречевым, но в ремарке реализуется их вторичное словарное речевое значение. Таким образом, в рамках блока глаголов с неосновным значением речи мы дифференцируем два типа глаголов:

1) глаголы с узуальным речевым значением: у глаголов данного типа речевое значение является лексикографически зарегистрированным, хотя и вторичным (например, у глагола *bark* ‘лаять’ первичное значение неречевое (*make the cry of dogs* ‘издавать звук, присущий собаке’ [7, р. 27]), однако словарь фиксирует вторичное речевое значение: *speak or utter sharply or brusquely* ‘говорить или произносить резко или отрывисто’ [4, р. 103]);

2) глаголы с окказиональным речевым значением: речевое значение не зафиксировано в словаре и проявляется только в результате текстовой реализации (например, глаголы *ляснуць*, *выдушваць*, *permit* ‘позволять’ обладают исключительно неречевым лексикографическим значением) [3, т. 1, с. 534; т. 2, с. 682–683; 4, р. 1018; 8, р. 249; 9, р. 150]).

В функции речеводных оба типа глаголов с неосновным значением речи выступают в качестве речевых, поскольку в ремарке происходит актуализация их речевого значения, и они употребляются для характеристики речевой деятельности исходного говорящего.

По данным проведенного исследования блок глаголов с неосновным значением речи является немногочисленным в обоих дискурсах и составляет 7,8 % и 6,5 % в белорусской и британской ремарке соответственно (см. табл. 1; рис. 1).

Рассмотрим пример текстовой реализации глагола первого типа с узуальным значением речи, где речевое значение зафиксировано в словаре, но является вторичным.

– *Сігізмунд Станіслававіч тады злосна ўпёрся позіркам у Міхася і працадзіў* скрозь зубы нешта пра самаўпэўненых невукаў [14, с. 431].

В своем первичном словарном значении глагол *цадзіць* обозначает неречевое действие, а именно, ‘прапускаць (малако, вадкасць) праз цадзілку, сіта або друшляк для ачысткі’ [3, т. 5, кн. 2, с. 225]. В подобных случаях необходимо рассмотрение контекста как информации об условиях употребления высказывания, поскольку именно наличие контекста, не типичного для основного значения глагола, способствует выявлению его окказионального значения [10, л. 33; 11; 12; 13]. При этом под контекстом мы понимаем оба компонента конструкции с ЧР: ремарки и реплики. В данном текстовом фрагменте основное значение глагола *цадзіць* не является

актуальным. Здесь реализуется его вторичное речевое значение ‘вымаўляць праз зубы’ [3, т. 5, кн. 2, с. 225]. Во-первых, об этом свидетельствует обстоятельственный конкретизатор *скрозь зубы*, который используется автором при глаголе. Во-вторых, дополнительным маркёром является сама реплика, которая представлена в форме дополнения (*нешта пра самаўпэўненых невукаў*). Реплика показывает отнесенность речеводного глагола *цадзіць* к речевой деятельности, а не к неречевому действию персонажа, сопутствующему говорению.

Рассмотрим также пример использования глаголов второго типа, т.е. окказиональных употреблений неречевых глаголов в речевом текстуальном значении. В подобных случаях речевое значение не фиксируется в лексико-графическом источнике, однако реализуется в конкретном контексте.

Mrs. Smith stood up. ‘I don’t like it. I am going.’

‘Oh, no,’ said Conrad. ‘<...> You may be a part of a plot, after all. <...>’

<...> Mrs. Smith pulled. ‘You have got to help’.

В словарной дефиниции глагола *pull* (*exert a pulling force; be caused to move, esp. in a specified direction* ‘применять тяговую силу; быть побуждаемым двигаться, особенно в конкретном направлении’ [4, р. 1109]) нет указаний на речевую деятельность. Речевое значение не зафиксировано в словаре и в качестве вторичного. Однако в ремарке *Mrs. Smith pulled* глагол *pull* не употребляется в своем прямом значении, о чем свидетельствуют два фактора: семантическая структура самого глагола и контекст. Во-первых, в семантике глагола *pull* ‘тянуть, дергать’ присутствует сема ‘воздействие’, которое может осуществляться и в словесной форме. Кроме того, рассматриваемая ремарка является частью диалога двух персонажей (*Mrs. Smith* и *Conrad*), реплики которых помогают понять смысл рассматриваемой ремарки: *I don’t like it. I am going* ‘Мне это не нравится. Я уйду.’ *Oh, no, you may be a part of a plot, after all* ‘О, нет, в конце концов ты можешь стать частью заговора’. Отнесенность последней реплики (*You have got to help* ‘Ты должен помочь’) к рассматриваемой ремарке (*Mrs. Smith pulled* ‘Миссис Смит дернула/наступила’) указывает на речевую деятельность исходного говорящего и предполагает словесное воздействие на собеседника. Таким образом, как семантическая структура глагола, так и контекст указывают на окказиональное речевое употребление.

Анализ и широкое сравнение эмпирического материала, касающегося текстовых реализаций значений речеводных глаголов, выявило, что в ремарках современных британских и белорусских авторов наблюдается определенная лингвокультурная специфика относительно тенденций к экспликации речевого/неречевого действия в ремарке. Тенденции установлены с учетом частотности представленности в белорусских и британских ремарках глаголов, относящихся к трем выделенным глагольным блокам (см. табл. 1; рис. 1). При этом мы принимаем во внимание тот факт, что глаголы с неосновным значением речи в ремарке всегда используются в речевом

текстуальном значении и, следовательно, употребляются с целью экспликации речевого действия персонажа. Таким образом, в соответствии с текстуальным значением мы подразделяем все речеводные глаголы на два типа:

- 1) глаголы с речевым текстуальным значением (включает два блока: речевые глаголы и глаголы с неосновным значением речи);
- 2) глаголы с неречевым текстуальным значением (включает блок неречевых глаголов, поскольку они всегда употребляются в контексте в своем словарном (неречевом) значении).

Полученные данные представлены в табл., а также графически (рис. 2).

Т а б л и ц а 2

Частотность представленности глаголов
с речевым/неречевым текстуальным значением в составе ремарки

Тип глаголов	Белорусская ремарка, %	Британская ремарка, %
С речевым текстуальным значением (речевые + глаголы с неосновным значением речи)	42,3 (34,5% + 7,8 %)	56,4 (50,1% + 6,3 %)
С неречевым текстуальным значением	57,7	43,6

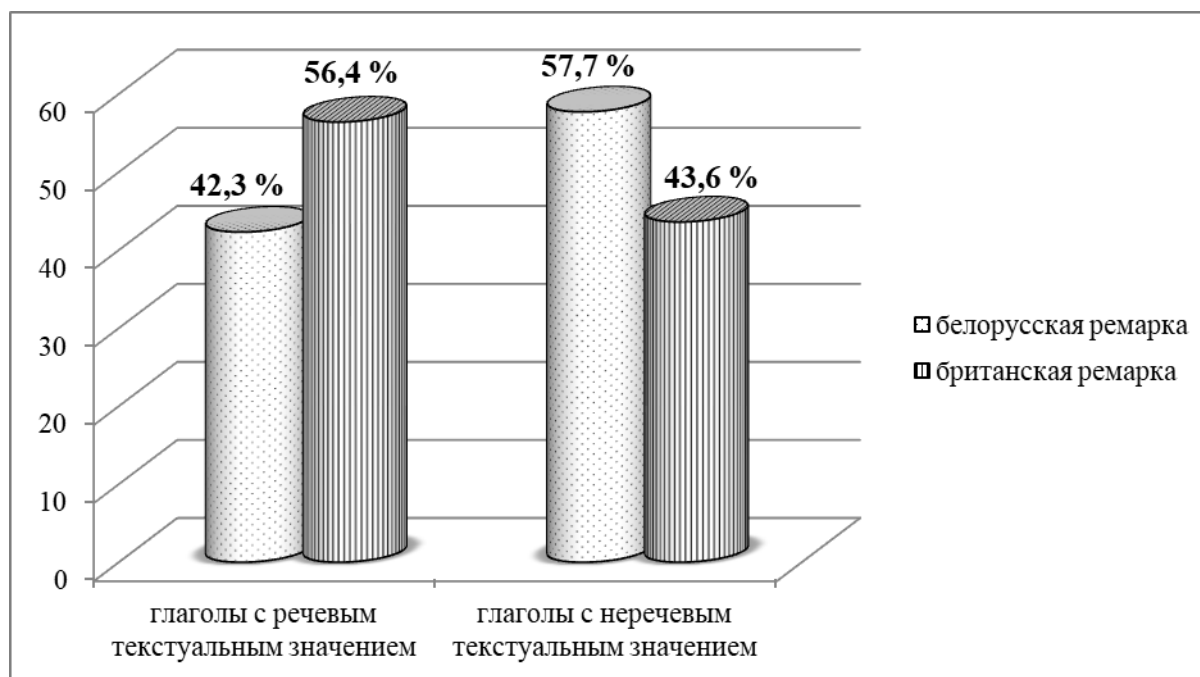


Рис. 2. Представленность глаголов с речевым/неречевым текстуальным значением в белорусской и британской ремарке, %

В плане сопоставительного анализа данные таблицы и диаграммы иллюстрируют, что глаголы с неречевым текстуальным значением преобладают в белорусской ремарке (57,7 % против 43,6 % – в британской).

В отношении глаголов с речевым текстуальным значением наблюдается зеркальная ситуация: они проявляют более высокую частотность в британской ремарке (56,4 % против 42,3 % – в белорусской) (см. табл. 2; рис. 2). Полученные результаты свидетельствуют о тенденции к экспликации неречевого действия в белорусской ремарке, с одной стороны, и о тенденции к экспликации речевого действия в британской ремарке – с другой.

В отношении представленности основных блоков и типов речевводных глаголов в белорусской и британской ремарке можно сформулировать следующие выводы:

1. В белорусской и британской ремарке выявлено три основных блока глаголов, вводящих чужую реплику: речевые (50,1 % и 34,5 % в британской и белорусской ремарке соответственно), неречевые (43,6 % и 57,7 % в британской и белорусской ремарке соответственно) и глаголы с неосновным значением речи (7,8 % и 6,3 % в белорусской и британской ремарке соответственно)

2. Неречевые глаголы в ремарках могут выступать в качестве функциональных заместителей речевых. В рамках блока глаголов с неосновным значением речи выделено два типа: глаголы с узуальным и окказиональным речевым значением.

3. Полученные результаты свидетельствуют о тенденции к экспликации неречевого действия в белорусской ремарке (глаголы с неречевым текстуальным значением преобладают и составляют 57,7 % против 43,6 % в британской) и речевого в британской (глаголы с речевым текстуальным значением составляют 56,4 % против 42,3 % в белорусской).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дайнека, Л.* След ваўкалака : раман / Л. Дайнека. – Мінск : Юнацтва, 2001. – 346 с.
2. *Coe, J.* What a carve up! / J. Coe. – London [etc.] : Penguin, 1995. – 502 p.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук Беларус. ССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1977–1984.
4. *The Concise Oxford Dictionary of Current English* / ed. D. Thompson. – 9 th ed. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – XXI, 1673 p.
5. *Freud, E.* The sea house / E. Freud. – London : Penguin, 2004. – 279 p.
6. *Новицкая, Е. О.* Семантические особенности глаголов не-речи, вводящих прямую речь (на материале современного английского языка) / Е. О. Новицкая // Семантика и типология разносистемных языков : сб. науч. тр. / Ташкент. гос. ун-т ; редкол.: Э. С. Азнаурова (отв. ред.) [и др.]. – Ташкент, 1986. – С. 83–89.

7. New Expanded Webster's Dictionary / ed.: R. F. Patterson. – Miami : P.S.I. & Associates, 1989. – 384 p.
8. Webster's Dictionary and Thesaurus. – Ashland : Landoll, 1997. – 448 p.
9. *Smith, Z. White teeth* / Z. Smith. – London: Penguin, 2000. – 542 p.
10. *Черкасова, Г. В. Гибридные формы чужой речи в свете теории высказывания* : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Г. В. Черкасова. – Пятигорск, 2013. – 173 л.
11. *Бабенко, Л. Г. Функциональный анализ глаголов говорения, интеллектуальной и эмоциональной деятельности (на материале художественной речи А. Платонова)* : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. Г. Бабенко ; Рост. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 1980. – 25 с.
12. *Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров* / М. М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. – М., 1996. – Т. 5 : Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – С. 159–206.
13. *Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества* : сб. избр. тр. / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
14. *Рублеўская, Л. Ночы на плябанскіх млынах* : раман, апавесць, апавяданні / Л. Рублеўская. – Мінск : Маст. літ., 2013. – 526 с.

The article focuses on ethnolinguistic tendencies of explication of speech and non-speech actions in the remarks of Belarusian and British authors. On the first stage of analysis, the verbs used in the remarks are subdivided into three main blocks (according to their textual and lexicographical meaning) and later combined into two main types (verbs with speech and non-speech textual meaning). It is concluded that in modern Belarusian and British fiction two opposite tendencies are observed: explication of non-speech actions in Belarusian remarks and explication of speech actions – in British remarks.

Поступила в редакцию 28.01.2020

О. Ф. Курилович

АКТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА

В статье дается обзор моделей ментального лексикона, рассматриваются различные подходы к понятию *ментальный лексикон*, выявляется особенность его трактовки. На основе детального анализа современных исследований ментального лексикона делается вывод о невозможности построения его универсальной модели, которая подходила бы под данные любого языка. Автор приходит к выводу, что для построения идеальной модели необходимо дальнейшее исследование специфики ментальных лексиконов языков разных языковых семей.

Когнитивная система человека возникает в результате когнитивной деятельности и отражается в сознании человека в форме индивидуального ментального лексикона. Ментальный или внутренний лексикон есть не что иное, как одна из форм представления и хранения знаний (памяти), система

хранения всех сведений о языке, предназначенная для упорядочивания и обработки сведений о языке, почерпнутых из опыта или врожденных [1, с. 379]. Термин *ментальный лексикон* придумал Дж. Миллер и впервые его употребил, рассуждая о ментальных словарях и их отличиях от традиционных. Он отметил, что первые могут содержать немало примитивных концептов, для которых нет привычных простых обозначений; к тому же слова в этом ментальном словаре представляются связанными друг с другом, т.е. не стоящими по отдельности [2, с. 194–195].

Анализ структур памяти и принципов хранения знаний о языковых значениях в определенной степени служит основанием исследования ментального (внутреннего) лексикона как компонента речевой способности человека. Психолингвистика исследует системную организацию внутреннего лексикона в сознании носителя языка, которая не совпадает с выделяемой лингвистами языковой системностью [3, с. 25–29]. Сложность устройства внутреннего лексикона определяется тем, что, с одной стороны, это аналог системы лексики определенного языка, а с другой – часть общей организации человеческого мозга, его интеллекта, механизма речевой способности человека. В ходе развития психолингвистики подход к трактовке ментального лексикона менялся. Вполне естественно, что представители разных направлений ставят своей целью исследовать вопросы относительно ментального лексикона.

Рассматривая более ранние модели ментального лексикона, мы для начала хотим остановиться на первых теориях А. А. Залевской, которая рассматривает лексикон как «лексический компонент речевой способности человека», а принципы его организации – как средство доступа к информационной базе [4, с. 30]. При построении модели организации лексикона и описании признаков и связей, его упорядочивающих, в качестве исходного материала А. А. Залевская использовала результаты свободных ассоциативных экспериментов. Анализ этих данных позволил предположить, что лексикон состоит из двух уровней: глубинного и поверхностного. На глубинном уровне находятся образы слов, которые составляют некоторые «чувственные группы», переживаемые как их значения и смыслы. Для этого уровня неактуальны формальные признаки слова: его принадлежность к определенной части речи, формы склонения и спряжения. На поверхностном уровне «каждая единица входит в большое количество связей по линиям звуковой и графической формы, по признаку протяженности, вхождения в более или менее протяженные контексты и т.д.» [5, с. 135]. Иными словами, для глубинного яруса лексикона формальные признаки слов являются нерелевантными, слово идентифицируется как словоформа лишь на поверхностном уровне. Стимул может быть идентифицирован как словоформа, реакция же представляет собой часть исходного слова. Могут возникать также и реакции-рифмы, реакции, включающие слово в контексты разного характера протяженности

(устойчивые словосочетания, клише и прочее). Принципы организации поверхностного уровня зависят от специфики языка носителя лексикона: комплекса фонетических, орфографических, морфологических особенностей соответствующего языка, его деривационной активности, возможностей словосочетания и т.д. Для организации единиц поверхностного уровня лексикона характерно, во-первых, установление связей на основании совпадения элементов разной протяженности и разной локации в составе вступающих в связь словоформ. Во-вторых, включение в контексты разной протяженности и совместное хранение результатов упорядочения знаний об окружающем мире первоначально «оформляются» через полные высказывания или через цепи логических рассуждений, но затем предельно «сворачиваются» вплоть до автоматизированной связи между словоформами [4, с. 158].

В концепции А. А. Залевской внутренний лексикон (субъективный, ментальный лексикон) выступает как средство доступа к продуктам переработки в памяти разностороннего опыта взаимодействия человека с миром. Внутренний лексикон человека сам по себе неоднороден. На основании частотности его употребления в качестве реакции на стимул и различных степеней интеллектуальной активности испытуемых в свободном ассоциативном эксперименте выделяются ядро и периферия лексикона. Уточняя концепцию А. А. Залевской, исследователь Ю. Н. Караулов считает, что ядро состоит в основном из знаменательных слов и формируется из связанных между собой единиц, что подтверждает психологическую реальность «правила шести шагов», согласно которому возможно установление связи между двумя любыми единицами лексикона [6, с. 77–78]. В ядре лексикона отражены наиболее типичные ситуации как результат переработки языкового и неязыкового опыта. В основе организации лексикона лежат два главных принципа: логика упорядочения человеком знания о мире; логика хранения знаний об особенностях оперирования словом в речи. Согласно данной модели слово обеспечивает доступ к памяти человека. Т. Ю. Сазонова пишет: «то, что идентифицируется человеком как слово в единстве его формы и значения, оказывается точкой пересечения множества разнообразных связей...» [7, с. 6].

Н. О. Золотова рассматривает ядро лексикона человека как феномен языкового сознания [8, с. 94]. По её мнению, упорядоченность знаний в оптимальных для использования в речемыслительной деятельности формах репрезентации соотносится со специфической конфигурацией ассоциативных связей, неравноценных по своей энергетике. Наиболее «энергетичные» связи фокусируются в своеобразный центр, или ядро, вокруг которого распределяются остальные связи. Единицы ядра лексикона, приводящие в возбуждение существующие множественные связи, обладают необычайной активностью, характеризуются одновременным вхождением во множество ассоциативных полей других единиц, заполняющих все остальное пространство

ментального лексикона. Как полагает Н. О. Золотова, этот факт отражает способность единиц ядра выступать в качестве оптимальных средств кодирования ситуаций, связанных с прошлым опытом человека и служащих опорами для получения выводных знаний, играющих важную роль в процессах понимания.

О связи лексического и грамматического знания писал Ю. Н. Караулов. Им были введены, наряду с понятием лексикона, понятия грамматикона и прагматикона [9, с. 89], которые служат дифференциации типов языкового знания. Автор также указывает на необходимость выделения лексикона в структуре языковой личности [9, с. 86]. По его мнению, лексикон организован по сетевому принципу, представляя собой ассоциативно-семантическую сеть с включенной в неё и в значительной мере лексиколизированной грамматикой. Ассоциативно-семантическая сеть задает принципы организации и лексикона, и семантикона личности [9, с. 94]. Однако в ассоциативных структурах (по данным массовых ассоциативных экспериментов) обнаруживается причудливое переплетение и лексико-семантических элементов, и знаний о мире, и деятельностно-коммуникативных потребностей личности, т.е. его прагматикона [9, с. 239]. Следует подчеркнуть, что работы Ю. Н. Караулова, по мнению некоторых лингвистов, являются «апофеозом» грамматического подхода к ассоциативным структурам и, на наш взгляд, образуют отдельное направление в ассоциативных исследованиях.

Как видно из обзора ранних теорий ментального лексикона, большинство исследователей склоняются к идее об его устройстве по принципу семантической сети. Но существует целый ряд морфологически ориентированных моделей внутреннего лексикона, изучающих вопрос репрезентации морфемной структуры. Основными тенденциями в этом направлении исследования ментального лексикона являются «сосуществование двух путей доступа (поморфемного и цельнословного), хранение репрезентаций отдельных морфем, наличие уровня единиц, промежуточных между фонологическим/графическим и семантическим/концептуальным представлениями» [10, с. 47].

Сегодня, несмотря на близкие дефиниции ментального лексикона, подходы авторов значительно отличаются по ряду вопросов. Среди них такие, как доступ и извлечение слова из памяти, свойства слова по их ментальной репрезентации в голове человека, глобальная организация лексикона. На сегодняшний день исследователи спорят о том, есть ли различия в механизмах активации ментального лексикона при различных видах речевой деятельности (при порождении и восприятии речи), сколько ментальных лексиконов у носителей двух и более языков, каковы механизмы их функционирования [11].

Таким образом, становится очевидным, что на данном этапе развития психолингвистики характерен отказ от рассмотрения ментального лексикона как универсального и несогласие с трактовкой его как «внутреннего словаря» [12]. Ученые приходят к такому заключению на основе экспериментальных исследований носителей разных языков. Важный вклад в эту область вносят работы, анализирующие усвоение языка детьми и формирование ментального лексикона у людей, изучающих иностранный язык во взрослом возрасте, строение ментального лексикона у билингвов, рассмотрение ненамеренных отклонений от нормы (ошибки и речевые сбои), а также данные о распаде языковой системы при различных типах афазий.

Актуальные модели ментального лексикона учитывают вариативность плана выражения лексической единицы при словоизменении, а также принцип соединения и расположения морфем в составе производных слов в языках разных типов [13]. Лексемы в разных языках отличаются по количеству словоформ, по форме их расположения: линейное или инкорпорирование. Это приводит к различиям в обработке словоформы при восприятии и порождении речи. И, как результат, достаточно существенные отличия в моделях ментального лексикона для носителей типологически разных языков, например, аналитических и инкорпорированных.

Авторы новых моделей ментального лексикона приходят к заключению, что различные виды речевой деятельности (порождение и восприятие речи) отличаются по мере и степени взаимодействия разных психических и нейрофизиологических механизмов, обеспечивающих данную речевую деятельность. Не вызывает сомнений тот факт, что все психические и нейрофизиологические механизмы обеспечения речевой деятельности едины. Однако степень и процедуры их взаимодействия существенно варьируют в зависимости от типа используемого языка и вида речевой деятельности [14, с. 93].

Рассмотренные в данной статье подходы к понятию ментального лексикона позволяют сделать вывод о том, что в основе его организации лежат два общих принципа: логика упорядочения человеком знаний о мире и логика хранения знаний об особенностях функционирования слова в речи. Таким образом, принципы организации лексикона отражают как лингвистические знания, т.е. языковую компетенцию, так и экстралингвистический опыт. Значимость лексикона заключается в том, что в памяти человека хранятся самые различные по своей форме и содержанию единицы, обеспечивающие в своей сочетаемости нормальную речевую деятельность. В настоящий момент не существует общепринятой точки зрения ни на то, каким образом организовано хранение языковых единиц в ментальном лексиконе, ни на то, как отличается этап обработки языковых единиц при процессах порождения и восприятия речи. Сейчас все чаще говорят об индивидуальной специфике каждого языка и невозможности построить универсальную модель менталь-

ного лексикона, которая подходила бы под данные любого языка. Это ведет к необходимости дальнейшего изучения этой проблемы на примере значительного количества языков и целесообразности описания специфики их ментальных лексиконов, а также проведения компаративного анализа языков разных языковых семей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в порождении мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 560 с.
2. Johnson-Laird, Ph. N. On Opening the Dictionary / Ph. N. Johnson-Laird // The making of Cognitive Science / Ph. N. Johnson-Laird. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1988. – P. 186–209.
3. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике. Е. В. Падучева. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 608 с.
4. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманитар. ин-т, 2000. – 381 с.
5. Залевская, А. А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование / А. А. Залевская; науч. ред. проф. М. М. Копыленко. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 205 с.
6. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 355 с.
7. Сазонова, Т. Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход / Т. Ю. Сазонова. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2000. – 134 с.
8. Золотова, Н. О. Ядро лексикона человека как феномен языкового сознания / Н. О. Золотова // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Междунар. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл.: Москва, 1–3 июня 2000 г.: ред. Е. Ф. Тарасов. – М. : ИЯ РАН, 2000. – С. 94–102.
9. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
10. Васильева, М. Д. Ментальный лексикон: где же место морфологии? / М. Д. Васильева // Рос. журнал когнитивной науки. – 2014. – 1(4). – С. 1– 57. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istina.msu.ru/publications/ar-ticle/10942913/> – Дата доступа: 15.12.2019.
11. Elman, J. L. Lexical knowledge without a lexicon? Methodological and Analytic Frontiers in Lexical Research (Part II) / J. L. Elman The Mental Lexicon. – 2011. – V. 6 (1). – P. 1–33.
12. Залевская, А. А. Ментальный лексикон: конструктор, метафора, миф? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/23080389/GI-SAP_Philological_Sciences_Part_8. – Дата доступа: 15.12.2019.

13. *Baayen, R. H.* Experimental and psycholinguistic approaches to studying derivation / R. H. Baayen // *Handbook of derivational morphology* / R. Lieber, P. Stekauer (Eds.). – Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. – P. 95–117.

14. *Овчинникова И. Г.* Синтагматические сбои в русской речи: интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона / И. Г. Овчинникова // *Вопросы психолингвистики*. – 2018. – № 2 (36). – С. 84–98.

Different approaches to the concept of the mental lexicon given in the article single out the importance of the experimental approach to the problem. The undertaken analysis of the contemporary models defines the mental lexicon not simply as storage of lexical units but as a source of information about the world around. Researchers come to the conclusion that it's impossible to build a universal model of the mental lexicon due to individual characteristics of different languages.

Поступила в редакцию 27.12.2019

Л. П. Новикова

НАРУШЕНИЯ ОРФОЭПИЧЕСКОЙ НОРМЫ И КОНКУРИРУЮЩИЕ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ В УСТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

В статье анализируются функционирующие в устной публичной речи отступления от традиционной орфоэпической нормы русского языка, выделяются формы, отражающие ее колебание на современном этапе. Исследование проводилось на материале живой устной публичной речи, фрагменты которой были записаны и изучены автором.

В настоящее время численность участников публичной коммуникации стремительно растет. Как известно, нормативной первоосновой литературного языка долгое время (до второй половины XX в.) выступал речевой узус произведений художественной литературы. Однако, как отмечают многие современные лингвисты, в частности Г. П. Нещименко, в конце XX – начале XXI в. «ощутимо возросла и упрочилась социальная база и лингвокультурная значимость публичного вербального узуса, его участие в формировании нормы литературного языка, при определении направленности проводимой кодификационной и языковой политики» [1, с. 177]. Вместе с тем, по мнению А. А. Лукашанца, в устной публичной речи как результат демократизации языка часто наблюдается следующий феномен: «не стыдно говорить и писать с ошибками» [2, с. 4]. Данная противоречивая ситуация определяет особую актуальность современных лингвистических исследований, проводимых на материале устной публичной речи.

Однако в настоящее время в трудах белорусских и зарубежных лингвистов в различных аспектах представлен анализ главным образом печатных текстов средств массовой информации Беларуси: В. И. Ивченков [3], Т. П. Карпилович [4], А. Я. Шайкевич [5], О. В. Казимирова [6] и др. Взаимо-

влияние языков в условиях близкородственного белорусско-русского двуязычия также исследуется в основном на материале печатных текстов: М. И. Конюшкевич [7], Г. И. Кустова [8], Л. В. Рычкова [9] и др.

Варьированию на уровне произношения, классификации произносительных норм и их вариантов, выявлению особенностей функционирования данных вариантов посвящены работы: К. С. Горбачевич [10], В. Я. Головиной [11], Л. А. Вербицкой [12] и др. Очевидно, что изучение произносительной нормы требует постоянного наблюдения за живой устной речью носителей литературного языка, актуального анализа слабых точек системы, а также взаимовлияния кодифицированной нормы и узуса.

Цель данного исследования – определить и охарактеризовать функционирующие в устной публичной речи жителей г. Витебска отступления от традиционной орфоэпической нормы русского языка, а также установить формы, отражающие ее колебание на современном этапе. Следует отметить, что орфоэпические нарушения, обусловленные влиянием близкородственного белорусского языка, не рассматриваются в данной статье, так как являются отдельным предметом изучения.

Представленное исследование проведено на материале публичных речей, фрагменты которых были записаны автором в период с 2012 по 2019 год в ходе региональных выпусков новостей на телеканалах «Беларусь 1», «Беларусь 2», «Скиф», «Витебск», а также на конференциях и заседаниях, проводимых в различных учреждениях города Витебска. Для более подробного анализа записанные на диктофон фрагменты высказываний были переведены в две графические формы: орфографическую запись и фонетическую транскрипцию, при этом все особенности речи говорящих были сохранены.

Подчеркнем, что респондентами данного исследования выступают сотрудники организаций и учреждений, которые занимают должности, требующие обязательного наличия высшего образования. Следовательно, объектом нашего исследования является публичная речь носителей русского литературного языка. Общий объем проанализированного в ходе исследования материала составляет 15 495 слов из уст 213 респондентов.

В результате проведенного исследования были выявлены многочисленные примеры отступлений от традиционной орфоэпической нормы русского языка, которые, в свою очередь, можно разделить на две группы: 1) свидетельствующие о низком уровне речевой культуры говорящих; 2) отражающие колебание современной произносительной нормы.

Первую группу составляют языковые ошибки. Следует подчеркнуть, что вербальное качество исследуемых текстов полностью зависит от языковой компетенции говорящих и выявляет уровень речевой культуры данного социума. Отметим, что в лингвистической литературе встречается понятие *цензовая ошибка*, под которой понимают «такую речевую ошибку взрослого носителя языка, завершившего профессиональное обучение, которая на данном этапе развития социума воспринимается общественным сознанием

как недопустимая в среде образованных людей и свидетельствует о низкой общей культуре человека» [13, с. 5]. Представляется целесообразным формирование современного минимума по культуре устной и письменной речи, владение которым являлось бы обязательным для той или иной профессиональной категории. В сфере публичной коммуникации нарушения говорящими произносительных норм отвлекают внимание слушателей от содержания, мешают адекватному восприятию речи адресатом, что препятствует реализации основной, информативной функции устной публичной речи.

Как справедливо отмечает В. А. Маслова, «сейчас в Беларуси оба языка переживают кризис: наблюдается резкое снижение уровня грамотности и культуры речи среди населения страны – как в средствах массовой информации, политической сфере, в профессиональном и бытовом общении, так и в школьной, и студенческой среде» [14, с. 258].

В проанализированном материале акцентуационные нарушения выявлены нами во всех самостоятельных частях речи. Так, акцентуационные ошибки в именах существительных отмечены и в формах единственного, и в формах множественного числа. Например: *с другой сто́роны* (сотрудник облисполкома, 10.01.12, «Скиф»), *до́говор* (заместитель директора предприятия, 01.02.18, ТК «Скиф»), *у́мерший* (сотрудник управления здравоохранения, 16.01.12, ТК «Скиф»), *синéргия* (сотрудник облисполкома, 17.11.17, «Витебск»), *газопрóвод* (главный инженер УП, 01.02.18, «Скиф»), *средствá* (сотрудник облисполкома, 12.03.12, «Беларусь 1»), *шарфý* (главный врач, 31.01.12, «Скиф») и др.

В именах прилагательных, как в полных, так и в кратких формах, выявлены акцентуационные нарушения. Например: *о́птовые* (сотрудник управления здравоохранения, 16.01.12, «Скиф»), *э́кспертное* (представитель следственного комитета области, 07.08.17, «Витебск»), *частý* (сотрудник облисполкома, 30.05.18, «Витебск») и др.

В ходе исследования значительная часть акцентуационных нарушений отмечена в глаголах и глагольных формах (причастиях и деепричастиях). Например: *облéгчить* (психолог учреждения образования, 04.09.13, собрание), *по́нять* (директор учреждения образования, 20.02.12, «Скиф»), *при́нять* (начальник цеха УКВР, 01.03.12, ТК «Скиф»), *сбы́лись* (директор учреждения образования, 31.08.13, собрание), *приобрéтено* (сотрудник облисполкома, 18.01.12, «Скиф»), *прида́ла* (сотрудник РОВД, 17.01.12, «Скиф»), *о́тбыли срок* (сотрудник РОВД, 03.12.19, «Витебск») и др. Привлекает внимание повторяющееся у разных носителей языка ошибочное произношение глагольной связки *быть* в форме прошедшего времени женского рода: *бы́ла* (сотрудник облисполкома, 23.01.12, «Скиф»; директор спорткомплекса, 10.01.12, «Беларусь 1»; профессор, 04.04.13, собрание; главный врач, 14.02.18, собрание и др.).

Помимо акцентуационных нарушений в процессе исследования зафиксированы также факты ненормативного произношения согласных звуков, в частности твердых, вместо мягких, перед буквой *е* (к *терапевту* [тэ] (врач, 14.05.12, «Скиф»); *фрески* [рэ] (заведующая музеем, 28.06.17, «Скиф»).

В целом орфоэпические нарушения, являющиеся языковыми ошибками, зафиксированы у 31 % носителей языка.

Ко второй группе мы отнесли слова, характеризующиеся частым употреблением с нарушением традиционной орфоэпической нормы, не соответствующие современным тенденциям развития языка. Анализируя современный узус публичной коммуникации, Г. П. Нещименко говорит об активном действии тенденции к языковому варьированию [1]. Для современных орфоэпических словарей также характерно признание широкой вариантности в произношении, уменьшение количества запретительных помет.

Так, в речи носителей языка устойчиво функционирует слово *обеспечение* с ударением на четвертом слоге: *обеспечéние* (главный конструктор завода, 10.01.12, «Беларусь 1»; доцент, 20.03.13, собрание в университете; главный инженер предприятия, 01.02.18, «Скиф»; сотрудник в УВД, 12.06.18, «Витебск» и др.). В результате проведенного исследования установлено, что, употреблявшие данное слово в речи (12 человек) произносят его с указанным ударением. Как было отмечено О. Б. Сиротининой в известной монографии «Хорошая речь», впервые вышедшей в 2001 г., рассматриваемый вариант произношения «придется кодифицировать», так как и «в речи подавляющего большинства людей, во всем остальном соблюдающих кодифицированные нормы и полностью соответствующих элитарному типу речевой культуры, наблюдается подобное произношение» [15, с. 27].

Привлекает внимание массовое ненормативное произношение слов *термин* (с твердым [т]) и *проект* (два звука [jэ] на месте буквы *е*). Например: *т[э]рмин* (доцент, конференция, 30.11.12; преподаватель университета, собрание, 13.11.13; главный инженер, 01.02.18 «Скиф», и др.). Данный вариант произношения определяется словарями как ненормативный. Однако следует отметить, что в словаре-справочнике «Давайте говорить правильно! Трудности современного русского произношения и ударения» (Л. А. Вербицкая, Н. В. Богданова, Г. Н. Складарская), подготовленном на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета, предлагаются два равноправных варианта произношения: *т[э]рмин* и *[тэ́]рмин* [16]. Это свидетельствует о существовании произносительных вариантов для данной лексемы и в нормативных источниках. В результате проведенного исследования установлено, что слово *термин* с твердым [т] функционирует в речи 11 человек (91 % от числа тех, кто употребил его в своем выступлении).

Произнося слово *проект*, большинство носителей языка употребляют два звука [jэ] на месте буквы *е*. Например: *про[jэ]кт* (сотрудник горисполкома, 12.01.12 «Беларусь 2»; доцент, конференция, 30.11.12; профессор, собрание, 04.04.13; преподаватель учреждения образования, 21.11.18 «Витебск» и др.). Проведенное исследование выявило подобное произношение данного слова у 22 человека (82 % от числа употребивших его в своей речи). Отметим, что в орфоэпических словарях традиционно представлен один вариант нормативного произношения: *про[э́]кт*.

Как подчеркивает Л. А. Вербицкая, «побеждают и становятся нормативными те варианты, которые не противоречат системе» [17, с. 380]. Рассмотренные нами варианты произношения слов *термин* и *проект* соответствуют данному критерию. Кроме того, их распространение детерминировано двумя факторами: 1) влиянием тенденции к усилению «буквенного» произношения, активно проявляющейся в современном русском языке; 2) интерференцией близкородственного белорусского языка в условиях двуязычия.

В проанализированном материале выявлены также слова, которые отражают действующие в современном русском языке произносительные тенденции, но встретились по причине своей меньшей употребительности однократно, что не позволяет включить их во вторую из выделенных нами групп. Так, в соответствии с орфоэпической нормой большинство слов с сочетанием *чн* сохраняют его при произношении. Исключения составляют отдельные слова, среди которых и слово *прачечная*. На месте орфографического *чн* в данных словах необходимо произносить [шн]. Однако на вопрос пользователей о правильном произношении слова *прачечная* авторитетный интернет-портал Грамота.ру дает следующий ответ: *праче[чн]ая* и *праче[шн]ая*. Там же отмечается, что в русском языке наблюдается тенденция к замене произношения [шн] произношением [чн] [18]. Этот процесс – одно из проявлений усиления «буквенного» произношения. В результате проведенного нами исследования был также зафиксирован факт произношения слова *прачечная* с сочетанием [чн] (методист отдела образования, собрание, 27.08.13).

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы: 1. Уровень языковой компетенции лиц, активных в сфере устной публичной коммуникации г. Витебска, требует своего повышения. Возможным решением данной проблемы могут стать регулярные семинары по оптимизации публичного общения для сотрудников организаций, а также постоянное привлечение внимания общества к данной ситуации посредством СМИ. 2. Отдельные ненормативные речевые явления, характеризующиеся частым употреблением и соответствием тенденциям развития языка, демонстрируют колебания современной произносительной нормы. Таким образом, широко известная и общепринятая динамическая теория нормы находит свое отражение в живой речи носителей языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нецименко, Г. П. Речевой узус публичной коммуникации в славянских языках и его структурно-функциональная динамика на рубеже столетий / Г. П. Нецименко // *Dynamika współczesnego słownictwa słowiańskiego w przestrzeni stylowo-funkcjonalnej*. – 2017. – С. 177–195.
2. Лукашанец, А. А. Русский язык в условиях международной интеграции и глобализации / А. А. Лукашанец // *Русский язык : система и функционирование (к 75-летию филологического факультета БГУ) : материалы VI Междунар. науч. конф., Минск, 28–29 окт. 2014 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т; ред.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]*. – Минск, 2014. – Ч. 1. – С. 3–10.

3. *Ивченко, В. И.* Медиалингвистика в Беларуси: условия формирования и особенности развития / В. И. Ивченко // Медиалингвистика. – 2017. – № 2 (17). – С. 7–17.
4. *Карпилович, Т. П.* Медiateкст в коммуникативно-когнитивном аспекте / Т. П. Карпилович // Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. – 2012. – № 5. – С. 89–95.
5. *Шайкевич, А. Я.* Анализ лексико-семантических особенностей региональной прессы (на примере газет Гродненского региона Беларуси) / А. Я. Шайкевич, С. О. Савчук // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегод. Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). – 2014. – №. 13. – С. 20–33.
6. *Казими́рова, О. В.* Коммуникативные аспекты медийного дискурса / О. В. Казими́рова. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – 188 с.
7. *Конюшкевич, М. И.* Двухязычное медиапространство. Ст. вторая: Влияние русского языка на тексты белорусских СМИ / М. И. Конюшкевич // Медиалингвистика. – 2017. – № 2 (17). – С. 18–30.
8. *Кустова, Г. И.* Изучение лексико-семантической и социокультурной специфики русской речи на территории Республики Беларусь (на материале текстов СМИ) / Г. И. Кустова, С. О. Савчук // Корпусная лингвистика – 2013 : труды междунар. конф., Санкт-Петербург, 25–27 июня 2013 г. / СПбГУ, филол. ф-т ; ред. В. П. Захаров [и др.]. – СПб., 2013. – С. 344–352.
9. *Рычкова, Л. В.* Корпусные технологии в обучении русскому языку в условиях близкородственного двухязычия / Л. В. Рычкова // Беларуская-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія : зб. навук. арт. / пад навук. рэд. Г. М. Мезенка. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. – С. 311–313.
10. *Горбачевич, К. С.* Вариативность слова и языковая норма / К. С. Горбачевич. – Л. : Наука, 1978. – 238 с.
11. *Головина, В. Я.* К типологии языковой вариантности / В. Я. Головина // Вопросы языкознания. – 1983. – № 2. – С. 58–63.
12. *Вербицкая, Л. А.* Вариантность нормы и типы произнесения / Л. А. Вербицкая // Экспериментально-фонетический анализ речи : сб. науч. тр. / Санкт-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 1997. – Вып. 3. – С. 105–115.
13. *Козельская, Н. А.* Обучение культуре речи и классификация ошибок / Н. А. Козельская, М. С. Саломатина, И. А. Стернин // Культура общения и ее формирование : сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2015. – Вып. 31. – С. 5–8.
14. *Маслова, В. А.* Диалог русского и белорусского языков в Республике Беларусь / В. А. Маслова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – № 5. – С. 255–259.
15. *Хорошая речь* / О. Б. Сиротинина [и др.] ; под ред. М. А. Кормилициной, О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – 316 с.

16. *Вербицкая, Л. А.* Давайте говорить правильно! Трудности современного русского произношения и ударения : краткий словарь-справочник / Л. А. Вербицкая, Н. В. Богданова, Г. Н. Складеревская. – СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2003. – 146 с.
17. *Вербицкая, Л. А.* Особенности фиксации орфоэпической нормы сегодня / Л. А. Вербицкая // Культура русской речи : сб. науч. тр. ин-та рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2017. – Вып. 13. – С. 375–394.
18. Грамота.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=%20булочна>. – Дата доступа: 28.11.2019.

As a result of the study, the following conclusions are drawn: 1) the level of linguistic competence of the persons who are active in oral public communication in Vitebsk needs to be improved; 2) certain non-standard speech phenomena, characterized by mass character and correspondence to the development trends of the language, demonstrate instability of the pronunciation norm at the present stage.

Поступила в редакцию 08.01.2020

Фан Юань

ПРЕДЛОГИ СО ЗНАЧЕНИЕМ КАУЗАЛЬНОСТИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются русские и китайские предлоги со значением каузалности как единицы грамматических систем языков разной типологии. В ходе анализа выявлены следующие предлоги для маркировки отношений каузалности – *из, от, из-за, благодаря, за, с, по причине* – в русском языке и *因/因为, 为/为了, 由于* – в китайском, а также их расположение в предложении – препозиционное и постпозиционное. Классификация маркеров каузалности подавалась с учетом универсальных и специфических параметров типологии языков флективного и изолирующего типов. Автором применялись следующие методы исследования: описательный, сопоставительный, дистрибутивный.

Языковые системы постоянно развиваются и обогащаются новыми способами и средствами выражения грамматических категорий. Категории каузалности, локальности, темпоральности, проспекции и ретроспекции являются основополагающими в построении художественного текста, поэтому они требуют детального изучения. Для выражения названных грамматических категорий все чаще используются структурные модификации всех уровней языковой системы. Это явление обусловлено антропоцентрическими процессами в языке, тенденцией к совершенствованию механизмов регулирования языковой системы. Поэтому типологическое исследование грамматических средств разных языков мира становится приоритетным направлением в современной лингвистике.

В научной литературе существует несколько подходов к проблеме репрезентации категории каузальности грамматическими средствами – *структурный* и *функциональный*. Методологические принципы структурной грамматики подразумевают анализ и систематизацию морфологических средств выражения каузальности, предлогов в частности, в соответствии с их системной [1; 2] и функциональной [3; 4] квалификацией. В рамках данного направления были исследованы структурно-семантические особенности детерминированных синтаксических конструкций со значением каузальности в русском языке [1], а также изучены китайские каузальные предлоги [2].

В рамках функционального подхода были проанализированы способы выражения причинно-следственных отношений в аспекте их функциональных аналогов [3; 4; 5; 6]. Чэнь Чанлай предлагает классифицировать предлоги со значением каузальности на основе их семантики.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием в лингвистической литературе описания предлогов со значением каузальности в русском и китайском языках, необходимостью выявить квалификационные, классификационные и системообразующие параметры для их упорядочения, потребностью классифицировать каузальные предлоги в соответствии с уровнем репрезентации названной категории и их специфические свойства в русском и китайском языках. Также следует охарактеризовать особенности структурной организации предложных конструкций со значением причины в языках флективного и изолирующего типов, выявить отличительные признаки диапазонов маркеров значений каузальности, установить их семантические типы и виды в русском и китайском языках.

Объектом исследования являются русские и китайские предлоги со значением каузальности как единицы грамматических систем языков разной типологии.

Для достижения поставленных автором *целей* (выявления предлогов с каузальным значением в русском и китайском языках; установления их сходства и различия на основе универсальных и специфических параметров типологии) применялись следующие методы исследования: описательный, сопоставительный, дистрибутивный, метод компонентного анализа.

Причинно-следственные отношения представлены большим количеством средств их выражения, поэтому требуют детального изучения. В ходе исследования мы использовали параметры, выделенные на основе типологически существенных признаков. Универсальными считаются наличие причинно-следственных отношений в русском и китайском языках и наличие маркеров категории. Это позволяет квалифицировать и классифицировать предлоги с учетом типологически существенных признаков. Отсутствие маркеров грамматического значения в китайском языке расширяет диапазон их функционирования.

В русском языке для выражения каузальных отношений употребляется предлог *из*: *Голос Антонины дрогнул от обиды и боли: – Не хочу... Спать... И Петр Васильевич почувствовал, что если сейчас, хотя бы даже из добрых побуждений, он оттолкнет дочь, ему ее едва ли вернуть после: – Сейчас... Умоюсь...* (В. Емельянович «Семь дней творения»). В данном случае он указывает на причину событий, отраженных в предложении, и представлен обособленной конструкцией.

Наблюдаются случаи выражения отношений каузальности с помощью союза *от*: *Когда в проеме между двух скал у дороги возникло море, Андрей даже поперхнулся от растерянности, до того тихим и безмятежным оно ему увиделось* (В. Емельянович «Семь дней творения»). При этом семантическая омонимия снимается на уровне полипредикативной единицы: *Где-то под Самарой и она и турок пропали, вернее, отец Веры Николаевны через полгода получил справку, что в самарском госпитале она умерла от тифа, но и сама Вера Николаевна, и вся семья были уверены, что турок выкрал ее, увез в Стамбул и там продал в гарем* (В. Александрович «До и во время»). В таких случаях типологические сходства и различия реализуются на основе способов экспликации причинно-следственных отношений: *Я устал, – доверительно заговорил драматург. – Я устал удивляться. Устал от того, что Годо не приходит, а зритель и персонажи наивно верят, что он придет* (А. Соколов «Палисандрия»); *Потеряешься, сорвешься с обмерзлых камней, попадешь в обвал, уйдешь под лед – сам, один! Жалко, конечно, себя будет, всем себя жалко, да жалость потухнет, как этот вот одинокий костерок, и никому от того ни жарко, ни холодно* (В. Астафьев «Царь-рыба»).

Нами выявлены случаи, когда на значение каузальности указывает предлог *из-за*. Подобное явление наблюдается в конструкциях, где предлог входит в состав словосочетания с существительным: *Из-за этих большевиков в нашей газете меня считали как бы дурачком, хотя относились, пожалуй, хорошо* (В. Александрович «До и во время»). Значение каузальности в таких конструкциях, как правило, выразительное, что обусловлено высокой степенью сочетаемости компонентов: *И вместе с тем он не мог не понимать, как уязвим он из-за этого своего всепрощения, к каким роковым последствиям оно может привести...* (Ч. Айтматов «Плаха»); *Не хочу, чтобы из-за меня тебе худо было* (В. Емельянович «Семь дней творения»).

Предлог *благодаря* указывает на значение каузальности в любом контексте, что обусловлено отсутствием омонимических форм: *Если две из них и были выиграны, то лишь благодаря безответному нашему мужику* (В. Емельянович «Семь дней творения»). Подобное значение наблюдается и в обособленных конструкциях в русском языке: *Несмотря на свои необщительность, отчужденность или благодаря им, для многих я был своего рода гуру, духовным вождем и наставником* (А. Соколов «Палисандрия»). Выяв-

лены единичные случаи препозиционного употребления конструкции с предлогом со значением причины: *Я постигал благодаря искусству этих певцов изначальную сущность храмового песнопения* (Ч. Айтматов «Плаха»).

Предлог *за* имеет значение причинно-следственное и указывает на итог действия: *Много любви за жизнь получишь и отдашь, да хорошо, пока не подойдет пора близким тебе людям падать, как падают в старом бору перестоялые сосны, с тяжелым хрустом и долгим выдохом* (В. Астафьев «Царь-рыба»). Такие факты не являются широко распространенными в русском языке, поскольку значение предлога в подобном контексте не носит типичного характера.

Предлог *с* приобретает значение каузальности только в сочетании с местоимениями и наречиями: *Мари могла ни с того ни с сего ворчливо сказать* (В. Семенович «Удавшийся рассказ о любви (сборник)»); *И припомнились Акбаре в то мгновение и летний день, и то, как играли ее волчата с этим человеком, и то, как пощадила она его и перепрыгнула через него, когда он со страху присел на землю, закрывая руками голову. Припомнилось ошеломленное выражение его испуганных глаз и то, как он, голокожий и беззащитный, кинулся прочь...* (Ч. Айтматов «Плаха»); *Антипов шел на шаг впереди, размахивал белым флагом и всю дорогу зло кричал, чтоб не вздумали палить. Кричал он со страху, хотя и привычно прятал его; Старшову тоже было не до отваги, и он жалел, что не может орать во всю глотку, как орет его солдат: с криком ходить всегда не так жутко* (Б. Васильев «Дом, который построил Дед»); *Собрав разбежавшихся с перепугу овец, Бостон пошел взглянуть на убитого волка. Таишчайнар лежал, завалившись на бок, ощерив громадные желтые клыки, глаза его уже остекленели* (Ч. Айтматов «Плаха»); *Зубы оскалил, глазницы пусты, носу нет – рыбой, выдрой иль ондатрой выедено... Ладно, нервы в порядке – с перепугу запросто мог вывалиться из лодки – в потемках, среди реки, один! Вот как она, рыбка, достается!* (В. Астафьев «Царь-рыба»). Это объясняется многозначностью данного предлога в грамматической системе русского языка.

Предлог *по причине* имеет однозначный характер и в любом контексте указывает на причинное или причинно-следственное значение: *Эта мирно-партизанская в тылу врага деятельность по причине отсутствия в ней прежнего героического резонанса, может быть, не привлекла бы к личности Кирилла Смелчакова привычного читательского внимания* (В. Павлович «Москва Ква-Ква»); *От скуки, должно быть, парень зацепился взглядом за дебаркадер, за Герцева, взгляд его, утомленный ленью, ничего в Гоге заслуживающего внимания не отыскал, перешел на сигаретку, которую парень курил без удовольствия, как бы по обязанности, и, не докурив ее, бросил, нет, не бросил, не щелкнул, а, разжав пальцы, выпустил и тупо следил, как она, искря и вертясь, падала за борт* (В. Астафьев «Царь-рыба»). Константная семантика подобного маркера позволяет ему широко функционировать в произведениях художественной литературы.

В китайском языке для выражения каузальных отношений широко применяется предлог *因/因为* (из-за, по причине), который оформляет названные отношения непосредственно в контексте: *此外, 因环境与知识的特异, 又使一部分车夫另成派别* (老舍, 《骆驼祥子》) (букв. 'Кроме этого, по причине изменения окружающей среды и уровня знаний некоторые водители сменили род деятельности'); *因为江浙的兵事, 我们的学校一时还不能开学* (朱自清, 《背影》) (букв. 'Из-за событий, военных событий провинциях Цзянсу и Чжэцзян, в нашей школе еще не могут начаться занятия'). Интересным является факт, что китайские предлоги многозначные по природе и указывают на значение каузальности только в определенном контексте: *因为战争的消息, 粮食都涨了价钱* (老舍《骆驼祥子》) (букв. 'Из-за новостей о войне продукты выросли в цене'). В приведенных примерах причинно-следственные отношения репрезентируются средствами контекста в сочетании с предлогами *因/因为*. Выявлены конструкции с предлогом *因...而...* (из-за, по причине), которые выражают каузальные отношения в любом контексте: *因它而阻碍社会的健康发展* (余秋雨, 《山居笔记》) (букв. 'Из-за этого создаются препятствия для здорового развития общества'). *这一桌的讨论也因了琴的走来而暂时停顿了* (巴金《春》) (букв. 'Из-за при-бытия Цин дискуссия остановилась').

Предлоги *为/为了* маркируют значение причинности редко, это объясняется тем, что эти предлоги *为/为了* в китайском языке обычно указывают на цель, дают мотивацию определенным действиям. В синтаксических конструкциях предлоги *为/为了* выражают каузальные отношения, указывают на причину совершенного действия: *信上说, “我没有耽误你, 你也不要耽误他才好。” 我为这句话哭了一场* (朱自清, 《背影》) (букв. 'В письме написано: «Я тебя не задерживаю, а ты не задерживай его». Я плакал по причине такого заявления'). Отношения каузальности могут быть оформлены имплицитным способом: *再想下去便是……想到了这里时, 他笑了, 为了害怕而勉强笑了* (沈从文, 《边城》) (букв. 'Думал, думал, думал... Когда он думал об этом, он неохотно улыбался от страха'). В китайском языке такие факты являются редкими.

Предлоги *由于* при указании на каузальные отношения могут занимать любую позицию в предложении: *由于北京、上海一批老教授的强力推荐, 我在从未做过一天副教授的情况下已破格晋升为中国大陆最年轻的文科正教授* (余秋雨, 《借我一生》) (букв. 'По рекомендации известных профессоров в Пекине и Шанхае, учитывая то, что я не доцент, меня вдруг назначают профессором в области гуманитарных наук, – таким образом я стал самым молодым профессором в семье по материнской линии'); *她本是一个舞台剧的演员, 由于这部电视剧, 同时被评为电视“飞天奖”和*

“金鹰奖”的最佳女主角（余秋雨，《借我一生》）（букв. ‘На самом деле она актриса в театре, благодаря этому сериалу она получила премии «Летающие апсары» и «Золотой орел» за лучшую женскую роль’).

Как показали исследования в русском и китайском языках для маркировки значения каузальности употребляются предлоги *из, от, из-за, благодаря, за, с, по причине, 因/因为, 为/为了, 由于*. Размещаются они в постпозиции, в препозиции в середине предложения. Типологические сходства и различия выражения каузальных отношений в русском и китайском языках обусловлены универсальными и специфическими свойствами языков флективного и изолирующего типов. К универсальным свойствам мы относим наличие моно- и полипредикативных конструкций и значений каузальности на всех уровнях языка. Специфическими параметрами типологии мы считаем порядок слов в предложении, характер синтаксической связи и семантической слитности компонентов в предложении, семантическое наполнение синтаксических позиций, в том числе предлогов, функциональный диапазон лексем. Названные параметры обуславливают количественные и качественные различия в структурной и семантической классификациях сложносочиненных предложений в русском и китайском языках, устанавливают квалификационные признаки маркировки значения каузальности в них, определяют разницу видовых классов значений каузальности.

Универсальные свойства языков позволяют выделить в них маркеры причинно-следственных отношений на уровне морфологическом и синтаксическом. Фиксированный порядок слов в китайском языке дает возможность выделить в нем специфические структурные типы – препозиционные и постпозиционные. Отсутствие маркеров синтаксической связи позволяет выполнять функцию маркера каузальности всем членам предложения – дополнению, обстоятельству, определению – и предлогу как семантически тождественному компоненту, что значительно расширяет структурную типологию каузальных предложений в китайском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леденев, Ю. Ю. Структурно-семантические особенности каузативных детерминантных конструкций в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Ю. Леденев ; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 1996. – 19 с.
2. 吕 叔湘. 现代汉语八百词 (增订本). 北京: 商务印书馆, 1999 (Люй, Шусян. 800 слов в современном китайском / Люй Шусян. – Испр. и доп. изд. – Пекин : Изд-во коммерческое, 1999).

3. Бакулев, А. В. Функционально-семантическое поле каузальности в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Бакулев. – Таганрог, 2009. – 189 л.
4. 陈昌来. 介词与介引功能. 合肥: 安徽教育出版社, 2002 (Чень, Чань-лай. Предлог и его функция / Чаньлай Чень. – Хэфэй ; Аньхой : Изд-во образования, 2002).
5. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография : избр. тр. / В. В. Виноградов ; отв. ред. В. Г. Костомаров ; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М., 1977. – С. 162–169.
6. 马贝加. 近代汉语介词. 北京: 中华书局, 2002 (Ма, Бэйцзя. Предлог в современном китайском языке / Ма Бэйцзя. – Пекин : Изд-во Китайская книга, 2002).

The study identified the following prepositions for marking causality relations – *from, of, because, thanks, for, with, due to* – in Russian, and 因/因为, 为/为了, 由于 – in Chinese. Their location in sentences – is prepositional and post-positional.

Поступила в редакцию 19.12.2019

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

И. М. Басовец

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АББРЕВИАТУР
В ИНСТАГРАМ-ПОСТАХ АНГЛОГОВОРЯЩИХ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ

В статье проведен анализ аббревиатур, употребленных в постах инстаграм-аккаунтов трех популярных, имеющих огромное количество подписчиков, англоговорящих личностей разного пола, национальности, возраста и уровня образования; составлен их список с расшифровкой на основе контекста; выявлены компонентно-орфографические и функционально-прагматические характеристики отобранных сокращений; установлены детерминирующие факторы использования аббревиатур в постах инстаграм-аккаунтов.

Бурное развитие информационных технологий положило начало электронной коммуникации. Поскольку в этой новой электронной коммуникативной среде тесно переплетаются устная и письменная речь, то такое сочетание оказывает большое влияние на свойство текста интернет-общения, для которого характерно использование многочисленных аббревиатур, получивших широкое распространение и за пределами цифровой коммуникации. Сокращения внедряются из виртуального мира в реальную жизнь, укореняются в языке. Ввиду их повсеместного распространения в разных лингвокультурах и недостаточно полного описания специфики их функционирования в цифровой коммуникации представляется актуальным изучение аббревиатур, используемых англоязычными авторами (к примеру, известными личностями) в постах своих инстаграм-аккаунтов, поскольку модные тенденции в виртуальном дискурсе как новой форме речевого общения зачастую задаются именно популярными англоязычными авторами.

Целью данной статьи является установление структурно-содержательных характеристик аббревиатур, употребленных в постах инстаграм-аккаунтов популярных англоговорящих личностей разного пола, национальности, возраста и уровня образования, а также выявление факторов, детерминирующих употребление сокращений в социальной сети Инстаграм.

В лингвистической литературе термины *сокращение* и *аббревиатура* считаются взаимозаменяемыми: «аббревиатура – сокращение, употребляемое в письменной и устной речи» [1, с. 20]. Существует несколько объяснений тенденции роста популярности аббревиатур, и прежде всего это обусловлено экономией усилий. По наблюдениям лингвистов, экономия усилий, в том числе речевых, лежит в основе эволюции языка. Так, А. Мартине считает, что постоянное противоречие между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия может рассматриваться в качестве движущей силы языковых изменений [2]. Иными словами, поведение человека подчинено закону наименьшего усилия, в соответствии с которым человек растрчивает

свои силы лишь в той степени, в какой это необходимо для достижения определенной цели. Его подход разделяет Д. И. Алексеев в части того, что сокращения порождены прежде всего экономией времени, бумаги и т.п. Однако исследователь подчеркивает, что экономия является не решающей, хотя и очень важной причиной роста числа сокращений. Основным фактор – приемлемость созданного сокращения, т.е. аббревиация достигла успехов и укрепилась главным образом потому, что она позволила создать «цельно-оформленное слово» [3, с. 8]. Несколько иной акцент в объяснении распространенности аббревиаций делает И. В. Кузьмина, которая считает, что одной из основных причин возникновения аббревиатур является избыточность информации [4].

Среди сокращений, употребляемых в англоязычной интернет-коммуникации, Л. А. Новикова выделяет следующие группы:

а) сокращения по первым буквам или сокращения часто употребляемых в разговорной речи словосочетаний (*tttt – to tell the truth* ‘по правде говоря’ и т.д.);

б) комбинированные сокращения (с использованием цифр, на основе фонетической схожести, опущения гласных букв и т.д., где одна буква или цифра заменяет целое слово, например: *8 – ate* ‘ел’; *r – are* ‘являются’; или одна цифра заменяет слог, например: *2day – today* ‘сегодня’);

в) сокращения с использованием знаков (*b/c – because* ‘потому что’, *ss – \$*);

г) слоговые сокращения, среди которых различается четыре подтипа, в зависимости от того, какая часть слова усекается: выпадение начального звука в слове (*cuz – because* ‘потому что’); срединные выпадения безударного звука (*ft – foot* ‘фут’); финальные усечения (*addy – address* ‘адрес’); краевые усечения (*Ofcom – Office of Communications*) [5, с. 130–132].

Очевидно, что приведенная классификация интернет-сокращений носит в основном формальный характер и опирается на особенности способа создания слова или словосочетания, а именно на количество звукобукв в сокращенных элементах и их порядок следования. Иногда интернет-сокращения вызывают трудности при декодировании, поэтому лингвисты разработали простой алгоритм расшифровки аббревиатур, который подразумевает совокупность последовательных, целенаправленных, взаимосвязанных шагов, предполагающих 1) анализ контекста; 2) использование словарей сокращений и других справочных материалов; 3) анализ структуры сокращения; 4) использование аналогий [6, с. 279]. По-видимому, в отношении интернет-сокращений основным представляется анализ контекста, поскольку не все используемые аббревиатуры могут быть зафиксированы в словарях. Затем важным является установление коррелята с полной формой с последующей расшифровкой элементов аббревиатуры на основе предполагаемых значений составляющих ее элементов. При некотором опыте в интернет-коммуникации не составляет большого труда выявить специфические для интернет-постов модели сокращений, что позволяет в дальнейшем ориентироваться в значениях новых аббревиатур, построенных по таким моделям.

Материалом для нашего анализа, собранным осенью 2019 года, послужили англоязычные посты трех популярных в сети Инстаграм личностей, а также тексты комментариев фанатов к этим фотографиям. Так, нами был исследован аккаунт самой популярной в 2019 году женщины в Инстаграм Арианы Гранде, американской актрисы, певицы, автора песен, обладательницы премии «Грэмми». Сокращения, найденные в профиле знаменитости, с их последующей расшифровкой сведены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Аббревиатуры в инстаграм-аккаунте Арианы Гранде
и их расшифровка

№ п/п	Сокращение	Расшифровка
1	pls	please
2	hbd	Happy Birthday
3	w	with
4	em	them
5	dunno	don't know
6	dis	this
7	ab	about
8	vs	versus
9	stu	studio
10	da	the
11	sry	sorry
12	bc	because
13	sm	so much
14	fr	for

Как видно из табл. 1, Ариана Гранде использует в своем инстаграм-аккаунте 1) комбинированные сокращения двух типов: а) на основе фонетической схожести и б) где одна буква заменяет целое слово (например, *w* – *with*); 2) слоговые сокращения с опущением гласных букв; 3) сокращения устойчивых словосочетаний. При этом она употребляет как широко известные комбинированные и слоговые сокращения, которые не требуют усилий при декодировании (например: *pls* – *please*, *vs* – *versus*, *sry* – *sorry*, *bc* – *because*), так и сокращения, требующие специфических знаний произносительных особенностей служебных слов с межзубным согласным (например: *dis* – *this*, *da* – *the*), для декодирования которых необходим контекст, поскольку графическая репрезентация не позволяет адекватно расшифровать

сокращение в изоляции. В инстаграм-аккаунте Арианы Гранде представлены все виды слоговых сокращений (кроме стяжений), которые преимущественно репрезентованы начальными или финальными усечениями: *ab* – *about*, *stu* – *studio*, *em* – *them*, а также срединным выпадением безударного звука: *fr* – *for*. Кроме того, А. Гранде в своих постах в инстаграм-аккаунте подает в сокращенном виде такие часто употребляемые в разговорной речи словосочетания, как *hbd* – *Happy Birthday*, *dunno* – *don't know*, *sm* – *so much*. Примечательно, что Ариана Гранде практически не использует сокращения с вкраплением цифр и знаков.

Нами также был исследован инстаграм-аккаунт одной из самых востребованных в мире американских супермоделей Беллы Хадид, которая является постоянным лицом модных домов Dior и Bulgari. Белла Хадид использует сокращения, подписывая собственные снимки. Примеры использованных ею аббревиатур и их расшифровка представлены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Аббревиатуры в инстаграм-аккаунте Беллы Хадид
и их расшифровка

№ п/п	Сокращение	Расшифровка
1	NYC	New York City
2	n	and
3	&	and
4	pic	picture
5	u	you
6	4	for
7	4ever	forever
8	thru	through
9	ps	post scriptum
10	TWA	Trans World Airlines
11	y/n	yes or no
12	awe	awesome
13	yr	year

В отличие от Арианы Гранде, Белла Хадид в своих постах активно использует 1) комбинированные сокращения с вкраплением цифр и знаков (например: *&* – *and*, *y/n* – *yes or no*, *4* – *for*, *4ever* – *forever*), а также 2) зафиксированные в словарях аббревиатуры типа *NYC* – *New York City*, *TWA* – *Trans World Airlines*, *ps* – *post scriptum* и усеченные слова типа *pic* – *picture*. Кроме того, Белла Хадид предпочитает употреблять аббревиатуры,

основанные на фонетической схожести. Так, к примеру, она практически всегда заменяет *you* на *u*, часто *and* – на *n* (иногда на знак *&*), *through* – на *thru*, *year* – на *yr*, так как в случае произнесения данных аббревиатур по произносительным правилам букв английского алфавита, получается фонетически эквивалентное слово. Так же, как и Ариана, Белла Хадид использует слоговые сокращения с усечением финальной части слова, например, *awe* – *awesome*.

Если сокращения в постах Арианы и Беллы в целом было нетрудно декодировать с помощью контекста, то некоторые аббревиатуры инстаграм-аккаунта темнокожего репера A\$AP Rocky (настоящее имя исполнителя Раким Майерс) оказались не совсем понятны даже после изучения контекста и комментариев подписчиков. Ниже в табл. 3 приведены сокращения A\$AP Rocky, которые удалось расшифровать.

Т а б л и ц а 3

Аббревиатуры в инстаграм-аккаунте A\$AP Rocky
и их расшифровка

№ п/п	Сокращение	Расшифровка
1	LOL	laughing out loud
2	BDAY	birthday
3	2DEATH	to death
4	YRS	years
5	WIT	with
6	FT	feat
7	SUM	some
8	OTHA	other
9	BRO	brother
10	DATS	that's
11	LUV	love
12	LA	Los Angeles
13	GIMMIE	give me
14	Glo up	grown up
15	DEM	them
16	em	them
17	ATL	above the line
18	omg	Oh my God
19	pic	picture
20	u	you

Как видно из табл. 3, A\$AP Rocky использует в своих постах в инстаграм-аккаунте следующие типы аббревиатур: 1) аббревиатуры по первым буквам или сокращения устойчивых словосочетаний; 2) комбинированные сокращения разных типов; 3) слоговые сокращения. Интересно, что в его постах практически не употребляются сокращения с вкраплением знаков, хотя в его собственном псевдониме содержится знак доллара, употребленный вместо английской буквы *S*, но при этом он иногда использует аббревиатуры с вкраплением цифр, например: *2DEATH – to death*. Аналогично рассмотренным выше аккаунтам двух других знаменитостей, аккаунт репера также содержит как кодифицированные аббревиатуры (типа *pic – picture*, *LA – Los Angeles*, *bro – brother*), так и распространенные комбинированные и слоговые сокращения, которые не зафиксированы в словарях, но при этом не требуют усилий при декодировании и хорошо известны интернет-пользователям, поскольку основаны на фонетической схожести (*u – you*, *yrs – years*). В инстаграм-аккаунте A\$AP Rocky представлены все виды слоговых сокращений, которые преимущественно репрезентованы финальными усечениями (*em – them*, *wit – with*), а также срединным выпадением безударного звука (*ft – feat*, *Bday – birthday*). Кроме того, A\$AP Rocky в своем инстаграм-аккаунте подает в сокращенном виде такие часто употребляемые в разговорной речи словосочетания, как *LOL – laughing out loud*, *ATL – above the line*, *omg – Oh my God*. Однако наиболее популярными сокращениями в аккаунте A\$AP Rocky являются аббревиатуры, основанные на специфических произносительных особенностях слов и словосочетаний, характерных для определенной социально-этнической группы, например: *sum – some*, *luv – love*, *otha – other*, *dats – that's*, *dem – them*, *gimmie – give me*.

Проведенный анализ постов известных личностей разной гендерной принадлежности, национальности, возраста и уровня образования позволил выявить следующие основные факторы использования аббревиатур в инстаграм-аккаунтах:

- 1) *функциональный*, связанный с практическим использованием сокращения и передачей сообщения как можно более экономными средствами;
- 2) *эмотивный*, который связан с необходимостью передачи эмоционального состояния адресанта;
- 3) *идентифицирующий*, на основании которого автор сообщения обнаруживает свою социально-этническую принадлежность, желание ощущать общность группы.

Рассмотрим данные факторы более подробно. **Ф у н к ц и о н а л ь н ы й** фактор детерминирован как языковыми причинами, так и экстралингвистическими обстоятельствами. С одной стороны, наиболее общей причиной возникновения англоязычных сокращений и характерной чертой английского языка на протяжении многих веков его развития (что известно нам из курса истории английского языка) является тенденция к моносиллабизму, которая стала одной из причин появления сокращенных форм и морфемных усечений. Более того, прагматически обусловленным является процесс

построения новых сокращений с использованием аналогии, благодаря чему виртуальные коммуниканты строят новые сокращения на базе существующих. Особенно очевидно внедрение аналогичных моделей при использовании цифр для замены частей слов, а также сокращений по первым буквам в устойчивых словосочетаниях. Нетрудно заметить, что подписчики или фанаты определенной знаменитости склонны повторять сокращения своих кумиров. С другой стороны, сильно изменилась сама окружающая действительность, современный мир значительно ускорился: за короткий промежуток времени нужно передать и воспринять большое количество информации с учетом того, что современные смартфоны или другие мобильные устройства требуют краткости, поскольку площадь экрана ограничена, а значит длинное сообщение попросту не будет функционально адекватным. Кроме того, в социальных сетях сложилась определенная традиция краткого комментирования фотографий, исходя из современного принципа интернет-языка: максимум информации за минимальное количество ударов по клавишам. В свете вышесказанного именно функциональный фактор является одним из главных мотиваторов вкрапления аббревиатур разных видов в цифровой дискурс.

Очевидно, что употребление сокращений в виртуальной коммуникации детерминировано также и эмотивным фактором. Замечено, что передача эмоционального состояния автора сообщений в инстаграм-аккаунтах происходит не только при помощи фотографий, знаков или эмотиконов в постах и комментариях подписчиков, но и посредством аббревиатур. Так, в инстаграм-аккаунтах встречаются сокращения, передающие положительные эмоции, удивление (например: *LOL*, *OMG*, *awe*), а иногда и отрицательные эмоции (к примеру, посредством ненормативной лексики, которая представлена в виде сокращения).

По нашим наблюдениям, не менее значимым в распространении сокращений в электронном дискурсе является идентифицирующий фактор. Пользователи инстаграм-аккаунтов в текстовых сообщениях используют молодежные сленговые выражения; специфичные для конкретной национальной группы лексические единицы (например, *bro* – *brother*); особые словесные обороты, характерные для определенных социальных слоев населения и т.п. Иногда авторы сообщений употребляют известные только в определенных кругах аббревиатуры, своего рода секретный код, который не понятен простому пользователю социальной сети. При помощи подобных маркеров, с одной стороны, адресант может приобщиться к определенной группе людей (например, к любителям какого-то стиля музыки или защитникам природы), с другой стороны, у адресата есть возможность декодировать грани идентичности своего кумира.

Анализ аббревиатур, употребленных в инстаграм-аккаунтах трех известных англоговорящих личностей разного пола, национальности, возраста и уровня образования, позволяет сделать выводы в отношении компонентных, орфографических и функционально-прагматических особенностей используемых ими сокращений.

1. В англоязычных инстаграм-постах известных личностей используются сокращения трех основных структурных типов: 1) аббревиатуры по первым буквам или сокращения устойчивых словосочетаний; 2) комбинированные сокращения с использованием цифр, на основе фонетической схожести, опущения гласных букв; 3) слоговые сокращения. Сокращения с вкраплением знаков и цифр представлены незначительно. Аккаунты известных англоязычных знаменитостей содержат как кодифицированные, так и некодифицированные аббревиатуры, при этом последние, как правило, не требуют усилий при декодировании и хорошо знакомы интернет-пользователям. Интересно, что в англоязычных постах представлены аббревиатуры, основанные на специфических произносительных особенностях слов и словосочетаний, характерных для определенной территориальной или социально-этнической группы, а также аббревиатуры, известные только в определенном коммуникативном сообществе.

2. Написание сокращений в инстаграм-постах не является унифицированным, т.е. единых правил орфографии аббревиатур не существует: одни и те же сокращения пишутся прописными и строчными буквами, иногда они разделяются знаками, содержат цифры или пишутся слитно. Общей тенденцией в графическом отображении сокращений является порядок следования звукобукв в сокращенных элементах и слов в словосочетании.

3. Приоритетными факторами использования аббревиатур в инстаграм-постах являются функциональный фактор, связанный с практическим использованием сокращения и передачей сообщения как можно более экономными средствами; эмотивный фактор, который связан с необходимостью передачи эмоционального состояния адресанта; идентифицирующий фактор, на основании которого автор сообщения демонстрирует свою принадлежность социально-этнического, территориального или иного характера. Установление более четких корреляций между характером используемых аббревиатур и детерминирующими факторами их использования в постах инстаграм-аккаунтов различных пользователей требует дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.
2. Мартине, А. Основы общей лингвистики : пер. с фр. / А. Мартине ; под ред. и со вступ. ст. В. А. Звегинцева. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.
3. Алексеев, Д. И. Сокращенные слова в русском языке / Д. И. Алексеев. – М. : Либроком, 2019. – 346 с.
4. Кузьмина, И. В. Феномен языковой избыточности [Электронный ресурс] / И. В. Кузьмина // Вестн. ИГЛУ. – 2011. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yazykovoy-izbytochnosti/viewer>. – Дата доступа : 06.12.2019.

5. Новикова, Л. А. Аббревиация как феномен межкультурной коммуникации в сети Интернет [Электронный ресурс] / Л. А. Новикова // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. История и филология. – 2013. – № 2. – С. 126–133. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/abbreviatsiya-kak-fenomen-mezhkulturnoy-kommunikatsii-v-seti-internet>. – Дата доступа : 06.12.2019.
6. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия: военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов ; под ред. А. Д. Швейцера. – М. : Воен. изд-во МО СССР, 1972. – 320 с.

Instagram posts made by English speaking celebrities contain three major structural types of both codified and non-codified abbreviations, the latter are often easily decoded by Internet users. Specific, not widely known abbreviations can be used to mark a belonging to a certain speaking community. The use of abbreviations in Instagram posts of celebrities is determined by a) the functional factor connected with feasibility and minimal efforts; b) the emotional factor reflecting the sender's emotional state; c) the identity factor allowing the message sender to demonstrate his or her social, cultural, ethnic or other background.

Поступила в редакцию 04.02.2020

М. М. Лойша

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В СИММЕТРИЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале выступлений Д. Трампа и Ж. Болсонару)

В статье рассматривается проблема речевого воздействия в политическом институциональном дискурсе, который отражает идеологические ценности, убеждения и установки его субъектов. Исследуются различные типы нарративных стратегий в качестве языковых средств моделирования и интерпретации фрагментов действительности. Выявляются предпочтительные нарративные стратегии, а также прагматические установки, определяющие выбор нарративных стратегий и тактик в политическом дискурсе.

Современные политические, экономические и социальные процессы обусловили существенный интерес к изучению феномена речевого воздействия, который рассматривается как инструмент речевого манипулирования и средство управления массовыми коммуникативными процессами. В связи с этим для современной лингвистики актуальным является изучение роли языка в политической коммуникации, которая характеризуется значительной степенью манипулятивности. Язык рассматривается как мощное средство коммуникативного воздействия, которое наделяет адресанта способностью навязывать адресату свое видение мира, управлять интерпретацией объектов и ситуаций. Для достижения своих интенций говорящие используют конвенциональные способы коммуникации, повторяемые в данной культуре модели коммуникативного поведения, которые принято описывать в терминах коммуникативных стратегий.

Несмотря на отсутствие единства в понимании сущности *коммуникативной стратегии*, исследователи сходятся в том, что данная стратегия может быть представлена как совокупность трех компонентов: цель, средства ее достижения и план реализации цели, который связывает цель и средства ее достижения [1, с. 100]. О. С. Иссерс отмечает, что речевая стратегия реализуется не в изолированном виде, а в рамках более сложной ситуации. Еще до коммуникативного акта говорящий располагает тремя видами данных: информацией о предстоящем речевом событии, информацией о когнитивных прессуппозициях, информацией о ситуации или контексте [2, с. 94]. Данное понимание сущности коммуникативной стратегии определяет характер ее исследований, исходящих из того, что любая речевая деятельность является достаточно структурированной. Эта структура отражается в существовании набора ходов и правил их комбинаторики, которые и предписывают порядок построения речевого эпизода. Коммуникативная стратегия рассматривается как «выбор, учет и взаимоувязывание путей, ситуаций и средств, необходимых для достижения главной цели» [3, с. 110].

Комплексная и многосоставная природа понятия коммуникативной стратегии объясняет отсутствие единой, универсальной классификации коммуникативных стратегий. Наиболее известной и цитируемой является классификация коммуникативных стратегий и тактик русской речи, предложенная О. С. Иссерс. Она делает акцент на общих и частных стратегиях, используя в качестве типологического критерия функциональную значимость стратегии. С функциональной точки зрения можно выделить основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии. Основной называется стратегия, являющаяся более значимой по своим мотивам и целям. Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата [2, с. 106]. Классификация О. С. Иссерс является универсальной и может быть использована для анализа различных типов дискурса.

Несмотря на то, что в политической коммуникации существует большое разнообразие коммуникативных стратегий, в современных исследованиях политического дискурса особое внимание уделяется *нарративной стратегии*, которая, следуя классификации О. С. Иссерс, является основной когнитивной стратегией. Применение данной стратегии в качестве генеральной объясняется не только скрытым потенциалом нарратива, но и в первую очередь прагматическими установками политического дискурса.

Именно когнитивные стратегии позволяют добиться максимального эффекта воздействия на массовую аудиторию. Так, Т. ван Дейк определяет когнитивную стратегию как «способ обработки информации в памяти» [4, с. 276]. Новое знание должно быть введено в модель мира адресата таким образом, чтобы он принял его, соотнес с уже известным и осознал как свое, личное. Изучение нарративного типа коммуникации также является перспективным в связи

с общим «нарративным поворотом» культуры [5, с. 30]. Сегодня все чаще массовая информация передается от адресанта к адресату посредством рассказывания историй, построения повествовательных текстов: «Сообщение оказывается представленным в форме истории, рассказанной в соответствии с определенными соглашениями. Нарративы представляют собой формы внутренне присущие нашим способам получения знания, которое структурирует наше восприятие мира и самих себя» [5, с. 33]. Как пишет Е. И. Шейгал, «для обывателя, не читающего политических документов, не знакомого с оригинальными текстами речей и выступлений, воспринимающего политику преимущественно в препарированном виде через СМИ, политика предстает как набор сюжетов. Эти сюжеты (выборы, визиты, отставка правительства, война, переговоры, скандал) составляют базу политического нарратива» [6]. На данное явление указывал Т. ван Дейк, который отмечал, что «важнейшим компонентом процессов построения и восприятия текстов является осмысление стоящих за ними социальных ситуаций и их когнитивная репрезентация» [4, с. 161].

Таким образом, возникло новое понимание нарратива, согласно которому, *нарратив* – это, прежде всего, вербальное оформление и реализация устойчивых повествовательных сюжетов в конкретном типе дискурса, обусловленных прагматикой высказывания.

Для анализа нарративной стратегии нами были выбраны выступления президента Бразилии Жаира Болсонару и президента США Дональда Трампа, которые они представили на 74-ой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 24 сентября 2019 года. Данные речи являются примером *симметричной политической коммуникации*, так как оба политика являются представителями крайне правых политических взглядов. Симметричные коммуникативные отношения строятся целиком на коммуникативных моделях, выработанных политическими субъектами. В процессе интеракции они разрабатывают правила поведения, образуют определенный контекст политического взаимодействия, состоящий из набора приемлемых стратегий поведения и действий участников. Следовательно, симметричный характер коммуникации способствует появлению определенного коммуникативного этоса, ключевую роль в котором играют взаимная ответственность за реализацию политических целей и непрерывность процесса развития знания [7, с. 81]. Таким образом, в результате сравнительного анализа нарративных стратегий, используемых американским и бразильским президентами, мы можем установить, как система политических взглядов и ценностей проявляется в дискурсообразующих единицах.

Оба текста выступлений удовлетворяют основному условию, позволяющему считать их нарративами, т.е. они имеют сюжетный характер, который, однако, может быть логически разделен на три отдельных повествовательных рассказа. Так, и в речи Д. Трампа, и в речи Ж. Болсонару можно выделить следующие повествовательные сюжеты:

- 1) какой я вижу страну, президентом которой я был избран;
- 2) у нас есть враги, которые мешают процветанию страны;
- 3) являясь президентом, я уже многое сделал для блага страны.

Анализируя типы нарративов, представленные в текстах, целесообразно обратиться к классификации нарративных стратегий, разработанной Е. И. Шейгал. Она предлагает выделить три типа нарративов: *личный* (нарратив политика), *идеологический* (нарратив-доктрина), *событийный* (нарратив политических событий и ситуаций).

Личный нарратив выполняет презентационную функцию, играет важную роль в создании имиджа политика. Нам представляется необходимым расширить понимание личного нарратива, включив в него не только позиционирование политиком самого себя, но и более крупных политических субъектов. Так, например, на международной арене политические лидеры выступают в первую очередь от лица государства, формируя его имидж.

Идеологический нарратив для политической партии – это, прежде всего, некая идея или доктрина, лежащая в основе партийной идеологии. Данный тип нарратива есть партийный манифест. Как правило, успешные политики – это люди, которые умеют рассказывать истории.

Событийный нарратив выступает как обоснование определенного политического курса тех или иных политических акций, как объяснение сложившейся политической ситуации. Событийный нарратив нередко представляет собой определенную версию политической ситуации или события [8, с. 86–93].

Анализируя типы нарративных стратегий, использованных в создании каждого повествовательного сюжета, мы можем увидеть четко выделенную стратегию, наиболее эффективно реализующую прагматическую установку каждого сюжета и транслирующуюся многократно в выступлении как американского, так и бразильского политиков.

В создании сюжета «Какой я вижу страну, президентом которой я был избран» ведущим является идеологический нарратив, который служит отражением политической платформы политиков. Согласно этому нарративу, Бразилия и США представляются аудитории как страны, в которых главными ценностями являются свобода, независимость, суверенитет, демократия, соблюдение прав человека. Оба президента заявляют, что их страны готовы к сотрудничеству и партнерству со всеми, кто разделяет эти ценности. Например, президент Бразилии подчеркивает, что Бразилия *é um país aberto ao mundo, em busca de parcerias com todos os que tenham interesse de trabalhar pela prosperidade, pela paz e pela liberdade* ‘это страна, открытая для всего мира, в поиске партнерства со всеми, кто заинтересован в сотрудничестве для достижения процветания, мира и свободы’¹. Слова президента США перекликаются со словами его бразильского коллеги:

¹ Здесь и далее перевод приводится только для примеров на португальском языке.

America is ready to embrace friendship with all who genuinely seek peace and respect. Однако стоит отметить, что создание новой страны видится ими по-разному, что может быть обусловлено разными путями исторического развития. Эта разница в нарративе становится особенно очевидной при анализе метафорических моделей, используемых в создании желаемой картины действительности. Если Д. Трамп видит новую Америку как страну, вернувшуюся к своим истокам, т.е. истинным ценностям, которые были подменены или утрачены, то Ж. Болсонару надеется восстановить страну заново, отказавшись от наследия. В речи Д. Трампа можно выделить такие метафоры, как *we in the United States have embarked on an exciting program of national renewal; we are also revitalizing our alliances; we will rediscover old truths, unravel old mysteries*. Именно поэтому в идеологическом нарративе американского президента используются ссылки на авторитет Отцов-основателей американской нации и ее основных ценностей: *the core rights and values ... were inscribed in America's founding documents; our nation's Founders understood that ...*. В речи бразильского президента можно выделить такие метафоры, как *o Brasil que represento é um país que está se reerguendo, revigorando parcerias e reconquistando sua confiança política e economicamente* 'Бразилия, которая представляет собой страну на пути восстановления, обновляющую партнерства и возвращающую себе политическое и экономическое доверие'.

Необходимость реформирования своей страны оба президента объясняют с помощью нарратива, рассказывающего о врагах страны, обвиняя их во всех проблемах. При этом и Д. Трамп, и Ж. Болсонару опять прибегают к идеологическому нарративу, хотя в данном повествовательном сюжете также используется и личностная нарративная стратегия, которая помогает создать образ защитника Отечества. Традиционно политики выделяют внешних и внутренних врагов. Этими врагами, по их мнению, являются социализм и его идеология, социалистическое правительство Венесуэлы и его глава Николас Мадуро, социальные сетевые медиа, кубинский режим, бывшее правительство. Однако список врагов Д. Трампа более широкий и включает Иран, Китай, глобализм и его последователей. Опасность одного из главных врагов для Бразилии и США, социализма, раскрывается с помощью сюжета, где социалистическая идеология и ее последователи представляются в виде ожившей злой силы, победившей добро и поработившей некогда свободные страны: *a ideologia se instalou* 'идеология поселилась'; *a ideologia invadiu* 'идеология наводнила'; *essa ideologia sempre deixou um rastro de morte, ignorância e miséria* 'эта идеология всегда оставляла за собой шлейф смерти, невежества и нищеты'; *the specter of socialism; socialism and communism killed 100 million people; these totalitarian ideologies have the power to exercise new and disturbing forms of suppression and domination*.

В раскрытии сюжета врагов нации личностный нарратив используется, чтобы усилить эффект воздействия на аудиторию. Например, Д. Трамп рассказывает историю о встрече с главой одной из американских компаний, чтобы подчеркнуть экономический урон, который несет США в результате невыгодных экономических соглашений с Китаем (*As just one example, I recently met the CEO of a terrific American company, Micron Technology, at the White House*). Он также рассказывает о планах на будущее, чтобы подчеркнуть свою роль в борьбе с данными врагами: *tomorrow, I will join Prime Minister Abe of Japan to continue our progress in finalizing a terrific new trade deal; I will not accept a bad deal for the American people; we will enforce our laws and protect our borders*.

В отличие от своего коллеги, бразильский президент более сдержан в использовании личностной нарративной стратегии в повествовании о врагах и использует только один нарративный эпизод, где рассказывает о том, как он лично стал жертвой социалистического режима (*Sou prova viva disso. Fui covardemente esfaqueado por um militante de esquerda e só sobrevivi por um milagre de Deus* ‘Я живой этому пример. **На меня трусливо напал с ножом один из левых боевиков**, и только Божье чудо помогло мне выжить’).

Нарратив о врагах логично переходит в нарратив о собственных достижениях в борьбе с врагами и проблемами, с которыми столкнулась их страна. Соответственно, в этой части выступления преобладающей стратегией является событийная нарративная стратегия. В текстах Ж. Болсонару и Д. Трампа можно выделить, по меньшей мере, пять тем, нашедших свое отражение в событийных нарративах:

1) борьба с кубинской и венесуэльской диктатурой/социалистическим режимом (*nosso país deixou de contribuir com a ditadura cubana* ‘наша страна перестала спонсировать кубинскую диктатуру’; *trabalhamos com outros países para que a democracia seja restabelecida na Venezuela*, ‘мы сотрудничаем с другими странами для того, чтобы в Венесуэле установилась демократия’; *the United States and our partners have built a historic coalition of 55 countries that recognize the legitimate government of Venezuela*);

2) решение экономических проблем и заключение новых торговых соглашений (*em apenas oito meses, concluímos os dois maiores acordos comerciais da história do país* ‘всего лишь за восемь месяцев мы заключили два крупнейших в истории страны торговых соглашения’; *our domestic unemployment rate reached its lowest level in over half a century; we have worked closely with our partners in Mexico and Canada to replace NAFTA with the brand new and hopefully bipartisan U.S.-Mexico-Canada Agreement*);

3) борьба с терроризмом и криминалом (*o terrorista italiano Cesare Battisti fugiu do Brasil, foi preso na Bolívia e extraditado para a Itália* ‘итальянский террорист Чезаре Баттисти бежал из Бразилии, был задержан в Боливии и экстрадирован в Италию’; *medidas foram tomadas e conseguimos reduzir em mais de 20 % o número de homicídios nos seis primeiros meses de meu*

governo ‘в результате принятых мер получилось уменьшить количество убийств на 20 % за шесть месяцев моего пребывания у власти’; *following our withdrawal, we have implemented severe economic sanctions on Iran, the world’s number one state sponsor of terrorism; we have taken very unprecedented action to stop the flow of illegal immigration*);

4) борьба с дискриминацией религиозных и других меньшинств (*apoiamos a criação do Dia Internacional em Memória das Vítimas de Atos de Violência baseados em Religião ou Crença* ‘мы поддерживаем создание Международного дня памяти жертв насилия, основанного на религии или вероисповедании’; *my administration launched the Women’s Global Development and Prosperity Initiatives*);

5) международное сотрудничество (*ao longo deste ano, estabelecemos uma ampla agenda internacional com intuito de resgatar o papel do Brasil no cenário mundial* ‘на протяжении этого года **мы выстраиваем обширную международную повестку**, чтобы восстановить роль Бразилии на мировой арене’; *we have pursued bold diplomacy on the Korean Peninsula; my administration is also pursuing the hope of a brighter future in Afghanistan*).

Таким образом, анализ особенностей функционирования нарративной стратегии в политической коммуникации симметричного типа позволяет сделать следующие выводы.

Нарративная коммуникативная стратегия представляет собой инструмент целенаправленного воздействия на аудиторию посредством сюжетно-повествовательных высказываний (нарративов). В политической коммуникации в виде нарративов выступают дискурсивные образования, используемые для создания определенных идеологических посылов и установок. Актуальным примером применения стратегии нарратива в политической коммуникации по принципу симметрии является политический дискурс президента США Д. Трампа и президента Бразилии Ж. Болсонару. В результате анализа их выступлений на заседании Генеральной Ассамблеи ООН было выявлено использование президентами следующих видов политических нарративов: идеологического (нарратива-доктрины), событийного (нарратива политических событий и ситуаций) и личностного (нарратива политика), с преобладанием идеологического нарратива. Выбор нарративной стратегии определяется прагматическими установками субъекта политического дискурса и подчиняется характеру событий, проблем и ситуаций, интерпретацию которых данный субъект желает представить аудитории. Эффективность воздействия стратегии нарратива объясняется ее способностью объединять разрозненные ситуации и события в узнаваемые фреймы, создавая модели трансформации и интерпретации реальности, в которых находят отражение основные категории политической коммуникации: агенты политики, политические ценности и установки, политические действия и стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Койт, Э. М.* Понятие коммуникативной стратегии в модели общения / Э. М. Койт, Х. Я. Бйм. // Уч. зап. Тарт. ун-та. Психологические проблемы познания действительности. – Тарту, 1988. – Вып. 793. – С. 97–111.
2. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.
3. *Звегинцев, В. А.* Очерки по общему языкознанию / В. А. Звегинцев. – М. : Либроком, 2009. – 383 с.
4. *Дейк, Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск: Изд-во БГК им. И. А. Бодуэна де Куртене, 2000. – 308 с.
5. *Брокмейер, Й.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре. // Вопросы философии, 2000. – No 3. – С. 29–42.
6. *Шейгал, Е. И.* Театральность политического дискурса / Е. И. Шейгал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-00.htm>. – Дата доступа : 11.10.2019.
7. *Абраменко, А. В.* Сетевая структура «governance» как способ симметричной политической коммуникации / А. В. Абраменко, Т. А. Подшибякина. // Человек. Сообщество. Управление. – 2014. – № 4. – С. 75–87.
8. *Шейгал, Е. И.* Многоликий нарратив / Е. И. Шейгал. // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – Вып. (2) 22. – С. 86–93.

The article considers the issue of narration in the political institutionalized discourse. It identifies three types of narrative strategies – ideological, event-related and personal – and describes pragmatic variables that define the choice of a particular narrative strategy.

Поступила в редакцию 17.02.2020

А. В. Ломовая

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОВЫХ ДЕНОМИНАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается специфика образования отыменных конверсионных глаголов в современном английском языке. Выявляются новейшие тенденции производства глаголов-неологизмов: словообразовательные (структурные), семантические и синтаксические. Уточняется влияние экстралингвистических и лингвистических факторов на формирование семантики таких глаголов. Отмечается экспрессивно-стилистическая (передача положительных и отрицательных коннотаций, образности, юмора и иронии) и прагматическая (привлечение внимания читателей к заголовкам статей) функции деноминативных глаголов-неологизмов в публицистических текстах.

Неология как направление лексических исследований языка пользуется неизменной популярностью среди лингвистов, при этом в фокусе внимания оказываются не только семантические, но также психолингвистические,

социальные, прагматические и другие аспекты [1, с. 78]. Неизменной проблемой, с которой сталкивается исследователь инноваций в языке, является очерчивание границ объекта анализа – *неологизма* (см. полемику по данному вопросу [2, с. 73–74]). Наша статья посвящена рассмотрению общих семантических и синтаксических тенденций, характерных для новых английских глаголов, образованных путем конверсии как от существительных, так и от сложных основ с именным компонентом (а также усечений и аббревиатур). В связи с этим будет использовано наиболее широкое определение спорного термина: *неологизмы* – это «слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз (оказиональные слова) в каком-либо тексте или акте речи» [3, с. 331].

Материалом для исследования послужили 50 глаголов, отобранных из англоязычного онлайн-словаря неологизмов «Word Spy» [4]. Данный словарь представляется нам весьма перспективным в связи с его регулярной пополняемостью и разнообразием представленной лингвистической и экстралингвистической информации, благодаря чему этот ресурс активно используется в современных неологических исследованиях (например, [5; 6]). Согласно словарю «Word Spy», деноминативные глаголы обозначаются как *verbed nouns* и относятся к периоду с 1982 по 2016 гг. (в словарной статье указывается год и контекст появления лексической единицы в англоязычной прессе, а также приведены примеры ее употребления в последующие годы) [7]. Выборка включает следующие глаголы: *to Alt-Tab, to Amazon, to background, to bench, to betamax, to blackhole, to Bork, to breadcrumb, to celeb, to chip, to Ctrl-Alt-Delete, to Dell, to dilbert, to dipstick, to DMCA, to door, to fauxtoshop, to friend, to gator, to ghost, to google, to ICE, to kettle, to kitchen-sink, to kneecap, to Lance, to MacGyver, to mousetrap, to Nasdaq, to peanut-butter, to phone-bin, to pie, to pope, to quad, to salmon, to screenshot, to sealion, to showroom, to skull, to storyline, to street, to swat, to text, to theme-park, to Thomas, to underbus, to vape, to VoIP, to webroom, to whitelist*.

Необходимо отметить, что некоторые из приведенных выше глаголов выступали в словарной статье в форме герундия или причастия настоящего времени, тем не менее, они были добавлены в выборку в тех случаях, когда приведенные в качестве иллюстрации контексты отражали либо указывали на потенциальное употребление таких глаголов в личной форме.

Анализ дефиниций и предложений с данными глаголами позволил выделить ряд тенденций, характерных для глагольной деривации современного английского языка: *словообразовательные, семантические, синтаксические*.

Словообразовательные тенденции. Отыменное глагольное словопроизводство всегда было наиболее продуктивной моделью конверсии (или нулевой деривации), однако в настоящее время наблюдается бóльшее разнообразие деривационных основ. В результате анализа деноминативных глаголов-неологизмов были выявлены следующие структурные типы деривационных основ:

1. Непроизводные основы составляют 42 % от общего числа глаголов-неологизмов и представлены двумя видами имен:

а) имена нарицательные (22 %) обозначают материальные объекты, одушевленные и неодушевленные: *bench* ‘скамья’¹, *door* ‘дверь’, *friend* ‘друг’, *ghost* ‘призрак’, *kettle* ‘чайник’, *pie* ‘пирог’, *pope* ‘папа римский’, *salmon* ‘лосось’, *skull* ‘череп’, *street* ‘улица’, *text* ‘текстовое сообщение’.

б) имена собственные (20 %) включают имена знаменитостей и вымышленных персонажей, названия компаний и их продукции (примечательно, что отыменные глаголы встречаются в вариативном написании – как с прописной буквы, так и со строчной): *Amazon* (компания), *Betamax* (видеокассета), *Bork* (Роберт Борк, американский юрист, и. о. Генерального прокурора США), *Dell* (компьютерная компания), *Dilbert* (Дилберт, главный герой одноименной серии комиксов), *Gator* (компьютерная программа), *Google* (поисковая система и компания), *Lance* (Лэнс Басс, американский певец и актер), *MacGyver* (Ангус МакГайвер, секретный агент из одноименного телесериала), *Thomas* (Кларенс Томас, американский юрист, судья Верховного суда США).

2. Производные основы составляют 58 % от общего числа глаголов-неологизмов и образованы следующими способами:

а) словосложение, иногда в сочетании с различного вида сокращениями (36 %): *Alt-Tab* (*Alt* ‘alternate’ + *Tab* ‘tabulator’) ‘сочетание клавиш Alt и Tab’, *background* (*back* + *ground*) ‘задний план’, *blackhole* (*black* + *hole*) ‘черная дыра’, *breadcrumb* (*bread* + *crumb*) ‘хлебная крошка’, *Ctrl-Alt-Delete* (*Ctrl* ‘control’ + *Alt* ‘alternate’ + *Delete*) ‘сочетание клавиш Ctrl, Alt и Delete’, *dipstick* (*dip* + *stick*) ‘щуп двигателя’, *kitchen-sink* (*kitchen* + *sink*) ‘кухонная раковина’, *kneecap* (*knee* + *cap*) ‘коленная чашка’, *mousetrap* (*mouse* + *trap*) ‘мышеловка’, *peanut-butter* (*peanut* + *butter*) ‘арахисовое масло’, *phone-bin* (*phone* + усеченное слово *binoculars*) ‘съемка на телефон через бинокль’, *screenshot* (*screen* + *shot*) ‘снимок экрана’, *sealion* (*sea* + *lion*) ‘морской лев’, *showroom* (*show* + *room*) ‘демонстрационный зал’, *storyline* (*story* + *line*) ‘сюжетная линия’, *theme-park* (*theme* + *park*) ‘тематический парк’, *underbus* (*under* + *bus*) – сокращение от фразы *throw under the bus* ‘бросить под автобус’, *whitelist* (*white* + *list*) ‘белый список’;

б) усечение (8 %): *celeb* – сокращение от *celebrity* ‘знаменитость’, *chip* – сокращение от *microchip* ‘микрочип’, *quad* – сокращение от *quadricycle* ‘квадроцикл’, *vape* – сокращение от *vapour* ‘испарение, пар’;

в) телескопия (4 %): *fauxtoshop* – слияние слов *faux* ‘фальшивый’ и *Photoshop* ‘графический редактор Photoshop’, *webroom* – слияние слов *web* ‘сеть’ и *showroom* ‘демонстрационный зал’;

г) аббревиация (10%): *DMCA* – инициальное сокращение от *Digital Millennium Copyright Act* ‘Закон об авторском праве в цифровую эпоху’, *ICE* – инициальное сокращение от *internal combustion engine* ‘двигатель’

¹ Здесь и далее перевод слов, дефиниций и предложений с английского языка на русский наш – А. Л.

внутреннего сгорания», *Nasdaq* – инициальное сокращение от *National Association of Securities Dealers Automated Quotations* ‘Служба автоматизированных котировок Национальной ассоциации дилеров по ценным бумагам’, *VoIP* – инициальное сокращение от *Voice over Internet Protocol* ‘телефонная связь по протоколу IP’, *SWAT* – инициальное сокращение от *Special Weapons And Tactics* ‘специальное оружие и тактика’.

Согласно приведенным данным, наблюдается рост продуктивности конверсионного словопроизводства от сложных и сокращенных основ (иногда в сочетании), что согласуется с принципом экономии в языке, так как такой способ позволяет совместить в одной языковой единице несколько смыслов либо сделать производящую основу двухсложной или односложной. Примечательно, что фонетическая оболочка непроемких основ также состоит по большей части из одного или двух слогов (реже – трех).

Семантические тенденции. Говоря о причинах появления новых лексических единиц в английском языке, исследователи отмечают ключевую роль таких факторов, как научно-технический прогресс и глобализация, не отрицая также влияния закона языковой аналогии [8, с. 379; 9, с. 54]. Наше исследование не только подтвердило данные выводы, но и позволило конкретизировать ряд условий формирования семантики глаголов-неологизмов:

1. Экстралингвистические факторы включают следующие явления:

а) развитие информационных технологий и рост их социальной значимости: *to Alt-Tab* ‘переключиться с одной компьютерной программы на другую’, *to fauxtoshop* ‘подделать фотографию при помощи графического редактора Photoshop или сходной программы’;

б) события, имеющие политический и общественный резонанс: *to Bork* ‘осуществлять агрессивные и злонамеренные выпады в сторону политического оппонента’, *to Lance* ‘вынудить знаменитость признаться в нетрадиционной сексуальной ориентации’;

в) экономические процессы, особенно связанные с конкурентной борьбой: *to Amazon* ‘потеснить на рынке более успешного конкурента за счет создания торговой площадки в Интернете’, *to gator* ‘показывать сайт своей компании при посещении пользователем сайта конкурентов’;

г) возникновение новых форм поведения людей (в основном, отрицательных): *to background* ‘исподтишка заниматься одним делом, когда обязанности требуют заниматься другим’, *to door* ‘сбить велосипедиста, неожиданно открыв дверь автомобиля в сторону велодорожки’.

2. Лингвистические факторы представлены следующими классическими способами расширения лексического состава языка:

а) аналогия: *to webroom* ‘использовать интернет для изучения товара, чтобы потом купить его в магазине розничной торговли’ – образовано по аналогии с более ранним неологизмом *to showroom* ‘использовать магазин розничной торговли, чтобы изучить товар и впоследствии приобрести его в интернет-магазине’;

б) метонимия: *to friend* ‘в соцсетях: добавить человека в список друзей’, *to skull* ‘испортить афишу или рекламный щит, нарисовав череп вместо головы’;

в) метафора: *to bench* ‘встречаться с кем-либо время от времени, пока вы решаете, нужны ли вам серьезные отношения’ (переосмысление спортивной метафоры *to bench someone* ‘отправить на скамью запасных’), *to salmon* ‘ехать на велосипеде по встречной полосе’ (образное сравнение с лососем, который перед нерестом движется против течения реки);

г) акронимия (т.е. образование аббревиатур, которые произносятся как единое слово): *to ICE* ‘припарковать автомобиль с двигателем внутреннего сгорания на месте для зарядки электромобиля’, *to SWAT* ‘позвонить в полицию и предоставить ложную информацию, в результате чего спецподразделение полиции штурмует дом жертвы розыгрыша’.

Важно отметить, что перечисленные выше внеязыковые и языковые параметры действуют не обособленно, а в тесной связке. Тем не менее, наблюдается возрастание роли экстралингвистических факторов: значение большинства глаголов-неологизмов может быть непонятно читателю, даже при наличии макроконтекста, поэтому авторы нередко включают пояснения в текст статьи: *A 2010 report found that 200 individuals in Virginia who were psychotic and either dangerous or incapable of caring for themselves were **streeted** – slang coined by emergency room doctors for when hospitals knowingly put a psychotic patient on the sidewalk* ‘Согласно отчету за 2010 год, в штате Вирджиния 200 человек с психическими заболеваниями, которые либо опасны, либо неспособны позаботиться о себе, были **отправлены на улицу** – это сленговое слово, изобретенное врачами из приемного покоя для описания ситуации, когда больница намеренно избавляется от психически больного пациента’ [7].

Синтаксические тенденции. Основной характеристикой реализованного в предложении глагола является валентность, т.е. количество и качество присоединяемых предикатом аргументов. Что касается количественного параметра, рассмотренные неологизмы выступают как *одновалентные* (20 %) либо *двухвалентные* предикаты (80 %).

Одновалентное употребление характерно для глаголов *перемещения, смены состояния* либо *результата*, например:

*We’re asking individuals, as they **are quadding**, to check their vehicles and keep them clean and clear of debris* ‘Мы просим всех, кто **катается на квадроциклах**, следить за транспортом и поддерживать его в чистом виде’ [7] – предикат *to quad* ‘кататься на квадроцикле’ передает значение перемещения субъекта;

*He very nearly **poped** while at Oxford, but was prevented by his mother* ‘Он почти решился **перейти в католичество** во время учебы в Оксфорде, но его мать помешала этому’ [7] – предикат *to pope* ‘перейти в католичество’ передает значение смены состояния субъекта.

Традиционно, двухвалентное употребление оказалось наиболее частотным, причем большинство предикатов обозначают *физическое* или *психическое воздействие*, зачастую агрессивное, на одушевленные и неодушевленные объекты. При этом мотивирующее имя отражает либо средство (инструмент), либо характер такого воздействия:

*“Live free or **pie**,” quips Pike, who recently **pie**d a visiting University of New Hampshire lecturer, then called him a “Nazi doctor” before a stunned academic audience* ‘«Живи свободно или **получи пирогом в лицо**¹», – едко сострил Пайк, который недавно **бросил пирогом** в приглашенного лектора в Университете Нью-Гэмпшира, а после назвал его «нацистским врачом» на глазах у потрясенной аудитории» [7] – предикат *to pie* ‘бросить пирог кому-либо в лицо’ передает значение физического воздействия на субъекта;

*Moreover, the veiled threat here is truly odious: appoint someone we like, or prepare to **be Borked and Thomased** once again* ‘Более того, скрытая здесь угроза является совершенно отвратительной: назначьте на должность того, кого мы хотим, или приготовьтесь к тому, что ваш кандидат **подвергнется агрессивной политической атаке** либо **будет обвинен в сексуальных домогательствах**’ [7] – предикаты *to Bork* ‘осуществлять агрессивные и злонамеренные выпады в сторону политического оппонента’ и *to Thomas* ‘обвинять в сексуальных домогательствах’ передают значение психического воздействия на субъекта.

Благодаря имплицитным позитивным и негативным коннотациям, глаголы-неологизмы способны выполнять *стилистические функции* (эмоциональность, образность, юмор, ирония и др.), именно поэтому они часто используются в заголовках статей:

***Ctrl-Alt-Delete** Those Holiday Trinkets* ‘**Избавьтесь** от подаренных на праздник безделушек’ [7] – предикат *to Ctrl-Alt-Delete* ‘поменять, начать с нуля’ образно передает идею о том, что избавиться от лишнего можно так же просто, как перезагрузить компьютер;

Exes Explain Ghosting ‘Бывшие объясняют, почему они **исчезают**’ [7] – предикат *to ghost* ‘разрывать отношения, постепенно уменьшая количество контактов’ сравнивает человека, который идет на разрыв отношений, с исчезающим, тающим на глазах, призраком.

Ирония и юмористический эффект создаются за счет использования глаголов-неологизмов в *каламбурах* (как в представленном выше примере с глаголом *to pie*) и *аллюзиях* на известные цитаты либо идиомы:

None of this will be easy, but in today’s world our choice is whether to Dell, or be Delled ‘Ни один из этих способов не будет простым, но в современном мире у нас нет выбора: или мы **вытесним конкурентов с рынка**, или они

¹ Непереводимая игра слов: *Live Free or Die* ‘Живи свободным или умри’ – это официальный девиз штата Нью-Гэмпшир. Каламбур основан на фонетическом сходстве слов *die* ‘умереть’ и *pie* ‘пирог’.

вытеснят нас' [7] – предикат *to Dell* 'вытеснить конкурентов с рынка при помощи продаж напрямую покупателям, без посредника' использован вместо основного глагола в популярной поговорке *kill or be killed* 'убей или умри'.

Таким образом, можно утверждать, что современное конверсионное отыменное словообразование характеризуется рядом особенностей. С точки зрения деривационных структур, наблюдается тенденция к образованию глаголов от односложных и двусложных производных основ, которые, в свою очередь, обладают развернутой семантикой за счет словосложения, телескопии либо аббревиации (среди последних не последнюю роль играют акронимы, которые произносятся, как слова). Что касается непроемных основ, то возрастает роль контекста и экстралингвистических факторов, знание которых необходимо для адекватного понимания неологизма даже при наличии развернутого контекста. При реализации в высказывании, предпочтение отдается двухвалентному употреблению, которое не только актуализирует семантику воздействия на одушевленный либо неодушевленный объект, но и выполняет экспрессивно-стилистическую функцию, в связи с чем деноминативные глаголы-неологизмы активно используются в заголовках статей, каламбурах и аллюзиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юйсинь, Б. Основные достижения и актуальные проблемы неологии / Б. Юйсинь // Вестн. Калмыц. ун-та. – 2016. – № 2 (30). – С. 78–85.
2. Шалина, Л. В. К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике / Л. В. Шалина // Известия Пензен. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. – 2007. – № 4 (8). – С. 73–77.
3. Котелова, Н. З. Неологизмы / Н. З. Котелова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 331.
4. Word Spy. The Word Lover's Guide to New Words [Electronic resource]. – Logophilia Limited, 2019. – Mode of access : <https://www.wordspy.com/>. – Date of access : 11.12.2019.
5. Иванова, Н. К. Новая английская лексика из сферы «образование»: опыт изучения и классификации (по материалам электронного словаря новых слов Word Spy) / Н. К. Иванова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2013. – № 2. – С. 106–113.
6. Катермина, В. В. Имя собственное в различных типах дискурса (на материале английских неологизмов) / В. В. Катермина // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 3. – С. 83–89.
7. Verbed Nouns [Electronic resource] // Word Spy. The Word Lover's Guide to New Words. – Logophilia Limited, 2019. – Mode of access : <https://www.wordspy.com/index.php?tag=verbed-nouns>. – Date of access : 11.12.2019.

8. Каменева, Н. А. Образование неологизмов в англоязычной компьютерной терминологии / Н. А. Каменева // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 1 (74). – С. 378–380.

9. Калинина, В. В. Образование новых фразовых глаголов в современном английском языке / В. В. Калинина, Ж. Г. Сонголова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, вып. 4. – С. 51–55.

The article studies the peculiar features of newly coined English denominal verbs. It is argued that semantic and syntactic characteristics of such verbs are strongly influenced by extralinguistic factors, which adds to the expressiveness and emotivity of the sentence and the text.

Поступила в редакцию 28.01.2020

Ю. В. Овсейчик

ДИНАМИКА УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТИ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ В ДИАХРОНИИ

В статье представлен анализ количественных показателей употребительности сочинительных союзов французского языка в диахроническом аспекте на материале контекстов IX–XXI вв., взятых из Национального корпуса французского языка Frantext. Определены абсолютная частотность и относительная частотность употреблений сочинительных союзов в ходе эволюции французского языка. Выявлена общая тенденция к снижению количества их употреблений в современном французском языке. Описана динамика употребительности каждого из них в диахронии. Актуальность работы обусловлена необходимостью расширения и углубления лингвистических исследований служебных слов в рамках современной научной парадигмы. Сделанные выводы будут использованы для проведения дальнейших исследований.

Сочинительные союзы относятся к наиболее частотным словам в каждом языке, устанавливая связь между предметами, явлениями, действиями, состояниями на основании *соединительных, разделительных, противительных, темпоральных, причинно-следственных, уступительных, компаративных, разъяснительных* и других отношений [1].

Традиционно во французской грамматике классифицируют сочинительные союзы по характеру выражаемых ими отношений по следующим группам: соединительные (копулятивные) ‘copulative’ (*et* ‘и’, *ni* ‘ни’), обозначающие одновременность и соединение [2, p. 326, § 272]: *Cependant la nuit tombait et il devenait sombre* ‘Ночь опускалась, и становилось темно’; *Quel jour choisir ? Ni le mercredi, ni le samedi, ni le dimanche, en tout cas* ‘Какой день выбрать? Ни среда, ни суббота, ни воскресенье, в любом случае’; разделительные ‘disjonctive’ (*ou* ‘или’), обозначающие выбор: *Je ferais une tarte ou un gâteau* ‘Я испекла бы торт или пирог’; противительные ‘adversative’ (*mais* ‘но’), выражающие противопоставление: *Il est riche, mais impuissant* ‘Он богат, но бессилён’; каузальные ‘causale’ (*car* ‘ибо’, ‘так как’): *Je prends mon pull-over, car la météo a annoncé du froid* ‘Я возьму свитер, так как передали похолодание’; последовательные ‘consécutive’

(*donc* ‘значит’, ‘итак’), выражающие отношения следования [3, p. 880]: *La météo a annoncé du froid, donc, je prends mon pull-over* ‘Передали похолодание, значит, я возьму свитер’; дедуктивные [3, p. 883], или транзитивные [2, p. 326, § 272] (*or* ‘а’, ‘же’, ‘итак’, ‘однако’), выражающие умозаключение: *Les autruches ne volent pas, or elles ont des ailes* ‘Страусы не летают, однако у них есть крылья’.

Объектом настоящего исследования являются французские сочинительные союзы *et* ‘и’, *ou* ‘или’, *mais* ‘но’, *ni* ‘ни’, *donc*¹ ‘значит’, *or* ‘итак’, *car* ‘так как’, которые согласно авторитетному нормативному справочнику по грамматике «Le Bon Usage» квалифицируются как «les conjonctions de coordination essentielles ou proprement dites» [2, p. 1452, § 1082a)] ‘основные или собственно сочинительные союзы’² в противопоставлении «les conjonctions occasionnelles» ‘окказиональным союзам’, таким как *voire* ‘и даже’, *c'est-à-dire* ‘а именно’, *soit* ‘либо’, *à savoir* ‘то есть’, *soit... soit...* ‘то ли... то ли...’ [2, p. 1452, § 1082 b)]. В данном исследовании семь союзов современного французского языка *et* ‘и’, *ou* ‘или’, *mais* ‘но’, *ni* ‘ни’, *donc* ‘значит’, *or* ‘итак’, *car* ‘так как’ представляют собой простые (одиночные) по строению и непроеизводные по образованию, а также неповторяющиеся и имеющие однозначное назначение устанавливать сочинительную связь ‘*un lien de coordination*’ между элементами [4]. Согласно А. Мейе, данные союзы представляют собой закрытый класс слов, «la persistance» ‘устойчивость’ которого в течение развития языка не вызывает сомнения, что обусловлено предназначенностью данных единиц для выражения «des notions permanentes dont rien ne provoque la variation» ‘постоянных понятий, не подверженных изменениям’ [5, p. 159–160]. Однако лингвист не исключает возможность изменений в системе сочинительных союзов французского языка «par un consentement commun de tous les sujets» ‘при условии всеобщего согласия’ [5, p. 160].

Возникает вопрос: в чем проявляются эти изменения и так ли они существенны? Ответы можно получить в результате диахронического количественного анализа употребительности французских сочинительных союзов. Таким образом, цель данного исследования заключается в выявлении тенденции употребительности французских сочинительных союзов *et* ‘и’, *ou* ‘или’, *mais* ‘но’, *ni* ‘ни’, *donc* ‘значит’, *or* ‘итак’, *car* ‘так как’ по периодам становления современного французского языка.

Для диахронического количественного анализа используются данные французского электронного текстового корпуса Frantext³ [6], который включает 2 407 документов IX–XXI вв. общим объемом 122 148 287 словоупотреблений. Представленные в корпусе текстовые документы разделены на пять периодов следующим образом:

¹ Современная французская грамматика [2, p. 1452, § 1082; 2, p. 880] исключает *donc* из списка сочинительных союзов и присваивает ему статус наречия «de relation logique» [2, p. 1368, § 1033] ‘логической связи’ либо «anaphoriques» ‘анафорического’ [2, p. 310, § 262].

² Здесь и далее перевод наш. – Ю. О.

³ Дата обращения – 18.12.2019 г.

- к первому периоду (856–1299) относятся 59 документов, или 2 829 657 словоупотреблений;
- ко второму периоду (1300–1499) – 339 документов, или 10 916 214 словоупотреблений;
- к третьему периоду (1500–1799) – 352 документа, или 16 751 287 словоупотреблений;
- к четвертому периоду (1800–1980) – 1103 документа, или 49 338 547 словоупотреблений;
- к пятому периоду (1981–2019) – 554 документа, или 42 312 582 словоупотребления (дата обращения – 14.12.2019 г.).

Данная периодизация частично совпадает с принятой периодизацией истории возникновения, становления и эволюции французского языка на основе общих методологических позиций и хронологии развития [7; 8; 9]:

- старофранцузский период (IX–XIII вв.) – язык представляет собой синтетическую систему, функционирующую, главным образом, в форме многочисленных диалектов;

- среднефранцузский период (XIV–XV вв.) – язык становится преимущественно аналитической системой;

- ранненовофранцузский период (XVI в.) – язык становится общим для всей французской нации и государственным языком Франции;

- новофранцузский период (XVII–XVIII вв. и до настоящего времени) – устанавливаются нормы, регулирующие развитие и функционирование языка вплоть до наших дней [9, с. 12]. Он делится, в свою очередь, на *классический период* (XVII–XVIII вв., до Великой французской революции) и *современный*. В традиции диахронических исследований французского языка понятию «современный» соответствуют два термина: *moderne* и *contemporain*. Период *le français moderne* – «современный» в широком смысле – охватывает весь новофранцузский период с XVII в., а в более узком значении противопоставляется классическому периоду, обозначая язык XIX–XXI вв. Термин *contemporain* означает ‘современный автору’, и поэтому рамки периода *le français contemporain* подвижны. Очевидно, что в настоящее время «современным» следует считать французский язык конца XX – начала XXI в.

Для диахронического количественного анализа употребительности сочинительных союзов из электронного корпуса текстов Frantext методом сплошной выборки с учетом снятой омонимии были отобраны контексты с сочинительными союзами (*et* ‘и’, *ou* ‘или’, *mais* ‘но’, *ni* ‘ни’, *donc* ‘значит’, *or* ‘итак’, *car* ‘так как’), которые составили наш исследовательский корпус, разделенный на пять подкорпусов:

- первый подкорпус включает 96 376 вхождений сочинительных союзов, или 3,41 % от 2 829 657 словоупотреблений во французском языке первого периода (856–1299);

- второй подкорпус включает 212 749 вхождений сочинительных союзов, или 1,89 % от 11 244 215 словоупотреблений во французском языке второго периода (1300–1499);

- третий подкорпус включает 244 046 вхождений сочинительных союзов, или 1,46 % от 16 751 287 словоупотреблений во французском языке третьего периода (1500–1799);
- четвертый подкорпус включает 419 106 вхождений сочинительных союзов, или 0,85 % от 49 338 547 словоупотреблений во французском языке четвертого периода (1800–1980);
- пятый подкорпус включает 362 422 вхождения сочинительных союзов, или 0,86 % от 42 312 582 словоупотреблений во французском языке пятого периода (1981–2019).

В ходе количественного анализа употребительности сочинительных союзов в диахронии была установлена общая тенденция к снижению количества их употреблений относительно количества всех словоупотреблений по историческим периодам. Так, если в старофранцузский период (856–1299) сочинительные союзы составляли 3,41 % от всего количества словоупотреблений, то их доля за более чем тысячелетнюю историю развития языка уменьшилась почти в 4 раза и составляет 0,86 % в современном французском языке. Причем значительное уменьшение происходит в старофранцузский период и связано с постепенным упорядочением грамматических норм и активным развитием подчинительной связи. Результаты количественного анализа употребительности сочинительных союзов по пяти историческим периодам представлены на рис. 1.

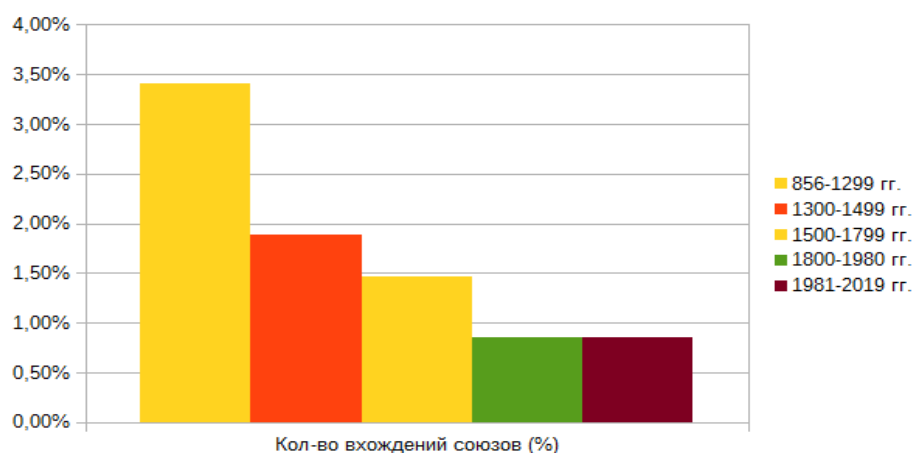


Рис. 1. Количественные показатели вхождения сочинительных союзов относительно общего количества словоупотреблений в исследовательском корпусе, %

Установив общую тенденцию к снижению количества употреблений французских сочинительных союзов, на следующем этапе исследования мы поставили задачу проанализировать и сопоставить абсолютную частоту и относительную частоту¹ употреблений сочинительных союзов в диахронии. Однако представленный «столь значительный объем корпусных данных», по мнению А. Н. Баранова и Л. А. Тарасевич, который «типичен для языковых явлений, граничащих с грамматическими феноменами, — союзов, место-

¹ Согласно Б. Н. Головину, «частотой какого-либо явления называют число его появлений в наблюдаемом отрезке действительности» [10, с. 21].

имений, предлогов», закономерно вызывает вопрос об ограничении корпусного материала разумными пределами для оптимизации последующих исследовательских процедур [11; 12, с. 63]. Следовательно, в первую очередь для выявления и описания частотных характеристик употребительности французских сочинительных союзов ограничиваемся сегментами, представленными одним миллионом словоупотреблений в каждом исследуемом подкорпусе. Как отмечает Л. А.Тарасевич, выбранный объем сегмента в один миллион словоупотреблений считается репрезентативным для решения поставленной задачи [12, с. 59].

Исследователи, как правило, выделяют три основные зоны при подсчете частоты употреблений: зону высокой частотности, средней частотности и низкой частотности. Но при этом границы частотности отличаются от исследования к исследованию [13; 14]. В результате обработки полученных сегментов количественные показатели частотности каждого сочинительного союза были распределены по пяти группам исходя из цели нашего исследования следующим образом: минимальная частотность (от 0 до 100), низкая (от 101 до 1000), средняя (от 1001 до 5 000), высокая (от 5 001 до 10 000) и максимальная (от 10 001 и более вхождений на один миллион словоупотреблений). В табл. 1 по убывающей показана абсолютная частота употреблений сочинительных союзов в пяти сегментах исследовательского корпуса.

Т а б л и ц а 1

Абсолютная частота употреблений сочинительных союзов в диахронии

856–1299 гг.		1300–1499 гг.		1500–1799 гг.		1800–1980 гг.		1981–2019 гг.	
1. <i>et</i>	27281	1. <i>et</i>	10420	1. <i>et</i>	7177	1. <i>et</i>	2145	1. <i>et</i>	2500
2. <i>ou</i>	2632	2. <i>ou</i>	5159	2. <i>mais</i>	3560	2-3. <i>mais</i>	2026	2. <i>mais</i>	2393
3. <i>mais</i>	1836	3. <i>mais</i>	2504	3. <i>ou</i>	2882	2-3. <i>ou</i>	2026	3. <i>ou</i>	2339
4. <i>car</i>	1432	4. <i>car</i>	2090	4. <i>car</i>	1262	4. <i>car</i>	613	4. <i>ni</i>	665
5. <i>or</i>	745	5. <i>or</i>	151	5. <i>donc</i>	655	5. <i>donc</i>	892	5. <i>donc</i>	478
6. <i>donc</i>	144	6. <i>donc</i>	102	6. <i>ni</i>	188	6. <i>ni</i>	882	6. <i>car</i>	340
7. <i>ni</i>	21	7. <i>ni</i>	26	7. <i>or</i>	49	7. <i>or</i>	24	7. <i>or</i>	15

	– от 10 001 и более вхождений на один миллион слов
	– от 5 001 до 10 000
	– от 1001 до 5 000
	– от 101 до 1000
	– от 0 до 100

П р и м е ч а н и е. В табл. 1 сочинительные союзы маркированы по-разному: союзы с максимальной и высокой частотностью представлены на сильно заштрихованном фоне, союзы со средней частотностью – на менее темном фоне, а союзы с низкой и минимальной частотностью – на светлом фоне. Контрастная маркировка позволяет сопоставить употребительность сочинительных союзов в диахронии.

Проведенный анализ количественных изменений абсолютной частоты употреблений французских сочинительных союзов в диахронии позволяет отметить следующее.

Уменьшение частотности характерно для трех союзов (*et*, *car* и *or*), однако данная тенденция проявляется по-разному у каждого из них. Так, союз *et*, демонстрируя бóльшую частотность относительно других союзов и стабильно сохраняя первую позицию, переходит из группы максимальной частотности в группу высокой, а затем – средней частотности. Союз *car* переходит из группы средней частотности в группу низкой частотности, удерживая первые четыре периода четвертую позицию и опускаясь на шестую позицию в пятом периоде. А союз *or* из группы низкой частотности перемещается в группу минимальной частотности, меняя пятую позицию в первых двух периодах на седьмую позицию в последующих периодах, тем самым оставаясь самым низкочастотным сочинительным союзом в ходе эволюции французского языка.

Согласно полученным данным, употребительность союза *ni* характеризуется увеличением частотности. При переходе из группы минимальной частотности в первых двух периодах в группу низкой частотности его седьмая позиция меняется сначала на шестую в третьем периоде, а затем на четвертую в современном французском языке.

Абсолютная частота употреблений в диахронии союзов *mais* и *donc* характеризуется относительной устойчивостью. Данные союзы остаются в своих группах частотности (средней частотности и низкой соответственно) независимо от исторических периодов. В третьем периоде оба союза поднимаются на одну позицию выше: союз *mais* поднимается с третьей на вторую, а союз *donc* – с шестой на пятую. Причем данные позиции сохраняются в последующих периодах до настоящего момента.

Союз *ou* демонстрирует иную динамику: в его употребительности фиксируются волнообразные изменения. Из группы средней частотности в первом периоде союз *ou* переходит в группу высокой частотности во втором периоде, а затем в третьем периоде обратно перемещается в группу средней частотности, где и остается в настоящее время. Примечательно, что союз *ou*, удерживая вторую позицию в первых двух периодах, опускается на третью позицию в следующем периоде, уступая ее союзу *mais*, затем разделяет с ним в четвертом периоде вторую позицию, чтобы окончательно остановиться на третьей позиции в современном французском языке, лишь незначительно уступая союзу *mais* в количественных показателях (2339 vs 2393).

На следующем этапе исследования обратим внимание на многочисленные колебания количественных показателей употребительности сочинительных союзов в диахронии.

Динамика употребительности только трех союзов из семи коррелирует с общей тенденцией к снижению количества употреблений французских сочинительных союзов. Существенным является уменьшение частотности

союза *or* за тысячу лет почти в 50 раз (с 745 до 15) и союза *et* почти в 11 раз (с 27281 до 2500). В современном французском языке частотность союза *car* уменьшилась в 6,2 раз по сравнению с пиком его употреблений в 1300–1499 гг. (с 2090 до 340), когда данный союз использовался для выражения подчинительных отношений. Причем данное изменение имеет свою особенность: трижды происходит практически двукратное сокращение (ср.: 2090 > 1262 > 613 > 340).

Количественные изменения частотности двух следующих союзов (*ou* и *mais*) имеют особый характер. За тысячелетнюю историю частотность союза *ou* уменьшилась на 1,13 раза (с 2632 до 2339), а союза *mais* увеличилась в 1,3 раза (с 1836 до 2393). Однако в современном французском языке для обоих союзов фиксируется незначительное увеличение частотности (для союза *ou* в 1,16 раз, а для союза *mais* в 1,18 раз) по сравнению с предыдущим периодом, где оба союза демонстрируют одинаковую абсолютную частоту (2026).

Вместе с тем для союзов *ni* и *donc* характерна противоположная тенденция. За более чем тысячелетнюю историю частотность союза *ni* увеличилась в 31,7 раз (с 21 до 665), а частотность союза *donc* увеличилась в 3,32 (с 144 до 478). Данное изменение не коррелирует с выявленной общей тенденцией к снижению количества употреблений французских сочинительных союзов и представляет собой частный случай, который требует дополнительного изучения.

Описанные количественные изменения употребительности французских сочинительных союзов проиллюстрированы на рис. 2.

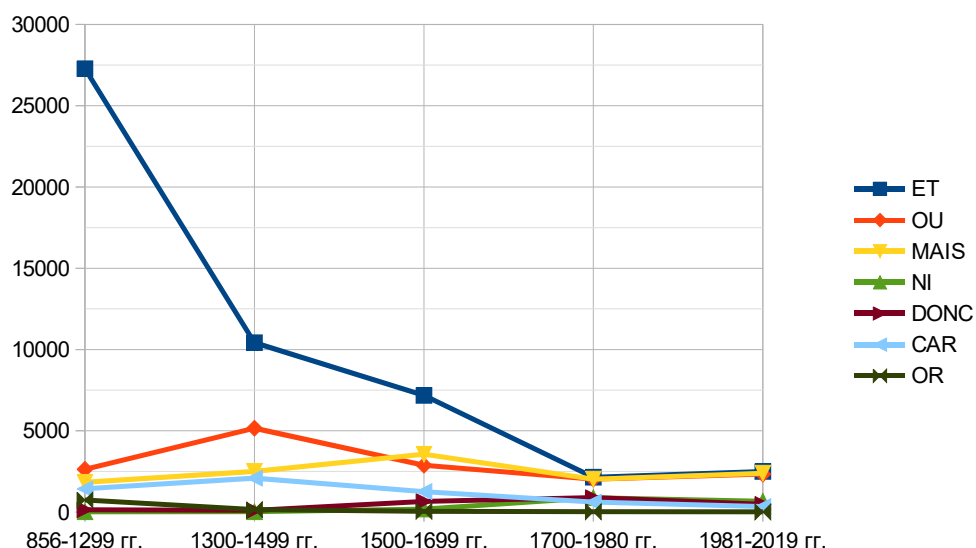


Рис. 2. Изменение частотности сочинительных союзов по историческим периодам, количество единиц

Как следует из рис. 2, динамика употребительности семи сочинительных союзов не совпадает по историческим периодам за исключением последнего

периода, который представляет современный французский язык, где наблюдается относительная стабилизация количественных показателей частотности сочинительных союзов по сравнению с предыдущим, четвертым, периодом.

На данном этапе исследования было установлено, что в рамках общей тенденции к снижению количества употреблений сочинительных союзов в современном французском языке наблюдаются частные проявления этой тенденции в диахронии. Каждый сочинительный союз демонстрирует собственную динамику употребительности в определенные исторические периоды, что объясняется как подражанием конструкциям и оборотам более развитого в синтаксическом отношении латинского языка, так и постепенным нарастанием во французском языке аналитизма и более эксплицированным выражением логических связей.

Однако выявленные и описанные показатели абсолютной частоты употреблений сочинительных союзов не дают точной картины того, насколько значимые изменения произошли в системе сочинительных союзов за более чем тысячелетнюю историю. Необходимо дополнить наше исследование анализом количественных показателей вхождения каждого сочинительного союза во всей совокупности вхождений сочинительных союзов в каждом из пяти исследовательских подкорпусов (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Количественные показатели вхождения сочинительных союзов
в исследовательском корпусе по периодам (ед., %)

Сочини- тельные союзы	Периоды									
	856–1299 гг.		1300–1499 гг.		1500–1799 гг.		1800–1980 гг.		1981–2019 гг.	
	Подкорпусы									
	первый		второй		третий		четвертый		пятый	
	кол-во единиц	%	кол-во единиц	%	кол-во единиц	%	кол-во единиц	%	кол-во единиц	%
<i>et</i>	77197	80,10	100000	47,0	100000	40,98	100000	23,86	100000	27,59
<i>ou</i>	7448	7,73	58011	27,27	48294	19,79	100000	23,86	98980	27,31
<i>mais</i>	5109	5,30	28163	13,24	59655	24,44	100000	23,86	100000	27,59
<i>ni</i>	51	0,53	274	0,13	3156	1,29	43579	10,39	28152	7,77
<i>donc</i>	408	0,42	1117	0,53	10975	4,49	44057	10,51	20262	5,59
<i>car</i>	4054	4,21	23509	11,05	21153	8,67	30259	7,22	14390	3,97
<i>or</i>	2109	2,19	1675	0,79	813	0,33	1211	0,29	638	1,97
Всего	96 376	100	212 749	100	244 046	100	419 106	100	362 422	100

Как следует из табл. 2, относительная частота каждого сочинительного союза существенно разнится от всей совокупности употреблений сочинительных союзов в разные исторические периоды развития языка.

В старофранцузском периоде (856–1299) доля сочинительного союза *et* составляет 80,10 % от общего количества употреблений сочинительных союзов в данном периоде, а в современном французском языке (1981–2019) она снижается до 27,59 % от общего количества вхождений собственно сочинительных союзов в данном подкорпусе.

И наоборот, относительная частота употреблений двух сочинительных союзов *ou* и *mais* выросла более чем в три раза в современном французском языке и достигает 27,31 % и 27,5 % для каждого по сравнению со старофранцузским периодом, причем в современном французском языке фиксируется их максимальная относительная частота употреблений.

В старофранцузском периоде доля союзов *ni* и *donc*, которая не превышала 1% от общего количества вхождений сочинительных союзов в данном подкорпусе, увеличивается в 14,66 и 13,31 раз (7,77 % и 5,59 % соответственно) в современном французском языке.

Относительная частота употреблений следующих двух союзов *car* и *or* характеризуется стабильностью, так как колебания их количественных показателей за одиннадцать веков являются несущественными и представляют собой уменьшение в 1,06 и 1,11 раз соответственно. Наблюдаемые различия – в границах 1 % – являются статистически незначимыми.

Относительная частота употреблений каждого сочинительного союза по историческим периодам становления современного французского языка представлена на рис. 3.

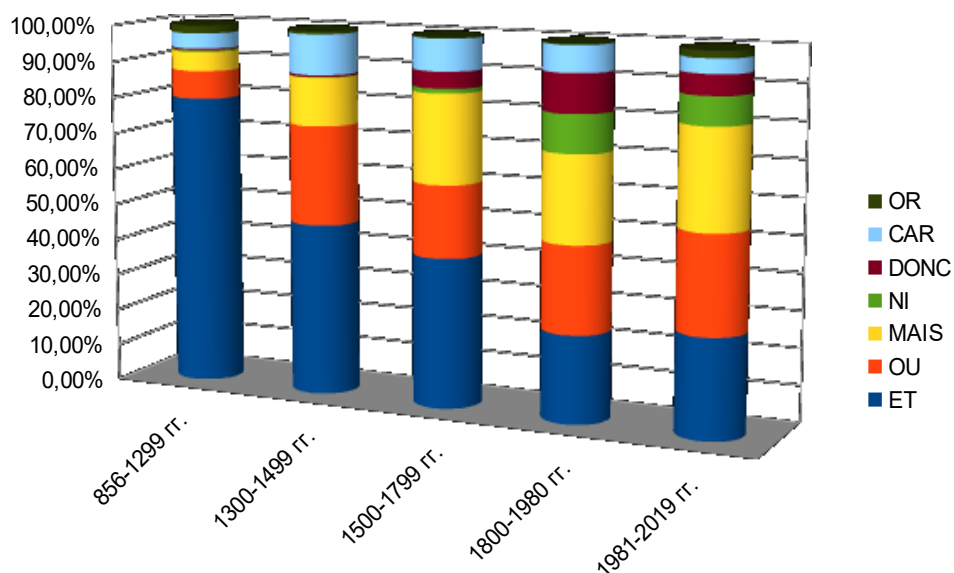


Рис. 3. Относительная частота употреблений сочинительных союзов в диахронии, %

Как видно из рис. 3, сочинительный союз *et* доминирует в трех первых периодах становления современного французского языка. Примечательно, что в старофранцузском языке для выражения сочинительных отношений в четырех случаях из пяти использовали союз *et*. Однако в четвертом периоде

три союза *et*, *ou* и *mais* имеют одинаковую долю вхождения в нашем исследовательском подкорпусе, которая суммарно составляет 71,6 % и увеличивается до 82,5 % в последнем, пятом, периоде. В то же время несмотря на значительное увеличение доли каждого из четырех союзов *or*, *car*, *ni* и *donc* на протяжении тысячелетней истории, их удельный вес значительно ниже и не превышает суммарно 17,5 % всех вхождений в нашем пятом подкорпусе.

Проведенный диахронический количественный анализ вхождений представленных в исследовательском корпусе сочинительных союзов позволяет заключить следующее.

Во-первых, выявлена общая тенденция к уменьшению употребительности сочинительных союзов за более чем тысячелетнюю историю развития языка почти в 4 раза.

Во-вторых, динамика употребительности каждого сочинительного союза имеет собственную траекторию в диахронии, демонстрируя как увеличение, так и уменьшение количественных показателей с разной степенью интенсивности в разные исторические периоды. Выявлено, что абсолютная частота употреблений сочинительных союзов в современном французском языке в течение последних двух веков характеризуется несущественными колебаниями.

В-третьих, выявленные значительные количественные изменения относительной частоты употреблений французских сочинительных союзов в различные исторические периоды свидетельствует о «диахронических» предпочтениях носителей языка. Установлена неравномерность доли употреблений сочинительных союзов в первых трех периодах с доминированием вхождения союза *et* в исследовательском корпусе. Выявлено количественное преобладание употреблений трех союзов *et*, *ou* и *mais* с одинаковой относительной частотой во всей совокупности употреблений в последних двух периодах развития современного французского языка.

В ходе данного исследования было выдвинуто предположение о наличии существенных, формальных и функциональных, факторов, обуславливающих динамику употребительности сочинительных союзов во французском языке в диахронии. Данное предположение будет верифицироваться последующими исследованиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
2. Grevisse, M. Le bon usage. Grammaire française / M. Grevisse. – Paris: Duculot, 2018. – 1762 p.
3. Riegel M. Grammaire méthodique du français / M. Riegel, J.-C. Pellat, R. Rioul. – Paris: P.U.F., 2016. – 1168 p.
4. Centre National des ressources textuelles et lexicales [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cnrtl.fr/>. Дата доступа : 15.12.2019.

5. *Meillet, A.* Le renouvellement des conjonctions / A. Meillet // Linguistique historique et linguistique générale: Collection linguistique publiée par la société de linguistique de Paris. – VIII. Paris : Champion, 1982. – P. 159–175.
6. Национальный корпус французского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.frantexte.fr/>. – Дата доступа : 15.12.2019.
7. *Скрелина, Л. М.* История французского языка : учеб. пособие для вузов / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. – М. : Высш. шк., 2001. – 464 с.
8. *Шигаревская, Н. А.* История французского языка / Н. А. Шигаревская. – М. : Просвещение, 1984. – 285 с.
9. *Щетинкин, В. Е.* История французского языка / В. Е. Щетинкин. – М. : Высш. шк., 1984. – 188 с.
10. *Головин, Б. Н.* Язык и статистика / Б. Н. Головин. – М. : Просвещение, 1970. – 190 с.
11. *Баранов, А. Н.* Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 358 с.
12. *Тарасевич, Л. А.* Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением (на материале немецкого и русского языков) / Л. А. Тарасевич. – Минск : Мин. гос. лингвист. ун-т, 2014. – 272 с.
13. *Тулдава, Ю. А.* Проблемы и методы количественно-системного исследования лексики / Ю. А. Тулдава. – Таллинн : Вагус, 1987. – 204 с.
14. *Комарова, З. И.* Ядерные служебные слова в русском подязыке информатики: количественно-качественное исследование / З. И. Комарова, С. В. Краев. – Екатеринбург, 2008. – 380 с.

The article analyzes quantitative indicators of French compositional conjunctions in a diachrony based on a case study. The article describes the general frequency of French compositional conjunctions and the frequency of their use in five historical periods of language evolution. Continual quantitative changes in the use of French compositional conjunctions are stated, reflecting “diachronic” preferences in their use. A general trend was identified reflecting the reduction by almost 4 times in the use of French compositional conjunctions throughout a more than a thousand-year history of language development.

Поступила в редакцию 10.02.2020

С. В. Паремская

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПРЕДЛОЖНОЙ СИСТЕМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В НОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД

Статья посвящена рассмотрению основных особенностей развития системы предлогов немецкого языка в нововерхненемецкий период. Установлено, что эволюцию в системе предлогов немецкого языка характеризуют три основные тенденции: расширение сферы употребления уже существовавших предлогов, увеличение класса предлогов, а также формирование новых семантических подгрупп класса предлогов. В статье делается предположение о закономерностях, влияющих на развитие предложной системы немецкого языка.

Несмотря на то, что предлоги уже неоднократно являлись объектом изучения многих лингвистов, относящихся к разным лингвистическим школам и направлениям, интерес к этому классу служебных слов по-прежнему не ослабевает. Видимо, это объясняется той важной ролью, которую предлоги играют в формировании высказывания.

По времени происхождения и прозрачности мотивированной связи с производящими основами предлоги традиционно подразделяются на две группы – первообразные и непервообразные [1, S. 185]. *Первообразные* предлоги более древние по происхождению, при этом самые древние предлоги восходят к наречиям места. Изначально в группу данных предлогов входили *ab* 'от', *an* 'у', *in* 'в', *ob* 'ради, над', *um* 'вокруг', *unter* 'под', *über* 'над', *mit* 'с', *durch* 'через', *für* 'для', *vor* 'перед', *bei* 'у', *wider* 'против' [2, S. 3]. В процессе исторического развития указанные предлоги образовали сложную сеть различных значений, вследствие чего они являются, как правило, многозначными, вместе с тем они сохранили присущее им изначально пространственное значение. *Непервообразные* предлоги возникли намного позже и сохраняют прозрачность внутренней формы [3, с. 41].

Две рассматриваемые группы предлогов отличаются друг от друга не только по времени происхождения, но и по своей структуре. Первообразные предлоги, как правило, одноморфемны. Непервообразные предлоги являются производными и, как правило, многоморфемны.

Следует отметить, что не все лингвисты используют для обозначения данных предлогов термины *первообразные* и *непервообразные*. В. М. Жирмунский говорит, например, о предлогах «старого и нового слоя», называя последние «*unechte Präpositionen*» 'неподлинные' [4, с. 182], так как они являются производными. С точки зрения словообразования большинство этих предлогов образовано путем словосложения. Сложные предлоги возникли в результате сдвигов, чаще всего сочетание простого предлога с именем существительным, например: *unterhalb* (*unter* + *Halbe*) 'ниже', *außerhalb* (*außer* + *Halbe*) 'за, вне', *zufolge* (*zu* + *Folge*) 'согласно', *infolge* (*in* + *Folge*) 'вследствие', *anstatt* (*an* + *Statt*) 'вместо' и т. п. Предлоги могут быть образованы из двух предлогов-наречий, например: *mitsamt* (*mit* + *samt*) 'вместе', *gegenüber* (*gegen* + *über*) 'напротив'.

Предложная система немецкого языка изменялась на протяжении всего его исторического развития от этапа к этапу. При этом каждому этапу эволюции были присущи свои характерные черты. Целью данной статьи является выявление основных тенденций развития системы немецких предлогов в нововерхненемецком периоде (начиная с 1650 г. по настоящее время), который характеризуется завершением формирования немецкого национального языка и его дальнейшим совершенствованием. Анализ литературы показывает, что в данный период в составе группы немецких предлогов произошли значительные изменения.

Предлоги принадлежат к разряду служебных, морфологически неизменяемых слов, выражающих различные отношения между зависимыми и главными членами словосочетания и осуществляющих подчинительную синтаксическую связь внутри словосочетания и предложения [5, с. 394].

С одной стороны, это закрытый класс слов, так как состав первообразных предлогов не может пополняться. С другой стороны, количество непервообразных предлогов постоянно увеличивается, в связи с чем можно говорить о предлогах как об открытом классе слов [6, S. 353–354].

При переходе в предлоги полнозначных слов они утрачивают грамматические признаки соответствующей части речи (имени существительного, имени прилагательного или глагола) и приобретают грамматические признаки, присущие предлогам. Е. Т. Черкасова отмечает, что по этой причине в процесс «опредложивания» могут вовлекаться полнозначные слова только самого отвлеченного значения, т.е. слова, в семантике которых заложена потенциальная способность к выражению релятивности, слова типа «время», «причина», «цель» [7, с. 29].

Как уже отмечалось выше, большинство предлогов «старого слоя» образовались от наречий. Более «молодые» предлоги возникли от существительных (*dank* 'благодаря', *laut* 'согласно', *mittels* 'при помощи, посредством', *kraft* 'в силу', *zwecks* 'с целью, для' и др.), прилагательных или причастий (*unweit* 'недалеко', *während* 'во время', *ungeachtet* 'несмотря на' и др.), а некоторые – от предложных конструкций (*zufolge* 'согласно', *infolge* 'вследствие', *anstatt* 'взамен, вместо' и др.). Большинство этих предлогов управляет генитивом, что объясняется их происхождением. Так, например, предлоги *laut* 'согласно', *mittels* 'при помощи, посредством', *kraft* 'в силу', *zufolge* 'согласно' и др. образовались от существительных и конструкций типа «существительное + предлог». Существительное в генитиве раньше зависело от другого существительного и выступало в качестве определения: *zu Folge des Befehls* 'согласно приказу'. Согласно Г. Н. Чеботаревой, в памятниках ново-верхненемецкого периода можно встретить предлоги, представляющие собой форму родительного падежа соответствующих существительных, например, *mangels* 'за отсутствием, за недостатком', *mittels* 'при помощи, посредством', *längs* 'вдоль' и т. п. [7, с. 27].

Перейдем к рассмотрению отпричастных предлогов. Например, предлог *während* 'во время' является формой причастия I от глагола *währen* 'продолжаться, длиться' (= *andauern* 'продолжаться') и выступал в качестве определения перед существительными: *bei währender* (= *andauernder*) *Nacht* 'долгой ночью'. Только в XIII в. после отделения окончания *-der* форма *während* стала играть роль предлога [7, с. 28].

Ряд лингвистов (О. И. Москальская (1985); В. Г. Адмони (1963); Г. Пауль (1955), В. Юнг (1971) и др.) полагает, что процесс развития предложной системы немецкого языка до настоящего времени не завершен. Подтверждением этой точки зрения может служить тот факт, что в современном немецком языке наблюдается процесс перехода в класс предлогов таких прилагательных и наречий, как *ausschließlich* 'исключительно',

einschließlich 'включительно', *gelegentlich* 'случайно', *vorbehaltlich* 'при условии', *seitab* 'в стороне', *rechts* 'справа', *links* 'слева' и т. п., например: *links des Hauses* 'слева от дома', *rechts des Weges* 'справа от дороги', *gelegentlich seines Aufenthalts* 'по случаю его пребывания' [7, с. 29].

Процесс дальнейшего образования предлогов наблюдается и в сфере присубстантивных аналитических средств. В. Г. Адмони называет такие конструкции «наполовину» предлогами [8, с. 228], Э. Бенеш обозначает их как «Halbpräpositionen» 'полупредлоги', Ф. Хертель квалифицирует их как комплексные. Согласно С. Т. Нефедову, предлоги данного типа являются результатом или 1) словосложения (*zusammengesetzte Präpositionen*): *oberhalb* (*ober* + *Halbe*), *unterhalb* (*unter* + *Halbe*); или 2) словообразовательного сдвига первообразного предлога с существительным без артикля (*zusammengerückte Präpositionen*): *anhand* (*an* + *Hand*), *anstelle* (*an* + *Stelle*), *aufgrund* (*auf* + *Grund*) [9, с. 298]. С одной стороны, такие предлоги употребляются гораздо реже, чем первообразные. С другой – их количество непрерывно растет, так как в языке все время появляются новые предложные образования, состоящие из предлога и существительного. Неустоявшийся статус их как предлогов отражается в написании: орфографически возможно двойное написание некоторых предлогов такого типа: *aufgrund/auf Grund*, *anstelle/an Stelle*.

Увеличение числа предлогов в составе немецкого языка в первую очередь обусловлено перестройкой падежной системы, а точнее, падежным синкретизмом. Явление *синкретизма* представлено во всех индоевропейских языках. Синкретизм заключается в конвергенции языковых единиц в плане выражения и в плане содержания. В результате видоизменяется структурное оформление и функционирование разных парадигматических звеньев и рядов, что приводит к их сокращению. Что касается немецкой падежной системы, то явление синкретизма проявилось в уменьшении ее многообразия. Так, в индоевропейском языке (который является праязыком для немецкого языка) существовало восемь падежей. В древневерхненемецком языке количество падежей сократилось до пяти: именительный, родительный, дательный, винительный и инструментальный. С IX в. существительное в инструментальном падеже начинает употребляться вместе с предлогом, а затем инструментальный падеж сливается с дательным. В средневерхненемецкий период вместо пяти падежей остается четыре, так как инструментальный падеж полностью выходит из употребления. Датив оказывается максимально синкретическим падежом, в связи с чем О. Бехагель называет его «*das große Sammelbecken*» 'большой сливной бассейн' [10, с. 275]. Следует отметить, что в историческом аспекте важным для процесса падежной эволюции наряду с синкретизмом является *анализм*. Данные процессы, произошедшие в немецком языке, связаны с характерным для германских языков усилением аналитического строя языка. Рост аналитических явлений наблюдается как в чистых падежных формах, которые дифференцируются посредством артикля, так и в возрастании употребления предложно-падежных форм.

Авторы отмечают, что увеличение числа предлогов обусловили не только внутриязыковые факторы, но и экстралингвистические. Еще в XIV–XV вв. средневерхненемецкого периода в связи с изменившимися потребностями общества начинали массово создаваться специализированные предлоги с четкой, однозначной семантикой. Они помогали избежать многозначности, позволяли более точно передавать абстрактные значения. В. Г. Адмони отмечает, что соответствующие абстрактные логические значения уже до этого осознавались человеком, но, не имея специализированного языкового выражения, выражались как одно из созначений отдельных лексических единиц или грамматических форм [8, с. 117].

Автор объясняет массовую выработку специализированных предлогов с абстрактными логическими значениями в XIV–XV вв. потребностями новых речевых жанров, появившихся в это время в немецком языке. Так, в разнообразных юридических документах требовалась крайняя точность в выражении различных логических отношений, авторы философско-теологических сочинений, стремились к точной фиксации хода мыслей [8, с. 117]. В этот период возникли, например, такие предлоги «нового слоя» как *ursach(e)* 'по причине' с четкой причинной семантикой (который в словарях современного немецкого языка не фиксируется) или *um ...willen* 'ради, из-за' с четкой целевой семантикой, а также предлог *laut* 'согласно' с модальной семантикой. Возникая из потребностей официальной юридически-канцелярской, философско-теологической сфер коммуникации, предлоги «нового слоя» (*von ...wegen* 'по', *um ... willen* 'ради, из-за') постепенно переходили в другие жанры. При этом они вытеснили иные языковые средства, служившие ранее основным средством выражения целевого значения. Сказанное позволяет констатировать, что еще одной важной особенностью, связанной с процессом образования новых предлогов, является спецификация предлогов на определенной семантике.

В нововержненемецкий период сфера употребления уже существовавших предлогов расширяется. В данный период отмечаются изменения в группе существительного. Такие видные германисты, как П. Браун и К.-Э. Зоммерфельдт говорят о тенденциях к «аккузативации и предложиванию» [11, S. 199]. Чистые падежные формы, прежде всего формы родительного падежа, все больше заменяются предложными. Согласно С. М. Козману, в нововержненемецком периоде употребление конструкций с предлогом *von* 'от, из, с' возросло в четыре раза [11, S. 196]. Небольшому числу чистых падежных форм противопоставляется значительно большее число предлогов, при помощи которых явления могут обозначаться точнее, чем чистыми падежными формами. Это происходит потому, что число падежей ограничено, а предлогов в языке намного больше. С другой стороны, с помощью предложных конструкций можно более точно описать отношения между объектами и явлениями окружающей действительности. Кроме этого, число дополнений в дательном падеже сокращается. Автор отмечает, что преимущество предложных падежей по сравнению с чистыми падежными формами заключается в их большей конкретности. Например, родительный падеж,

в общем, обозначает соотнесение в широком смысле, а предлоги, напротив, обозначают конкретные локальные, целевые и другие отношения. Для сравнения К.-Э. Зоммерфельд приводит следующие конструкции: *das Wasserwerk Gräfenroda* 'водопроводная станция Грефенрода'; *das Wasserwerk in/bei Gräfenroda* 'водопроводная станция в/под Грефенрода'; *das Wasserwerk für Gräfenroda* 'водопроводная станция для Грефенрода' [11, S. 201].

Отмечается также расширение употребления предлогов. Сфера употребления предлогов продолжает увеличиваться как в группе глагола, так и в группе прилагательного. В группе глагола предложные конструкции являются важнейшей формой, сменяющей объектный родительный падеж, и сильно теснят чисто падежные формы выражения обстоятельств. В группе прилагательного предлоги активно сменяют родительный падеж, особенно в его общесоотностительном значении [8, с. 228].

Расширяются также возможности употребления номинатива. Номинатив утверждается в группе существительного по сравнению с другими падежами с предлогом и без. В. Г. Адмони пишет о возникновении тенденции к использованию формы именительного падежа после предлога в некоторых образованиях, например, если предлог относится к двум существительным, соединенным союзом *und* 'и': *zwischen Mensch und Affe* 'между обезьяной и человеком', а также иногда при причинных предлогах, например, *wegen Raummangel* 'из-за недостатка места' [8, с. 228–29].

Таким образом, очевидно, что развитие предложной системы немецкого языка характеризуется определенной спецификой, которая еще должна быть установлена. На основании проделанного анализа можно говорить о том, что система предлогов немецкого языка находится в постоянном развитии: расширяется сфера употребления уже имеющихся в языке предлогов, возникают новые предлоги, происходит формирование новых семантических подгрупп предлогов за счет полнозначных частей речи. На современном этапе развития языка система предлогов обогащается в основном путем перехода полнозначных слов в статус предлогов. Сложившаяся в немецком языке к началу нововерхненемецкого периода система предлогов продолжает развиваться в соответствии с закономерностью, присущей группе германских языков – развитие от синтетического к аналитическому строю. Потенциал развития системы производных предлогов не исчерпан, их число может неуклонно расти и в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tarasevich, L. Wege lokaler Präpositionen: Lexik vs. Grammatik. Eine quantitative Untersuchung der Gebräuchlichkeit deutscher und russischer lokaler Präpositionen im Blick auf ihre Entstehungszeit / L. Tarasevich // Berlin: Erich Schmidt Verlag GmbH & Co. KG: 2018. – S. 185–199.
2. Paul, H. Deutsche Grammatik / H. Paul. – Haale (Saale): M. Niemeyer, 1955 – Bd. 4. – S. 3–64.

3. *Тарасевич, Л. А.* Семантика пространственных предлогов в зеркале количественных показателей (на материале немецкого и русского языков) / Л. А. Тарасевич // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўнів-та*: Минск, 2014, с. 40–47.
4. *Жирмунский, В. М.* История немецкого языка / В. М. Жирмунский. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. – 300 с.
5. *Ярцева, В. Н.* Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
6. *Buscha, J.* Die deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / J. Buscha, G. Helbig. – Berlin und München: Langenscheidt KG, 2001. – S. 654.
7. *Чеботарева, Г. Н.* Колебания в функционировании предлогов: семантика и структура: дисс. ... канд. филолог. наук: 10.02.04 / Г. Н. Чеботарева – Тамбов, 2005. – 178 с.
8. *Адмони, В. Г.* Исторический синтаксис немецкого языка / В. Г. Адмони. – М. : Высшая школа: 1963. – 335 с.
9. *Нефедов, С. Т.* Теоретическая грамматика немецкого языка. Морфология / С. Т. Нефедов. – Изд-во С.-Петербург. ун-та, СПб.: 2018. – 354 с.
10. *Шведова, И. В.* Исторический аспект падежной системы немецкого языка / И. В. Шведова – Вестник ТГУ, Тамбов: 2009. – с. 273–276.
11. *Sommerfeld, K.-E.* Entwicklungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache / K.-E. Sommerfeld. – Leipzig : 1988. – 267 S.
12. *Braun, P.* Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten / P. Braun. – Stuttgart; Berlin; Köln : 1998. – 265 S.

The New High German period was characterized by the growth in the number of prepositions, the formation of their new semantic subgroups and the expansion of the use of prepositions already existing in the language. The development of the system of prepositions in German must be further investigated.

Поступила в редакцию 18.12.2019

А. Р. Чернецкий

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ РЕЧЕВЫХ ТАКТИК ВОЗМУЩЕНИЯ В КОНФЛИКТНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЯХ (на материале французских и белорусских художественных текстов)

Статья посвящена исследованию тактики возмущения, употребляемой в речевых конфликтах, и способов ее выражения в общении на французском и белорусском языках. При анализе конфликтного речевого взаимодействия выявлены языковые средства и речевые способы конфронтационного воздействия на адресата при реализации данной речевой тактики, определен их прагматический потенциал с опорой на различные компоненты коммуникативной ситуации.

Актуальность статьи обусловлена распространенностью речевых конфликтов во всех сферах жизни, что требует изучения особенностей регулирования межличностных отношений коммуникативных партнеров во французской и белорусской лингвокультурах. Как правило, художественная литература передает социально-культурную картину той или иной страны, что позволяет изучать национальную специфику общения [1].

Заметим, что в данном исследовании под *возмущением* понимается эмотивное выражение возмущения говорящим, а не его спонтанное, естественное проявление этой эмоции (которая может выражаться другими тактиками конфронтации).

В «Толковом словаре...» С. И. Ожегова *в о з м у щ е н и е* определяется как сильное раздражение, негодование (например, *в крайнем возмущении*) [2, с. 89].

Обобщенное определение *indignation* ‘возмущение’, взятое из французских словарей, может быть представлено следующим образом: *Sentiment de révolte, de mépris et de rancœur suscité par tout ce qui peut provoquer la réprobation, heurter la conscience morale (comme une insulte, une action mauvaise ou honteuse, une indignité ou une injustice)* ‘Чувство протеста, презрения и горечи, порожденное всем, что может вызвать осуждение, оскорбить моральное сознание (например, обида, плохой или постыдный поступок, недостойность или несправедливость)’ [3].

Следовательно, *тактика возмущения* направлена на последующее устранение несоответствия всеобщим этическим принципам морали и нравственности какого-либо неблагоприятного действия адресата: оскорбления, злого или предосудительного поступка, несправедливости или нанесения обиды.

Воздействующим эффектом тактики возмущения является осознание адресатом своего проступка и сожаление о содеянном благодаря выраженному говорящим чувству негодования, презрения и горечи.

При реализации речевой тактики возмущения основное значение приобретают следующие релевантные компоненты коммуникативной ситуации: говорящий (недовольная сторона), адресат (объект недовольства), предмет возмущения, социальные нормы поведения, эмоциональное состояние говорящего. Хотя проявление эмоциональности характерно для всех тактик конфронтации, выражение эмоционального состояния как компонент коммуникативной ситуации присутствует только в реализациях тактики возмущения в форме прямого указания говорящим на чувства, которые в нем вызвало действие-конфликтоген со стороны адресата (см. выше определение понятия *indignation* ‘возмущение’ через родовое понятие *sentiment* ‘чувство’).

Мотивом конфликтного общения часто становится изначально предвзятое отношение к собеседнику, причиной которого может быть плохое настроение говорящего или просто желание противоречить адресату во всем без всяких оснований. В данном случае наблюдается отсутствие конфликтогена.

– *J’ai dit que je ne voulais pas de poisson aujourd’hui! Quand m’écouteras-tu?*...

– *On va te commander autre chose, souffle Diva en posant sa main sur la sienne.*

– *Mais je ne veux pas «autre chose»! D’abord, j’ai faim et je veux manger. Cela fait une demi-heure que j’attends! Mais ça, tu t’en moques!...*

– *Allons-nous-en, si tu préfères!* [4, p. 194]

Молодой человек приходит по приглашению своей возлюбленной Дивы в ресторан и обнаруживает, что она уже заказала рыбу. Он упрекает Диву в том, что она его не слушает, потому что он уже говорил, что сегодня не хочет рыбы на ужин (*J’ai dit que je ne voulais pas de poisson aujourd’hui!* ‘Я же сказал, что не хотел сегодня рыбы!’). Тогда Дива полупшепотом предлагает поменять заказ (*On va te commander autre chose* ‘Мы сейчас тебе закажем что-нибудь другое’). Приятель Дивы продолжает конфронтационные действия, возмущаясь ее предложением (*Mais je ne veux pas «autre chose»!* ‘Да не хочу я «чего-нибудь другого»!’). Высказывание с возмущением является лишь придиркой к словам адресата, так как не соответствует истинным желаниям говорящего (ср. его противоречивые высказывания: *je ne voulais pas de poisson* ‘я не хотел рыбы’, *je ne veux pas autre chose* и *j’ai faim et je veux manger* ‘я голоден и хочу есть’).

Па сенажаці ў чарадзе кароў важна пахаджвалі буслы, выглядаючы сваю спажыву.

– *У вас там, у Расіі, такіх прыгожых птушак няма! – не адставаў Мішка.*

Гэтыя яго словы чамусьці зноў узалі хлопца [Васю] за жывое. Іншым разам ён, магчыма, і не звярнуў бы на іх увагі, а цяпер не выцерпеў.

– *Няпраўда! У нас яшчэ лепшыя ёсць! – запярэчыў ён.*

– *Расеец! – сказаў Паздзей.*

Гэта была ўжо прамая абраза. [5, с. 72]

Умышленное сокрытие правды от собеседника выступает сильным речевым конфликтогеном и провоцирует использование им одной из тактик конфронтации. В большинстве случаев в данном контексте используется возмущение.

Le professeur était assis derrière son bureau... On frappa à la porte... Lauren entra sans attendre.

– *Pourquoi m’avez-vous caché la vérité?*

– *J’étais en train de vous l’écrire.*

– *Je suis en face de vous, alors parlez-moi!*

– *Vous songez probablement à cet hurluberlu qui passait ses journées dans votre chambre. Après avoir hésité à l’internier pour démence précoce, je me suis contenté de le neutraliser.*

– *Foutaise!* cria Lauren en tapant du poing sur le bureau du professeur Fernstein. *Dites-moi la vérité!*

– *Vous la voulez vraiment, la vérité? Je vous préviens qu'elle n'est pas facile à entendre.* [6, p. 292–293]

Лорен, узнав, что ее наставник профессор Фернштейн скрывал от нее правду о том времени, когда она находилась в коме, входит в его кабинет и требует от него объяснений (*Pourquoi m'avez-vous caché la vérité?* ‘Почему Вы скрыли от меня правду?’). Когда профессор пытается уклончиво повторить только то, что она уже знает о незнакомце, который проводил свое время у ее постели, не называя его имени, Лорен перебивает Фернштейна. В гневе ударив по столу, она переходит на крик, возмущаясь тем, что Фернштейн не говорит ей всю правду (*Foutaise! ‘Вздор!’*). Используемая тактика возмущения, выраженная лексемой сниженного стиля *foutaise* ‘вздор’, некорректна по отношению к старшему по возрасту собеседнику с более высоким статусом и неуместна в ситуации, в которой адресат и так был намерен совершить действие, имплицитируемое тактикой возмущения (*J'étais en train de vous l'écrire* ‘Я как раз Вам ее [правду] писал’).

Саша падышла да Брылёва, папытала пра Кутняка... Але Брылёў паціснуў плячыма, сказаў, што яшчэ не бачыў яго.

– ***Што ты мне маніш? – абурылася дзяўчына, – я ж цудоўна бачыла, як ён сядзеў на падваконні, а на вешалцы вісіць яго куртка!***

– *Не хвалюйся, Саша, – крануўся яе пляча Міласлаўскі. – Кутняк пабег за гарэлкай...* [7, с. 357]

Косвенно выраженное возмущение, идентифицируемое благодаря невербальным и паравербальным компонентам коммуникативной ситуации (мимика, жесты, положение тела, интонация, тембр), обычно передается высказываниями с интеррогативным значением.

Eric, comme beaucoup d'intellectuels, n'a envie ni de se mouiller, ni de l'être.

– *Elle est délicieuse! On a tout de suite chaud, il suffit de nager un peu! Viens donc! Essaie... Tu vas voir!*

Eric a beau grommeler qu'il est très bien comme ça, Diva lui tourne autour, l'éclabousse, jusqu'à ce qu'il se redresse sur sa belle serviette colorée et lui jette avec colère:

– ***Tu ne peux donc pas me laisser un instant tranquille! Tu ne vois donc pas que je n'en peux plus, avec toi jappant sans cesse autour de moi!***

Diva demeura sidérée. [4, p. 187–188]

На пляже молодая девушка Дива, искупавшись, выходит на берег и подходит к сидящему на подстилке приятелю Эрику, который не хочет купаться. Она пытается уговорить его тоже пойти с ней в такую «чудесную» воду (*Elle est délicieuse! On a tout de suite chaud* ‘Она восхитительна! Сразу же становится тепло!’), но Эрик, немного рассердившись ее напористостью, отказывается, так как на пляже ему лучше. Его возмущение вызывают действия Дивы (*Diva lui tourne autour, l'éclabousse* ‘Дива крутится возле него, обрызгивает водой’): Эрик гневно требует не мешать ему загорать (*Tu ne peux donc pas me laisser un instant tranquille!* ‘Ты не можешь оставить меня

в покое ни на секунду!'). Возмущение с элементами неполного дистанцирования на поверхностном уровне имеет форму экскламативного псевдо-вопроса, но, по сути, выполняет функцию побуждения. Несмотря на косвенно выраженное возмущение, реакция адресата (*Diva demeura sidérée* 'Дива изумилась') свидетельствует об эффективности тактики.

В белорусском корпусе подобных косвенных выражений возмущения нами не было отмечено.

Косвенность выражения возмущения иногда состоит в не прямой номинации адресата – объекта возмущения.

– *Te voilà! dit Pierson. On te croyait mort. Alexandre s'en faisait, de la bile! Alexandre regarda Maillat.*

– *Mais qu'est-ce que tu as?... Qu'est-ce qui t'arrive?*

– *Rien, dit Maillat.*

Il se mit à crier tout d'un coup:

– *Rien! Tu entends! Rien!*

Alexandre s'assit, puis... redressa le torse.

– *Et voilà! dit-il. Monsieur est en retard d'une heure. Monsieur sèche son tour pour la vaisselle. Et quand Monsieur revient, Monsieur m'engueule!* [8, p. 207, 209–210].

Когда партизан Майя возвращается с задания с большим опозданием, его соратники Пьерсон и Александр, волнуясь из-за состояния товарища, спрашивают, в чем причина его опоздания (*Mais qu'est-ce que tu as?... Qu'est-ce qui t'arrive?* 'Да что с тобой?... Что с тобой случилось?'). Майя, не желая рассказывать, отвечает, что ничего особенного не произошло (*Rien* 'Ничего'), затем внезапно начинает кричать, что с ним все в порядке (*Rien! Tu entends! Rien!* 'Ничего! Слышишь?! Ничего!'). Понимая свое превосходство в данной ситуации, Александр возмущается неоправданным гневом Майя (*Monsieur est en retard d'une heure. Monsieur sèche son tour pour la vaisselle* 'Месье опаздывает на час. Месье пропускает свою очередь по мытью посуды'). Его возмущение достигает кульминации в конце высказывания (*quand Monsieur revient, Monsieur m'engueule!* 'когда месье возвращается, месье меня отчитывает!'). Одним из важных средств демонстрации возмущения и дополнительного дистанцирования выступает не прямое обращение к адресату как к третьему лицу (*Monsieur* 'месье'), которое повторяется четыре раза и тем самым усиливает тактику возмущения, повышая ее эффективность.

Прадаўшчыца ўжо са злосцю выхапіла няшчасныя пяць рублёў, спапяляючы яго [Давыдчыка] позіркам, таму што быў канец месяца, гарэў план, а да плана не хапала якраз столькі, колькі каштуе сіні замежны плашч.

– *А вы не дужа ласкавыя, – не стрымаўся Давыдчык, ідучы да дзвярэй.*

– *Набярэшся на кожнага ласкі! – агрызнулася прадаўшчыца з шэрымі вачыма. – Тут за дзень сотні такіх пераварочваецца.* [9, с. 26]

Возмущение может выражаться в форме указания говорящим на негативное эмоциональное состояние, которое вызывает у него поведение/речь адресата или третьего лица.

– *Maman, vous pouvez m'accorder une minute?*
 – *Tu vois bien que je suis occupée, mon petit.*
Politesse rendue. A toi de jouer. J'avance en roulant un peu des épaules.
 – *Je regrette, mais nous avons un petit compte à régler.*
...Folcoche fait face. Comme il s'agit de choses graves, elle ne crie pas sa fureur, elle la siffle.

– *Tu commences à m'agacer, mon garçon! Je n'ai d'ordres à recevoir de personne, ici.* [10, p. 149]

Мальчик Жан подходит к матери и, впервые называя ее *maman* 'мама', просит поговорить с ним (*vous pouvez m'accorder une minute?* 'Вы можете уделить мне минутку?'). Понимая, что вежливость сына неискренна и скрывает его реальные намерения, Психимора, тем не менее, отвечает вежливостью на вежливость (*mon petit* 'мой малыш'). Жан подходит к ней вплотную и, притворно извиняясь (*Je regrette* 'Сожалею'), заявляет, что они должны выяснить отношения (*nous avons un petit compte à régler* 'нам надо свести счеты'). Разъяренная авторитарная мать возмущается дерзостью сына-бунтаря (*elle ne crie pas sa fureur, elle la siffle* 'она не кричит от ярости, а шипит'), тем, что он выводит ее из себя (*Tu commences à m'agacer* 'Ты начинаешь меня раздражать'). Мать пытается поставить сына на место (*Je n'ai d'ordres à recevoir de personne, ici* 'В этом доме приказы отдаю только я'). Сочетание двух потенциально эффективных тактик возмущения – эмоциональной (*Tu commences à m'agacer*) и статусно-регулирующей (*Je n'ai d'ordres à recevoir de personne, ici*) – не достигает ожидаемого эффекта ввиду нежелания сына подчиняться матери.

– *А чаго ты такі вясёлы?*
 – *Сказалі, што будуць такіх, як Пух, лавіць і адстрэльваць, як шалёных сабак. Адплача ён крывавымі слязамі за тое, што атруціў мяне.*
 – *Ай, Гардзеі, не радуйся чужой бядзе, дык і свая, можа, не кране.*
 – *Ты мяне не ведаеш, я яму гэтага ніколі не дарую! Ён жа мяне калекам зрабіў! Хто я такі цяпер, па-твойму? Вар'ят! Дурань! Шызафрэнік!* [11, с. 265]

В конфликтных ситуациях общения лексика сниженного стиля может выражать отдельную тактику, передавая возмущение самостоятельно, или сопровождать другую тактику возмущения, повышая ее интенсивность.

...le conseil de discipline autour de Pierre se tint dans la bibliothèque...
Dès la première question, il buta sur les mots «extorsion» et «racket»...
...On allait donner à Pierre les moyens de ne plus être embêté par ses camarades.
 – *...A présent, ouste, rentre chez toi.*

– *Pourquoi mon père n'est pas là? On a le droit de cuisiner un élève en cachette de ses parents? C'est quoi cet interrogatoire de merde?*

– *Reste poli s'il te plaît et rentre chez toi!* [12, p. 171–173, 176]

В школе на дисциплинарном совете учителя во главе с директором расспрашивают Пьера, кто и при каких обстоятельствах донимает его

вымогательством, от него требуют подробного описания событий и имен главарей. В конце собрания накопленное негодование Пьера выплескивается: он не без оснований возмущается отсутствием на совете его родителей (*Pourquoi mon père n'est pas là? On a le droit de cuisiner un élève en cachette de ses parents?* **‘Почему здесь нет моего отца? Разве есть такое право допрашивать ученика втайне от его родителей?’**), называя дисциплинарный совет «паршивым допросом» (*C'est quoi cet interrogatoire de merde?* **‘Что это за паршивый допрос?’**). Возмущение Пьера выражается, в основном, сниженной лексикой *cuisiner* ‘разг. допрашивать’ и *de merde* ‘паршивый, дерьмовый’, не свойственной официальной ситуации (дисциплинарный совет) и не соответствующей восходящему статусному вектору общения (ученик обращается к директору школы). Такое языковое оформление тактики вызывает правомерное замечание директора: *Reste poli s'il te plaît* ‘Будь вежлив, пожалуйста’. Тактика возмущения неэффективна, так как дисциплинарный совет во главе с директором не реагирует на нее.

– *Ах, боўдзіла! – схапіла палена і кінулася наўздагон маці.*

– *Стой! – закрычаў на яе дзядзька, выхапіў палена з рук, шпурнуў на дрывацень. – Ты што, здурэла?! Ды ведаеш, галава садовая, хто ў вас расце?!*

– *Хто?.. – разгублена апусціла рукі маці.*

– *Вундэркінд! Во хто!*

– *А я думала: хай як-кольвек васьмігодку даб’е ды прыстроіць на ветырынара. Ты думаеш, лепей у гэтыя... пісацелі?*

– *От жа дурная баба! – аж зазлаваў дзядзька. – У хлопца талант, можна сказаць, божы дар, а яна – ветыры-ына-ар...* [13, с. 168–169]

Таким образом, использование речевой тактики возмущения как во французской, так и в белорусской лингвокультурах обычно обусловлено изменением отношения говорящего к своему коммуникативному партнеру, который вызывает в нем негативные эмоции. Национальная специфика белорусов проявляется в более систематическом выражении этих эмоций открыто, напрямую, в то время как франкофоны чаще передают их с помощью косвенных, завуалированных форм, например, вопросительных предложений. Используемая в речи белорусских коммуникантов лексика сниженного стиля, характерная для речевой тактики возмущения, также более распространена и разнообразна, чем у французов, которые предпочитают уничижительную лексику, близкую к нейтральной, стилистически немаркированной.

В исследованном нами корпусе встречаются следующие подтипы речевой тактики возмущения:

1) нетерпение (возмущение *нерасторопностью* адресата);

2) возражение, протест (возмущение с выражением *несогласия* с мнением адресата);

3) враждебность, неприязнь (*неправомерное* возмущение, основанное на предвзятом отношении к адресату).

Кроме того, в конфликтном речевом взаимодействии могут реализовываться следующие виды возмущения:

- возмущение-одергивание;
- возмущение-настойчивое повторение;
- возмущение-дистанцирование;
- возмущение-перефразирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якищенко, Е. А. Возмущающаяся языковая личность: коммуникативно-прагматический подход (на материале английского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Якищенко ; Кемер. гос. ун-т. – Кемерово, 2014. – 19 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : АЗЪ, 1995. – 999 с.
3. Dictionnaire français en ligne [Ressource électronique] // LEXILOGOS : mots et merveilles d'ici et d'ailleurs. – Mode d'accès: https://www.lexilogos.com/francais_dictionnaire.htm. – Date d'accès: 18.11.2019.
4. Chapsal, M. Si aimée, si seule / M. Chapsal. – Paris : Libr. A. Fayard, 1990. – 417 p.
5. Гніламёдаў, У. В. Вяртанне / У. В. Гніламёдаў. – Мінск : Мастац. літ., 2008. – 429 с. – (Беларуская проза XXI стагоддзя).
6. Levy, M. Vous revoir / M. Levy. – Paris : Éd. R. Laffont, 2005. – 320 p.
7. Адам, М. М. Мыла / М. М. Адам // Шоўк : аповесці, раман. – Мінск : Мастац. літ., 2013. – 366 с. – С. 79–146.
8. Merle, R. Week-end à Zuycdoote / R. Merle. – Paris : Gallimard, 1987. – 244 p.
9. Гаўрыловіч, У. М. Забранае шчасце / У. М. Гаўрыловіч // Плата за каханне : раман, аповесць, апавяданні. – Мінск : Мастац. літ., 2007. – 254 с. – С. 5–182.
10. Bazin, H. Vipère au poing ; La mort du petit cheval ; Cri de la chouette / H. Bazin. – Moscou : Progrès, 1979. – 528 p.
11. Дудзюк, З. І. Слодыч і атрута / З. І. Дудзюк. – Мінск : Мастац. літ., 2013. – 398 с.
12. Queffélec, Y. Osmose / Y. Queffélec. – Paris : Éd. R. Laffont, 2002. – 275 p.
13. Блакіт, В. Усмешка Фартуны / В. Блакіт // Усмешка Фартуны : аповесці. – Мінск : Юнацтва, 1984. – 288 с. – С. 154–288.

The article is devoted to the study of the tactics of indignation used in speech conflicts, and the means of its expression in communication in French and Belarusian. Analysis of the verbal conflict helped identify certain interaction language tools and speech methods of confrontational influence on the addressee during the use of the speech tactics of confrontation; their pragmatic potential is determined on the basis of various contextual characteristics of the situation.

Поступила в редакцию 06.02.2020

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Я. В. Разводовская

ВАРИАТИВНОСТЬ ТЕРМИНОВ
В ПОДЪЯЗЫКЕ РЕПРОДУКТИВНОГО ЗДОРОВЬЯ АНГЛИЙСКОГО,
РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

В статье проанализированы различные точки зрения относительно закономерности и языковой природы вариативности терминов, соотношения терминологической вариативности и синонимии. Описаны фонетико-графические, графические, словообразовательные и синтаксические варианты терминов, функционирующие в подъязыке репродуктивного здоровья английского, русского и белорусского языков.

Понятие вариативности применяется как к языку в целом, так и к различным формам его существования, проявляясь на всех уровнях его функционирования: фонетическом, лексическом и грамматическом. К вариантам обычно относят незначительные формальные модификации лингвистических единиц без изменения их основного значения.

В современной лингвистике сосуществуют широкое и узкое толкования термина *вариативность*. В широком смысле вариативность обозначает всякую изменчивость, модификацию. В узком смысле вариативность рассматривается как «характеристика способа существования и функционирования единиц языка в синхронии» [1, с. 32].

Процессы варьирования имеют место как в терминологиях, так и в терминосистемах. При этом отношение лингвистов к терминологической вариативности всегда было неоднозначным. Изначально варьирование термина не считалось нормативным явлением [2]. С развитием в терминоведении функционального и когнитивно-дискурсивного направлений терминология стала рассматриваться как открытая, развивающаяся система, и вариативность термина, как компонента такой системы, признается абсолютным большинством лингвистов и терминологов. Вариативность, по мнению В. М. Лейчика, является неотъемлемой чертой термина вследствие наличия в термине языкового субстрата, а также из-за возможности выявления в вербализуемом термине понятия разных признаков, по которым оно может быть названо [3, с. 188]. При этом, как отмечает ученый, наличие терминологических вариантов не мешает термину выполнять функции фиксации и передачи научного и специального знания [4, с. 84]. Многообразие форм термина, по мнению В. М. Лейчика, может наблюдаться и на этапе стихийного формирования терминологии, и на этапе сформировавшейся терминологии [3, с. 188].

Основные теоретические и прикладные аспекты изучения формального и семантического варьирования терминов освещены в работах К. Я. Авербуха [5–7], Л. Боукер [8], С. В. Гринева-Гриневича [9], Р. Дубука [10], Б. Дэйли

[11; 12], К. Керреманса [13], В. М. Лейчика [14], Ю. В. Сложеникиной [15], В. А. Татарина [16], Р. Теммерман [17], С. Фернандес-Сильва [18], Ю. Фрейши [19], С. Д. Шелова [20–24] и др.

В исследованиях вариативности применительно к терминологии акцент делают на различных аспектах вариативности: морфологическая и орфографическая вариативность, вариативность как результат эллиптичности форм и аббревиации [10]; вариативность, обусловленная перестановкой компонентов термина [12]; комбинаторная вариативность в пределах сложного термина [8]. Используя основные положения современной вариалогии применительно к терминологии, К. Я. Авербух подчеркивает особенность терминологического варьирования, состоящую в широких возможностях варьирования плана выражения термина (в отличие от общеупотребительной лексики). В качестве основных причин варьирования терминов автор выделяет варьирование как внутреннее свойство языка (причина парадигматической вариантности), а также действие в языке принципа экономии усилий (причина синтагматической вариантности) [5, с. 83–84]. Развитию конкурирующих единиц номинации в литературном языке способствуют современные тенденции развития языка (интернационализация и национализация, интеллектуализация и демократизация, экономия языковых средств и детализация номинации), что можно рассматривать как фактор развития синонимии и вариативности [25, с. 22]. В работе Ю. Фрейши выделяется шесть основных причин вариативности: 1) прелиминарная (собственно языковая), 2) диалектная (происхождение автора), 3) функциональная (связанная с различными регистрами коммуникации), 4) дискурсивная (обусловленность различными стилистическими и экспрессивными потребностями автора), 5) интерлингвистическая (как следствие контакта языков), 6) когнитивная (как результат различной концептуализации и мотивации) [19]. Вариантность термина ограничена его планом содержания, т.е. соответствием обозначаемому вариантами термина понятию в рамках одной теории и терминосистемы [7, с. 38]. Различия в понятийном содержании терминов-вариантов не касаются собственно специального понятийного содержания данной области знания и объясняются регулярными преобразованиями языковой структуры терминов (синонимией аффиксов, синонимией синтаксических конструкций, их наращиванием (добавлением) или редукцией, добавлением служебных слов, изменением синтаксической структуры и т.д.), характерными для общего (не специального) языка [25, с. 180].

На основании признака полноты С. В. Гринев выделяет полный, краткий и усеченный варианты термина, а на основе признака языкового уровня – графические, фонетические, фонетико-графические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, морфолого-синтаксические варианты (компаративные, эллиптические, аббревиатурные) [26, с. 109–112].

Вопрос отношений терминологической вариативности и синонимии не является однозначным. В некоторых случаях терминологическая синонимия и вариативность рассматриваются как тождественные явления [27; 28]. Ряд

исследователей считают вариативность более общим понятием, чем синонимия [3; 14; 29], сторонники другой точки зрения трактуют вариативность как явление более частное, чем синонимия [5; 7; 9; 26]. Есть мнение, что вариативность и синонимия – это явления, не связанные родовидовыми (гиперо-гипонимическими) отношениями, т.е. ни синонимия терминов не является частным случаем вариативности, ни вариативность не является частным случаем синонимии [21, с. 15].

В данной статье, вслед за К. Я. Авербухом и С. В. Гриневым, терминологическая вариативность рассматривается как частный случай терминологической синонимии и выделяются фонетико-графические, графические, словообразовательные и синтаксические варианты терминов.

Вопрос о терминологических вариантах представляется особенно важным для формирующихся терминологий, каковой является терминология подъязыка репродуктивного здоровья (РЗ). Исследование терминологии подъязыка РЗ английского, русского и белорусского языков позволило выявить терминологические варианты, функционирующие в данном подъязыке. Общее количество отобранных терминов (без учета аббревиатур) составило 2 330 англоязычных, 2 300 русскоязычных и 1 150 белорусскоязычных. Среди англоязычных терминов варианты выделены для 56 специальных номинаций, в русскоязычной терминологии подъязыка РЗ – для 49, в белорусскоязычной – для 71.

Так, в англоязычной терминологии были выявлены словообразовательные варианты, или однокоренные термины, имеющие разные аффиксы при совпадении значений (англ. – 2,49 % от всех отобранных англоязычных терминов: *coition/coitus* ‘половой акт’, *douche/douching* ‘вагинальное спринцевание’, *antenatal/prenatal* ‘антенатальный, начинается с момента образования зиготы и заканчивается началом родов’ и т.д.). Среди однокомпонентных терминов также выявлены варианты, обусловленные наращиванием (добавлением) или редукцией (англ. – 0,43 %: *chromoperturbation/chromotubation* ‘хромопертурбация, исследование проходимости маточных труб’, *falloposcopy/falloscopy* ‘фаллопоскопия’, *sonohysterogram/sonohystogram* ‘соногистерограмма, диагностическое исследование маточных труб’ и т.д.). Отмечены отдельные случаи синтаксических вариантов терминов, обусловленные наращиванием (добавлением) или редукцией в пределах многокомпонентного термина (англ. – 0,17 %: *placental lactogen/human placental lactogen* ‘человеческий плацентарный лактоген’, *recombinant follicle stimulating hormone/recombinant human follicle stimulating hormone* ‘рекомбинантный фолликулостимулирующий гормон человека’), перестановкой компонентов (англ. – 0,08 %: *infections of the upper reproductive tract/upper reproductive tract infections* ‘инфекции верхних отделов репродуктивного тракта’).

Среди англоязычных аббревиатур также выявлены терминологические варианты, обусловленные наращиванием (добавлением) или редукцией в соответствии с исходной формой терминов (англ. – 2,73 % от всех отобранных англоязычных инициальных аббревиатур: *EB/EMB* – *endometrial*

biopsy ‘биопсия эндометрия’, *R-FSH/R-HFSH* – *recombinant (human) follicle stimulating hormone* ‘рекомбинантный фолликулостимулирующий гормон (человека)’, *TEFNA/TFNA* – *testicular fine needle aspiration* ‘тонкоигольная аспирационная биопсия яичка’ и т.д.), перестановкой компонентов в пределах исходных терминов (англ. – 0,54 %: *IURT/URTI* – *infections of the upper reproductive tract/upper reproductive tract infections* ‘инфекции верхних отделов репродуктивного тракта’), различиями в графическом представлении терминов-аббревиатур (англ. – 6,03 %: *BHCG/BhCG/b-HCG/β-hCG* – *beta human chorionic gonadotropin* ‘бета-хорионический гонадотропин человека’, *PICSI/pICSI* – *physiological intracytoplasmic sperm injection* ‘физиологическая интрацитоплазматическая инъекция сперматозоида’ и т.д.).

В терминологии подязыка РЗ в русском и белорусском языках выявлены 1) словообразовательные варианты, обусловленные использованием разных аффиксов при совпадении значений (рус. – 2,1 % от всех отобранных русскоязычных терминов: *анорхизм/анорхия/анорхидизм, гиперандрогенизм/гиперандрогения, кесарево (сечение)/кесарское (сечение)*; белорус. – 5,04 % от всех отобранных белорусскоязычных терминов: *бісексуальнасць/бісексуалізм, бясплоднасць/бясплоддзе, вірылізацыя/вірылізм, трыхаманія/трыхаманоз* и т.д.), наращиванием (добавлением) или редукцией в пределах однокомпонентного термина (рус. – 0,47 %: *лейкоспермия/лейкоцитоспермия, олигоспермия/олигозооспермия, фаллопоскопия/фаллоскопия*; белорус. – 0,78 %: *дзетараджэнне/дзетанараджэнне, сперматацыт/спермацыт, яйцавод/яйцаправод* и т.д.); 2) фонетико-графические варианты, т.е. фонетические варианты, находящие отражение в орфографии (рус. – 0,3 %: *абляция (эндометрия)/абляция (эндометрия), овогоний/оогоний, ооцит/овоцит*; белорус. – 1,56 %: *аацыт/авацыт, аднэксiт/аднексiт, сасок/сысок* и т.д.). Функционирование в русско- и белорусскоязычной терминологиях фонетико-графических вариантов обусловлено заимствованием терминов из англоязычной терминологии подязыка РЗ, а в белорусскоязычной терминологии – и из русскоязычной.

Среди многокомпонентных терминов в русском и белорусском языках выделены разноструктурные варианты терминов (синтаксические варианты), обусловленные перестановкой и объединением (сращением) компонентов (рус. – 1,48 %: *вирус папилломы человека/папилломавирус человека, гормонозаместительная терапия/заместительная гормонотерапия, хориональный гонадотропин/хориогонадотропин*; белорус. – 1,04 %: *вагінальная атрафія/вагініт атрафічны, замяшчальная гарманальная тэрапія/замяшчальная гармонатэрапія, кармленне грудзьмі/грудное кармленне* и т.д.). При этом в русско- и белорусскоязычной терминологиях подязыка РЗ варианты многокомпонентных терминов встречаются значительно чаще по сравнению с английским языком, что объясняется свободным порядком слов русского и белорусского языков и наличием в них большего количества флексий.

Среди русскоязычных терминов-аббревиатур также выявлены варианты, обусловленные наращиванием (добавлением) или редукцией в соответствии

с исходной формой терминов (рус. – 6,42 % от всех отобранных русскоязычных инициальных аббревиатур: *БТ/БТТ* – базальная температура/базальная температура тела, *ВЗОМТ/ВЗОТ* – воспалительные заболевания органов (малого) таза, *ИИД/ИИСД* – искусственная инсеминация спермой донора, *КИ/КПИ* – кариотипический индекс и т.д.), перестановкой компонентов в пределах исходных терминов (рус. – 3,07 %: *ГЗТ/ЗГТ* ‘гормонозаместительная терапия/заместительная гормонотерапия’, *СВСМ/СВМС* – синдром внезапной смерти младенца/синдром внезапной младенческой смерти, *ЧМГ/МГЧ* – человеческий менопаузальный гонадотропин/менопаузальный гонадотропин человека и т.д.), различиями в графическом представлении терминов-аббревиатур (рус. – 3,07 %: *АФП/α-ФП/αФП* – альфа-фетопротеин, *КС/Кс* – коэффициент смертности, *рФСГ/р-ФСГ* – рекомбинантный фолликулостимулирующий гормон). Существование ряда вариантов многокомпонентных терминов-аббревиатур обусловлено синтаксической вариативностью компонентов исходных многокомпонентных терминов.

В русскоязычной терминологии выявлены варианты терминов-аббревиатур, заимствованных путем практической транскрипции или транслитерации из английского языка (рус. – 3,07 % от всех отобранных русскоязычных инициальных аббревиатур: *МЕСА/МЕЗА* ‘аспирация спермы из придатка семенника’, *ПЕСА/ПЕЗА* ‘чрескожная аспирация сперматозоидов придатка яичка’, *ТЕЗЕ/ТЕСЕ* ‘экстракция сперматозоидов из ткани яичка’ и т.д.). Существование таких вариантов обусловлено непоследовательностью передачи иноязычных заимствований (практическая транскрипция/транслитерация). Среди белорусскоязычных терминов, образованных путем аббревиации, терминологических вариантов не выявлено.

В целом, терминологическую вариативность рассматривают как частный случай общезыковой вариативности, которая проявляется на лексикоминимативном и семантическом уровнях языковой системы [29, с. 39]. Терминологическая вариативность неизбежно подчеркивает тот факт, что системы понятий и дефиниции не являются статичными [30, р. 14–15]. Вариативность особенно характерна для новых терминологий, находящихся в стадии формирования. Пределы варьирования термина определяют система понятий, терминосистема и текст, в котором термин функционирует [3, с. 189].

Вариативность в терминологии подязыка РЗ, как показало исследование на терминологическом материале трех языков, отражает незаконченность процесса формирования данной терминологии, что является вполне закономерным для формирующихся терминологий и терминосистем. Межъязыковые количественные и качественные различия и особенности терминологической вариативности обусловлены типологическими особенностями исследуемых языков и степенью сформированности терминологии в подязыке РЗ каждого из языков. На этапе формирования терминологии целесообразным представляется включение всех функционирующих

в подязыке РЗ терминологических номинаций в инвентаризирующие словари и глоссарии. В условиях разнообразия мнений и подходов дальнейшая разработка вопроса терминологической вариативности на терминологическом материале различных терминологий и терминосистем, в особенности формирующихся, представляется важной и актуальной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солнцев, В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания. – М., 1984. – С. 31–42.
2. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики / Д. С. Лотте. – М. : АН СССР, 1961. – 158 с.
3. Лейчик, В. М. Терминоведение : предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – 4-е изд. – М. : Либроком, 2009. – 256 с.
4. Лейчик, В. М. Особенности функционирования терминов в тексте / В. М. Лейчик // Филол. науки. – 1990. – № 3. – С. 80–87.
5. Авербух, К. Я. Общая теория термина / К. Я. Авербух. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. – 252 с.
6. Авербух, К. Я. Общая теория термина: комплексно-вариологический подход : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / К. Я. Авербух ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2005. – 31 с.
7. Авербух, К. Я. Терминологическая вариативность: теоретический и прикладной аспекты / К. Я. Авербух // Вопр. языкознания. – 1986. – № 6. – С. 38–49.
8. Bowker, L. Variation in the organisation of medical terms. Exploring some motivations for term choice / L. Bowker, S. Hawkins // Terminology. – 2006. – Vol. 12, iss. 1. – P. 79–110.
9. Гринев-Гриневиц, С. В. Введение в терминографию: как просто и легко составить словарь : учеб. пособие / С. В. Гринев-Гриневиц. – 3-е изд., доп. – М. : Либроком, 2009. – 224 с.
10. Dubuc, R. Terminology: A Practical Approach / R. Dubuc. – Brossard, Quebec : Linguatex, 1997. – 196 p.
11. Daille, B. Variations and application-oriented terminology engineering / B. Daille // Terminology. – 2005. – Vol. 11, iss. 1. – P. 181–197.
12. Empirical observation of term variations and principles for their description / B. Daille [et al.] // Terminology. – 1996. – Vol. 3, iss. 2. – P. 197–258.
13. Kerremans, K. Dealing with terminological variation in Terminography: examples from the “PoCeHRMOM” project / K. Kerremans, P. De Baer, R. Temmerman // Proceedings of the XVIth European Symposium on Language for Special Purposes (LSP), the XVIth European Symposium on Language for Special Purposes (LSP). – Hamburg, 2007. – P. 27–31.
14. Лейчик, В. М. Термины-синонимы, дублеты, эквиваленты, варианты / В. М. Лейчик // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования : сб. науч. тр. – Новосибирск, 1973. – Вып. 2. – С. 103–107.

15. Сложеникина, Ю. В. Классификации терминологических вариантов / Ю. В. Сложеникина // Язык. Словесность. Культура. – 2015. – № 4–5. – С. 51–71.
16. Татаринов, В. А. Лексико-семантическое варьирование терминологических единиц и проблемы терминографии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В. А. Татаринов ; Моск. гос. ун-т. – М., 1988. – 24 с.
17. Temmerman, R. Terminology, situatedness and variation / R. Temmerman, K. Kerremans // Kunnskap og Fagkommunikasjon (Nordterm 15) / ed. J. Hoel. – Oslo : Kursiv Media ASS, 2008. – P. 13–22.
18. Fernández-Silva, S. A proposed method for analysing the dynamics of cognition through term variation / S. Fernández-Silva, J. Freixa, M. T. Cabré // Terminology. – 2011. – Vol. 17, iss. 1. – P. 49–73.
19. Freixa, J. Causes of denominative variation in terminology. A typology proposal / J. Freixa // Terminology. – 2006. – Vol. 12, iss. 1. – P. 51–77.
20. Шелов, С. Д. О парадигматических отношениях в терминологии: вариативность и синонимия / С. Д. Шелов, А. Э. Цумарев // Язык. Культура. Речевое общение. – 2013. – № 2. – С. 42–59.
21. Шелов, С. Д. О вариативности и синонимии в терминологии / С. Д. Шелов // Изв. Рос. акад. наук. Сер. лит. и яз. – 2014. – Т. 73, № 5. – С. 3–17.
22. Шелов, С. Д. Еще раз о вариативности терминов: Термины-словосочетания – особый случай? / С. Д. Шелов // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина) : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. – Н. Новгород, 2016. – С. 532–542.
23. Шелов, С. Д. О синтаксической вариативности терминов / С. Д. Шелов // Терминология и знание : материалы V Междунар. симпоз. – М., 2017. – С. 90–101.
24. Шелов, С. Д. Основные проблемы терминоведения : некоторые итоги / С. Д. Шелов // Труды Ин-та рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М., 2017. – Вып. 13. – С. 176–183.
25. Таран, А. Конкурування номінацій у сучасній українській літературній мові: тенденції стабілізації нової лексики / А. Таран. – Черкаси : вид. Чабаненко Ю., 2011. – 232 с.
26. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М. : Моск. лицей, 1993. – 309 с.
27. Даниленко, В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов / В. П. Даниленко // Исследования по русской терминологии : сб. ст. / ред. В. П. Даниленко. – М., 1971. – С. 7–67.
28. Даниленко, В. П. Русская терминология : Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 246 с.
29. Пристайко, Т. С. Очерки по русской терминологии экономики и права / Т. С. Пристайко, Е. А. Конопелькина, Э. В. Неженец ; под общ. ред. Т. С. Пристайко. – Днепропетровск : Нова ідеологія, 2011. – 304 с.

30. *Faber, P. Terminology and Specialized Language / P. Faber, C. I. López Rodríguez // A Cognitive Linguistics View of Terminology and Specialized Language / ed. P. Faber. – Berlin ; Boston, 2012. – P. 9–31.*

The completed study of terminological material in three languages revealed phonetics-graphical, graphical, derivational, and syntactical variants of terms functioning in Reproductive Health (RH) terminology of the English, Russian and Belarusian languages. The variability in RH terminology reflects the incompleteness of RH terminology formation, which is quite natural for the emerging terminologies and terminological systems. Interlanguage quantitative and qualitative differences and peculiarities of terminological variability are mediated by typological features of the languages and the degree of RH terminology formation in each language under study.

Поступила в редакцию 03.01.2020

А. Н. Столярова

О ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ И СТРУКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГЛАГОЛЬНЫХ НЕОФРАЗЕМ

Частеречная классификация фразеологизмов рассматривается многими авторами, но в отношении неофразеологии данный вопрос изучен недостаточно, что обусловлено новизной материала. В статье описана методика соотнесения неофразем с частями речи, на основе которой выделена группа глагольных неофразем. Проявление в неофраземах категорий времени, лица, вида, наклонения проанализировано с опорой на иллюстративный материал, отобранный из современных СМИ. Изучена структурная организация неофразем, выявлены и охарактеризованы ее основные типы.

Фразеологизм – сложная единица, характеризующаяся двуплановостью: с одной стороны, это составная структура, состоящая из компонентов словного характера, с другой стороны, она является единым целым и уподобляется слову по своим семантическим, морфологическим и синтаксическим особенностям. Это делает возможным соотнесение фразеологизма с частями речи. Разработкой данного вопроса на материале разных языков занимались многие лингвисты, среди которых Н.М. Шанский, А. В. Кунин, Н. Ф. Алефиренко, В. П. Жуков, Т. З. Черданцева, А. М. Чепасова, А. М. Эмирова, И. Я. Лепешев и др.

Исследователь Н. М. Шанский [1] предлагает при отнесении фразеологической единицы (ФЕ) к части речи учитывать характер стержневого компонента фразеологизма и его синтаксическую функцию. С учетом этого он выделяет 7 групп фразеологизмов: глагольные, субстантивные, наречные, адъективные, междометные, модальные и союзные. Ученый подчеркивает, что наличие у ФЕ присущих той или иной части речи форм зависит от степени семантической слитности фразеологизма: «наблюдается минимальная изменяемость во фразеологических сращениях и максимальная в сочетаниях и выражениях» [1, с. 54].

Филолог В. П. Жуков [2] считает необходимым учитывать 4 основных критерия: способ выражения грамматически господствующего компонента, синтаксическую функцию, семантические особенности и сочетательные способности фразеологизма. Он говорит о необходимости использования метода развернутых избыточных толкований, «с помощью которых определяется мера сближения фразеологизма с той или иной частью речи. При этом объяснительная часть подвергается тщательной лингвистической обработке» [Так же, с. 263]. Ученым выделяются следующие разряды: глагольные, наречные, субстантивные, адъективные, междометные, категории состояния и ФЕ, употребляющиеся в значении вводных слов и сочетаний. В. П. Жуков упоминает и о возможной категориальной полисемии, когда один и тот же фразеологизм может быть соотнесен с несколькими частями речи.

Существующие противоречия в частеречной классификации фразеологизмов (неодинаковое количество выделяемых классов, различные критерии классификации, невозможность классифицировать отдельные фразеологизмы, явление категориальной полисемии) приводят к тому, что не все исследователи признают данный подход. Так, например, А. М. Эмирова считает, что «традиционная классификация частей речи на материале фразеологии «не работает»: она не способна корректно и непротиворечиво верифицировать такой языковой материал» [3, с. 211]. Используя коммуникативно-прагматический подход, исследователь выделяет идентифицирующие, предикатные (признаковые) и собственно прагматические ФЕ. Однако, характеризуя данные классы, ученый так или иначе пользуется традиционной классификацией: к идентифицирующим, например, она относит субстантивные фразеологизмы, а к собственно прагматическим – модальные и междометные.

Что очевидно, вопрос о возможности соотнесения фразеологических единиц с частями речи на материале традиционной фразеологии является хорошо разработанным. Представляет интерес исследование новой фразеологии в данном направлении, в частности, нас интересуют глагольные неофраземы как наиболее морфологически подвижные.

Неофраземы как новые единицы, возникающие при памяти живущего поколения, характеризуются мотивированностью и выводимостью значения, поэтому мы рассматриваем объем неофразеологии в широком ее понимании и относим к ней единицы, обладающие следующими признаками: раздельнооформленность, номинативный характер, семантическая целостность и семантическая осложненность. При этом для наиболее полного охвата вновь возникающих единиц мы считаем возможным отнесение к неофразеологии сочетаний, не обладающих необходимым уровнем устойчивости и воспроизводимости, еще полностью не прошедших процесс фразеологизации. Такие единицы мы рассматриваем как явления фразеологической переходности.

Источником материала для исследования послужили публикации белорусских электронных СМИ – использовались ресурсы Издательского дома «Беларусь сегодня» (газеты «СБ. Беларусь сегодня», «Знамя юности», «Сельская газета», «Народная газета»), сайты tut.by (ТБ), onliner.by (ОБ).

Наша цель – выявить, описать и проанализировать характерные свойства глагольных неофразем. Для этого будем исходить из того, что основное значение глагола – действие, процесс, состояние; основные категориальные признаки – время, вид, наклонение, лицо; характерная функция в предложении – сказуемое, хотя инфинитив может быть любым членом предложения.

Рассмотрим проявление категориальных глагольных признаков неофраземы в предложении:

В этой ситуации только сильный мог остановить конфликт, найти компромисс, а не загонять стрелку тахометра в красную зону, доводя ситуацию до абсурда (ОБ, 24.05.2018).

Во-первых, неофразема имеет характерное для глаголов значение процессуальности ('доводить состояние дел до критического'). Во-вторых, ключевой грамматический компонент неофраземы «загонять» является глаголом и характеризуется свойствами данной части речи категориями. Следовательно, и вся неофразема как составная единица с целостным значением приобретает глагольные категории времени, наклонения, вида, лица и др. В приведенном примере неофразема употребляется в начальной форме, однако вполне возможно варьирование форм ее времени (*загоняю/загнал/загону стрелку тахометра в красную зону*), вида (*загонять/загнать стрелку тахометра в красную зону*), лица (*я загоняю/ты загоняешь/он загоняет* и т.д. *стрелку тахометра в красную зону*), рода (*он загнал/она загнала/оно загнало стрелку тахометра в красную зону*). Кроме изъявительного наклонения, неофразема может быть употреблена в форме повелительного (*Не загоняй стрелку тахометра в красную зону!*) или условного (*Он не загнал бы стрелку тахометра в красную зону, если бы смог сдержаться*) наклонений. В-третьих, синтаксическая функция неофраземы (часть составного глагольного сказуемого) также является типичной для глагола. Таким образом, по совокупности особенностей значения, грамматических и синтаксических функций представляется возможным говорить о соотношении неофраземы с глаголом.

Опираясь на описанные выше критерии, мы проанализировали новые фразеологические единицы русского языка из собственной картотеки. В результате было выявлено, что 36 % неофразем являются глагольными и по численности они уступают лишь неофраземам, соотносимым с существительными (58 %). Следует отметить, что в классической фразеологии, наоборот, глагольные фразеологизмы преобладают над субстантивными [4; 5; 6].

Подавляющее количество глагольных неофразем (86 %) описывают действия и процессы (*бить в рельс, есть кактус, открыть личико, очистить*

историю), в то время как лишь 17 % характеризуют разного рода состояния. «В категории глаголов основным значением, конечно, является только действие, а вовсе не состояние», – подтверждает Л. В. Щерба [7, с. 91].

*Да, одна из причин – партнер не заинтересован в сохранении отношений. И он, возможно, уже **держит ногу в дверях*** (ОБ, 18.05.2018) (состояние, описывающее готовность изменить сложившуюся ситуацию).

*Свидетели не подтвердили ни одного факта, – сказал еще один его друг. – Человек **попал под волну*** (ТБ, 15.02.2019) (оказался заложником обстоятельств).

Интересно, что в качестве свободных сочетаний данные фраземы (*держать ногу в дверях, упасть под волну*) обозначают действия, а в процессе метафоризации их денотативные семы деактуализируются, и на первый план выходят коннотативные семы, в результате чего изменяется и общее значение рассматриваемых сочетаний (действие → состояние).

Категория лица позволяет назвать деятеля действия или того, кто переживает определенное состояние, причем упоминание самого деятеля не является необходимым, поскольку может акцентироваться лишь с помощью окончаний. Сравним:

*Не то чтобы все те, кто был чуть краше обезьяны, станут андрогинами, но наверняка же как-то **вольтуются в тренды*** (СБ, 17.05.2019).

***Вбиваем** поисковый запрос...* (СБ, 09.02.2019).

Если в первом случае субъект действия назван и форма глагола (3-е лицо, множественное число) согласуется с ним, то во втором случае субъект может быть определен по окончании глагола (форма 1-го лица множественного числа). Отсутствие в предложении указания на деятеля не затрудняет понимания значения фраземы.

Большинство неофразем из нашей картотеки имеет все личные формы, однако есть и те, которые в силу специфики своих компонентов или общего значения не употребляются в некоторых формах.

Так, неофраземы английского происхождения *фиксить баги* (*fix the bugs*), *серфить в Интернете* (*surf the net*) содержат глаголы-варваризмы, употребление которых в форме 1-го лица единственного числа вряд ли приемлемо в литературном русском языке. Неофразема *идти через лунку жизни* также не используется в данной форме, что обусловлено ее семантикой. Сам говорящий не может выполнить это действие, наиболее типичный субъект в данном случае – существительное в форме 3-го лица:

*...однако это рыночное отношение и этот новый формат не **идет через «лунку» жизни*** (СБ, 02.12.2018).

Категория вида характерна для всех неофразем независимо от их формы. Видовое значение описывает развитие действия во времени как ограниченное или не ограниченное каким-то пределом, причем принадлежит не одному глаголу, а всей фраземе как единому целому. Следует учитывать, что «видовое формообразование фразем регулируется не столько видовой парадигмой грамматически стержневого глагольного компонента, сколько

характером фразеологического значения, так как вид вообще, будучи общеглагольной категорией, тесно связан с семантикой» [8, с. 135]. Поэтому часто встречаются случаи, когда глагол, употребляясь отдельно, обладает способностью к образованию видовых пар, однако в составе фраземы является одновидовым. Так, неофраземы *вести блог*, *видеть края*, *есть кактус* имеют форму только несовершенного вида и обозначают процесс, не имеющий временного предела, однако попытки образовать совершенную форму неизбежно приводят к распаду фразеологического значения и образованию свободных словосочетаний.

В ходе анализа собранного материала было выявлено, что 56 % неофразем образуют видовые пары:

В этой ситуации у болельщиков, конечно, возникает законное и понятное желание «проголосовать ногами и глазами»... (СБ, 26.10.2018).

Традиции соединились с новаторством, и зритель «голосует ногами», выбирая, что смотреть (СБ, 11.12.2018).

Для образования видовых пар используются следующие способы:

1) префиксальный – *ставить/поставить на рельсы*, *рвать/порвать атмосферу*, *крутить/прокрутить ленту*;

2) суффиксальный – *ослаблять/ослабить возжси*, *открыть/открывать личико*, *отправить/отправлять в бан*;

3) супплетивный – *ловить/поймать хайп*, *уйти/уходить в поля*.

Одинаковое количество неофразем (по 22 %) являются одновидовыми, т.е. не образуют пар, употребляясь в форме только одного вида.

Все неофраземы, которые используются только в форме несовершенного вида, обозначают процессы или состояния, не имеющие точного временного периода действия: *бить в рельс*, *бить по хвостам*, *гонять пустые бочки*, *носить диван на плечах*, *держат ногу в дверях* и др.

Неофраземы, имеющие только форму совершенного вида, напротив, обычно указывают на начало или конец, результат действия, на его единичность и акцентируют изменения в описываемой ситуации.

Категория времени тесно взаимосвязана с категорией вида. Глагольные компоненты несовершенного вида могут употребляться в настоящем, прошедшем и будущем времени, тогда как компоненты совершенного вида имеют формы только двух времен – прошедшего и будущего.

А все события и решения последних лет в сфере школьного образования – это «вопросы мнимой важности... общественность гоняет пустые бочки»? (СБ, 22.01.2018) (настоящее время);

До 17 лет я жил обычной спокойной жизнью в Слониме, а потом переключил рубильник (ОБ, 20.04.2019) (прошедшее время);

Затем все попробуют и поставят «лайки» (СБ, 08.09.2016) (будущее время).

Возможность употребления временных форм зависит не только от вида глагола, но и от «способности значительной части фразеологизмов передавать значение качественной характеристики лица или предмета. С усиле-

нием оценочного значения ослабляется значение вида и времени, без которых немислимо понятие глагольности» [9, с. 40]. Так, неофраземы *есть кактус, затереть пятно на ковре, тушить пожар бензином* имеют выраженное оценочное значение, характеризуются образностью и экспрессивностью. Эти свойства оказывают влияние на временную парадигму данных неофразем: глагольные компоненты несовершенного вида в них не имеют форм будущего и прошедшего времени. А в настоящем времени эти образные выражения не столько описывают действия в широком смысле, сколько дают им характеристику и передают их оценку говорящим.

Категория наклонения описывает, как действие соотносится с действительностью. Оно может быть реальным (изъявительное наклонение), желательным, возможным (условное наклонение), побуждать к чему-либо (повелительное наклонение).

Преимущественное большинство рассматриваемых нами неофразем употреблены в форме изъявительного наклонения в настоящем, прошедшем и будущем времени. Была выявлена одна неофразама в повелительном наклонении (*Выпусти своего волка*). «В целом, возможности использования формы повелительного наклонения очень ограничены, и это объясняется прежде всего тем, что большинство глагольных фразеологизмов качественно характеризует во временных формах лицо или предмет, а повелительное наклонение не имеет форм времени и несовместимо с качественной характеристикой» [6, с. 125]. Форм условного наклонения обнаружено не было.

Теоретически, семантика основной массы неофразем допускает использование их в любом наклонении (*Не сиди в соцсетях! Отправь его в бан! Я бы почистил историю, если бы умел*), однако, как показывает материал исследования, формы условного и повелительного наклонений не являются широко востребованными. Данные факты свидетельствуют о том, что целью образования новых фразеологических единиц и их дальнейшей фразеологизации является отражение объективно существующей реальности.

С точки зрения структурной организации все глагольные неофраземы подразделяются на 3 неравнозначные группы:

- 1) глагол + существительное;
- 2) глагол + предлог + существительное;
- 3) глагол + наречие.

Первая группа является наиболее многочисленной (54 % от общего числа неофразем). В ее составе преобладают неофраземы типа «глагол + существительное в винительном падеже» (96 %): *срывать стоп-кран, срубить профит, крутить ленту*, т.е. сочетания с переходным глаголом.

Ко второй группе (44 % от общего числа неофразем) относятся как непереходные (*выходить из пике, сёрфить в Интернете, попасть под волну*), так и косвенно-переходные глаголы, дополнение при которых может употребляться с предлогом: *бить по хвостам, бить в рельс, удалять из друзей*.

Если компоненты неофразем первых двух групп связаны с помощью глагольного управления, то в третьей группе используется другой вид подчинительной связи – примыкание. Данный способ образования фразеологических сочетаний не является продуктивным, лишь 2 % от общего числа неофразем образованы с его помощью.

Во всех рассматриваемых неофразах глагол употребляется препозитивно, с остальными компонентами в постпозиции.

Структура простого словосочетания с двумя знаменательными словами-компонентами является преобладающей (79 % неофразем).

В результате анализа новых ФЕ из авторской картотеки было выявлено, что неофраземы, соотносимые с глаголом, являются второй по численности группой после субстантивных неофразем. Это объясняется бурным ростом технологий и необходимостью, в первую очередь, экспрессивно-оценочного названия новых явлений действительности, поэтому наименование действий отходит на второй план. Давая общую характеристику глагольных неофразем на основе полученных результатов, можно описать их наиболее распространенный тип. С точки зрения структуры, это сочетание «глагол + (предлог) + существительное», образованное на основе глагольного управления, где глагол является переходным, а существительное употребляется в винительном падеже. В плане формообразования это ФЕ с полной парадигмой, образующие видовые пары, употребляющиеся во всех временах, преимущественно в изъявительном наклонении. Неполная парадигма некоторой части неофразем обусловлена их семантическими особенностями, в частности ролью оценочного компонента значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шанский, Н. М.* Фразеология современного русского языка: учеб. пособие / Н. М. Шанский. – 4-е изд., испр. и доп. – СПб.: Специальная литература, 1996. – 192 с.
2. *Жуков, В. П.* Русская фразеология: учеб. пособие / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 2006. – 408 с.
3. *Эмирова, А. М.* Избранные научные работы / А. М. Эмирова. – Симферополь: КРП Издательство «Крымучпедгиз», 2008. – 366 с.
4. *Жуков, В. П.* Формоизменение фразеологизмов русского языка [Электронный ресурс] / В. П. Жуков. – Режим доступа : <https://mirznanii.com/a/269676-2/formoizmenenie-frazeologizmov-russkogo-yazyka-2>. – Дата доступа : 23.11.2019.
5. *Туаева, Л. А.* Анализ глагольных фразеологических единиц русского, английского и осетинского языков в структурно-грамматическом аспекте [Электронный ресурс] / Л. А. Туаева, Ф. А. Абаева // Nauka-rastudent.ru: электрон. науч.-практ. журнал. – Режим доступа : <http://nauka-rastudent.ru/23/3009>. – Дата доступа : 02.12.2019.
6. *Лепешаў, І. Я.* Фразеалогія сучаснай беларускай мовы: вучэб. дапам. для філал. фак. ВНУ / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 271 с.

7. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
8. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология: учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М. : Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
9. Современный русский язык: практ. пособие / Е. В. Бегаева [и др.]. – М. : Экзамен, 2005. – 228 с.

The article discusses verbal neophrasemes in terms of their lexical-grammatical and structural peculiarities. It is shown that most neophrasemes have a full grammatical paradigm and the realization of categories of tense, aspect, mood, person is dependent on their semantic properties. The research findings identify the most widespread structural type of verbal neophrasemes, which is a combination of a transitive verb and a noun in the accusative case.

Поступила в редакцию 22.01.2020

О. Н. Жизневская

ОТРАЖЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ ОТЦА В СМИ БЕЛАРУСИ

В статье анализируются структурно-грамматические (словообразовательные возможности, сочетаемость) и семантические (явления смыслового сближения и противопоставления) особенности номинаций, репрезентирующих стереотип отца в средствах массовой информации Беларуси. Выявляются новые (относительно традиционных, кодифицированных в языке) характеристики в профиле стереотипа, а также экстралингвистические факторы, влияющие на его обновление.

Преобразования, которые произошли и продолжают происходить в белорусском обществе, привели к переосмыслению отцовства и роли отца в жизни семьи и ребенка, что находит отражение в первую очередь в СМИ. Перераспределение традиционных семейных ролей, развитие вспомогательных репродуктивных технологий, появление института замещающей семьи – эти и другие факторы оказали существенное влияние на изменения традиционного стереотипа отца.

Уточним, что под стереотипом (языковым стереотипом), вслед за польским лингвистом Е. Бартминьским, мы понимаем представление, сформировавшееся в рамках определенного коллективного опыта и определяющее то, что этот предмет собой представляет, как выглядит, действует, как воспринимается человеком. Это представление воплощается личностью в языке, доступно через язык и принадлежит коллективному знанию о мире. Языковой стереотип и языковая картина мира соотносятся как часть и целое [1]. Так, профиль (образ, портрет) традиционного стереотипа отца в белорусской языковой картине мира, реконструированный на основе лексикографических данных (этимология слова; словарные дефиниции; словообразовательные и семантические дериваты и метафоры; фразеологизмы; пословицы;

народные сравнения), представляет собой совокупность биологического, социального и социально-психологического, психологического и морально-нравственного аспектов. Профиль стереотипа отца состоит из 7 фасет, включающих 31 характеристику. Биологический аспект – «пол»: лицо мужского пола; «рождение ребенка»: передает генетический материал ребенку; передает ребенку (чаще сыну) свои черты. Социальный и социально-психологический аспект – «положение в группе»: занимает главную позицию в группе; пользуется авторитетом; добытчик и кормилец; защитник; главный советчик и «высший дисциплинатор»; «действия и чувства отца по отношению к ребенку»: воспитывает ребенка; преимущество функции воспитания над рождением; заботится о материальном обеспечении ребенка; бьет и наказывает ребенка для его блага; любит ребенка; имеет менее тесную эмоциональную связь с ребенком, чем мать; «действия и чувства ребенка по отношению к отцу»: играет важную роль в жизни ребенка; к отцу относятся сердечно, любят; его уважают; им гордятся; им дорожат; ему подражают; ему подчиняются; о нем заботятся; особое отношение к тому, что достается от отца. Психологический и морально-нравственный аспект – «интеллектуальная характеристика»: мудрый; «особенности характера и поведения, нравственные качества»: строгий; требовательный; суровый; сдержан в чувствах; заботливый; ласковый; добрый. Стереотип характеризуется позитивной оценкой, в паремиях отмечается сакрализация образа отца [2].

Цель данной статьи – выявить на материале русско- и белорусскоязычных текстов средств массовой информации Беларуси новые характеристики в составе языкового стереотипа отца относительно традиционных, кодифицированных в белорусском языке. Эмпирической базой послужили публикации на семейную тематику, относящиеся к периоду 2003–2019 гг., в газетах «СБ. Беларусь сегодня», «Комсомольская правда в Беларуси», «Звезда», «Наша Ніва», «Народная газета», «Рэгіянальная газета», «Рэспубліка», а также на интернет-порталах TUT.BY, Mamochki.by, Rebenok.by. Из 1 730 текстов СМИ было извлечено 244 номинации, репрезентирующие стереотип отца (русскоязычных – 166, белорусскоязычных – 58).

Анализ структурно-грамматических (словообразовательные возможности, сочетаемость) и семантических (явления смыслового сближения и противопоставления) особенностей номинаций, репрезентирующих стереотип отца в СМИ, позволил выявить новые характеристики в исследуемом стереотипе.

С точки зрения структуры данные номинации представляют собой однословные (*слингопапа, донар*), двухсловные и многословные именованья (*папа отложенного действия, «заказаны» на некалькі гадзін «бацька»*). Доминирующими в количественном отношении (76 % русскоязычных и 71 % белорусскоязычных) являются двухсловные номинации (*фактический отец, «пазашлюбны» тата*). Преобладание данного типа номинаций отца в текстах СМИ свидетельствует о том, что категоризация становится все более тонкой,

в результате чего требуется детализация, конкретизация, уточнение, пояснение базового имени (*отец / бацька*), на основе которого возникают атрибутивные сочетания.

В текстах СМИ наблюдается расширение типовой сочетаемости лексем *отец, папа / бацька, тата*, что подтверждает появление новых характеристик в современном стереотипе отца. Большая часть исследуемых единиц – двухсловные атрибутивные словосочетания, которые представлены следующими конструкциями: 1) «прилагательное + существительное» (56 % от общего числа русскоязычных бивербов и 54 % от общего количества белорусскоязычных бивербов): *анонимный «отец», «беременный папа»; кананны тата* и др.; 2) «существительное + существительное (приложение)» (28 и 27 % соответственно): *«кукушонок-папа», отец-одиночка; тата-мама* и др.; 3) «существительное + предлог + существительное» (5,5 и 13 %): *папа в декрете, отец по принуждению; бацька па выкліку* и др.

Таким образом, в количественном отношении доминируют двухсловные атрибутивные сочетания, построенные в большинстве случаев по моделям «прилагательное + существительное», «существительное + существительное (приложение)» и обладающие большим потенциалом для выражения новых характеристик в исследуемом стереотипе.

Атрибутивные словосочетания, выявленные в СМИ, свидетельствуют как о расширении, дополнении в ряду уже существующих в стереотипе характеристик, так и о появлении новых, не зафиксированных ранее. В исследуемых контекстах согласованные и несогласованные определения описывают отца с разных сторон и содержат характеристики, которые могут быть распределены по трем основным аспектам.

I. Биологический аспект: 1) биологическая функция: *генетический / генетычны*; 2) способ зачатия ребенка: *«пробирочный» папа, «суррогатный» отец, анонимный «отец»; 3) возраст: зрелый, поздний, несовершеннолетний; 4) наличие пагубных привычек и пристрастий: отец-алкоголик / бацька-алкаголік, отец-наркоман / бацька-наркаман; 5) гендерная самоидентификация: «папа»-транссексуал.*

II. Социальный и социально-психологический аспект: 1) социальная функция: *родитель-воспитатель / бацька-выхавальнік, приемный отец / прыёмны бацька; 2) исполнение отцовских обязанностей: формальный отец, нерадивый отец, недисциплинированный отец, сбежавший отец, папа-«кукушка», отец по принуждению, папа-супергерой; 3) опыт: опытный, бывалый, начинающий; 4) количество детей: многодетный отец / шматдзетны бацька, малодетный отец; 5) отношение ко времени: «воскресный» папа / «нядзельны тата», папа навсегда; тата на гадзіну; 6) функция, назначение: функциональный отец, «папа-банкомат»; 7) наличие правонарушений: отец-уклонист, папа-педофил / бацька-педафіл; 8) правовые отношения с матерью ребенка: разведенный отец, отец-одиночка / бацька-адзіночка; 9) правовые отношения с ребенком: юридический отец, фактический отец, внебрачный папа / «пазашлюбны» тата, «ложный» отец; 10) заслуги перед обществом: отец-герой.*

III. Психологический и морально-нравственный аспект: особенности характера и поведения, нравственные качества: *авторитарный отец, папа-диктатор, «папа-мама» / тата-мама, незрелый папа, мягкий отец.*

В медиатекстах зафиксировано большое число новообразований с компонентами *отец / бацька* и *папа / тата*, свидетельствующих о расширении содержания стереотипа отца. Большая часть из них – существительные, образованные путем сложения (*слингопапа, горе-папа, бизнес-папа / бізнес-тата* и др.); единичные номинации образованы путем аббревиации (*инста-папа*), контаминации (*манулечка*). Интересной с точки зрения словообразования является номинация отца, который много работает и постоянно занят – «*папа-который-всегда-работает*». Она образована способом сращения (слияния) на базе предложения.

Высокой продуктивностью при образовании номинаций отца в текстах СМИ характеризуются приставки со следующими значениями: 1) противоположности, отрицания: *неотец*; 2) неполноты признака по сравнению с нормой: *недоотец*; 3) неистинности, ложности: *псевдоотец*; 4) высокой степени того, что названо производящей основой: *суперпапа*.

Показательно, что при наименовании отца более активны префиксы, выражающие негативное значение, что, с одной стороны, актуализирует новые – негативные – смыслы в стереотипе современного отца, с другой – свидетельствует об устойчивости традиционных представлений об отце. Так, употребление синонимичных лексем *неотец, псевдоотец* в значении ‘человек, который уклоняется от исполнения отцовских обязанностей’, а также слова *недоотец* в значении ‘отец, который не принимает активного участия в воспитании ребенка’ подразумевает, что отец (настоящий отец) не ведет себя подобным образом по отношению к собственному ребенку.

Среди номинаций отца в исследуемом материале выявлено большое число сходных по смыслу. Приведем самые многочисленные синонимические ряды.

1. Номинации отца, уклоняющегося от уплаты алиментов: *отец-алиментщик, недисциплинированный отец, отец-уклонист, папаша-беглец, папа с долговым хвостом, «мастер» алиментного жанра / бацька-аліментшык, аліментшык, злосны аліментшык, аліментшык са ста-жам* и др. Увеличение числа разводов в современном белорусском обществе, недобросовестное отношение отцов к исполнению своих родительских обязанностей, в том числе и после развода с матерью ребенка, обусловило появление новой характеристики – «уклоняется от уплаты алиментов на ребенка».

2. Номинации мужчины, сдающего свою семенную жидкость за денежное вознаграждение для использования ее впоследствии в репродуктивных целях: *донор половых клеток, донор генетического материала, анонимный отец, «пробирочный» папа / донар палавых клетак, донар сперматазоідаў, ананімны донар* и др. Появление данных выражений свидетельствует об

уточнении и дополнении традиционной биологической характеристики отца «передает генетический материал ребенку» – «анонимно передает генетический материал ребенку на платной основе».

3. Номинации отца, находящегося в декретном отпуске: *отец в декретном отпуске, папа в декрете, «декретный папа», отец-нянька, «усатый нянь», усатый мам, «мама» / бацька ў дэкрэтным адпачынку, тата ў «дзіцячым адпачынку», «вусаты нянь»* и др. Возможность нахождения отца в отпуске по уходу за ребенком до трех лет, закрепленная законодательно, привела к актуализации характеристик «выполняет функции матери», «находится в отпуске по уходу за ребенком» и «находится на иждивении государства и матери ребенка». Появление указанных характеристик противоречит традиционным представлениям об отце как главном добытчике и кормильце в семье.

4. Номинации отца-одиночки: *одинокый отец, невоскресный папа, мапулечка / бацька-адзіночка, тата-адзіночка, адзінокі тата* и др. Появление института одинокого отцовства и его динамика обусловили новую характеристику в стереотипе отца – «воспитывает ребенка без жены (матери ребенка)». Отметим, что в русскоязычных и белорусскоязычных лексикографических источниках [3; 4] зафиксированы лишь слова *мать-одиночка / маці-адзіночка*, в то время как номинации *отец-одиночка / бацька-адзіночка* словарной фиксации не получили.

5. Номинации отца, который присутствует в семье формально, но отсутствует эмоционально, не принимая участия в воспитании ребенка: *формальный отец, «холодный» отец, папа в эпизодах, отец-белорубашечник, «недоотец» / кананны тата, «няправільны» бацька, «нядзельны тата»*.

6. Номинации отца, который занят исключительно материальным обеспечением семьи: *занятой отец, узкопрофильный отец, «папа-банкомат», «папа-который-всегда-работает»* и др. Отстраненность некоторых отцов от воспитательного процесса привела к появлению таких характеристик, как «испытывает эмоциональное отчуждение к ребенку», «равнодушный», «холодный».

7. Номинации отца-кукушки, который «отстраняется от воспитания ребенка», «уклоняется от материального обеспечения ребенка»: *папа-«кукушка», «кукушонок-папа», сбежавший отец, папа-«перекати-поле», папа отложенного действия* и др. Примечательно, что метафорическая номинация *кукушка* (зязюля) традиционно относится к матери, однако наш фактический материал показывает, что в текстах СМИ она применима и к отцу.

Использование достаточно большого числа номинаций для обозначения одного и того же лица свидетельствует об особой актуальности явлений, которые стоят за данными дискурсивными единицами, что ведет к актуализации соответствующих характеристик в стереотипе современного отца.

Среди номинаций отца в эмпирической базе выявлено большое число противоположных по смыслу. Так, по признаку «родной – неродной» в кон-

тексте СМИ номинациям *биологический отец*, *официальный папа*, *первый папа*, *«старый папа»*, *«бывший папа»*, *«прошлый папа»* / *біялагічны бацька* противопоставлены:

1) *приемный родитель*, *приемный отец*, *приемный отец-одиночка*, *профессиональный папа*, *новый папа* в значении ‘приемный родитель’, *папа навсегда* / *прыёмны бацька*;

2) *родитель-воспитатель*, *SOS-папа*, *новый папа* в значении ‘родитель-воспитатель’ / *бацька-выхавальнік*, *SOS-тата*;

3) *отчим*, *«второй» папа*, *новый папа* в значении ‘отчим’ / *айчыым*, *сацыяльны бацька*.

Противопоставленными по признаку «уделяет время воспитанию ребенка – не уделяет времени воспитанию ребенка» в СМИ оказываются выражения *современный отец*, *отец широкого профиля*, *папа-супергерой*, *Папа с большой буквы* и следующие ряды синонимичных номинаций:

1) *функциональный отец*, *занятой отец*, *деловой папа*, *узко-профильный отец*, *отец-бизнесмен*, *«папа-банкомат»*, *«папа-который-всегда-работает»*;

2) *отсутствующий отец*, *формальный отец*, *отчужденный отец*, *«холодный» отец*, *папа в эпизодах*, *отец-белорубашечник*, *папаша-лежебока*, *«недоотец»*.

По этому же признаку противопоставлены следующие белорусскоязычные номинации: *канапны тата*, *«няправільны» бацька*, *«нядзельны тата»* – *ідэальны бацька*, *Тата з вялікай літары*.

Противопоставление репрезентантов стереотипа отца в СМИ происходит также по следующим признакам:

1) «опытность – неопытность»: *опытный отец*, *бывалый отец* – *начинающий отец*, *новоиспеченный отец*, *молодой отец*;

2) «совершенный – несовершенный»: *идеальный отец* – *несовершенный папа*;

3) «имеет много детей – имеет мало детей»: *многодетный отец* – *малодетный отец*;

4) «традиционный – современный»: *традиционный отец* – *современный отец*.

Проведенный анализ свидетельствует об обновлении биологического, социального и социально-психологического, психологического и морально-нравственного аспектов стереотипа отца, что связано, в первую очередь, с экстралингвистическими факторами. Развитие биомедицинских технологий, в частности вспомогательных репродуктивных технологий, призванных решить проблему бесплодия, создание собственных банков спермы в Беларуси, возможность прибегнуть к услугам анонимного донора спермы – все это привело к необходимости уточнения и дополнения традиционной биологической характеристики отца «передает генетический материал ребенку» – «передает генетический материал ребенку в процессе зачатия естественным путем» (*биологический отец* / *біялагічны бацька*), «передает генетический

материал ребенку в процессе зачатия искусственным путем» (*генетический отец / генетичны бацька*), «анонимно передает генетический материал ребенку на платной основе» (*донор половых клеток / донор палавых клетак*). Как видим, биологическая функция современного отца «передача генетического материала ребенку» требует уточнения: а) способ зачатия (естественным или искусственным путем); б) открыто или анонимно; в) безвозмездно или на платной основе.

Перераспределение традиционных семейных ролей, обусловленное ростом активности женщины и изменением ее статуса в современном обществе, привело к тому, что традиционная характеристика отца «добытчик и кормилец» может относиться не только к мужчине (*отец-добытчик, «папа-банкомат»*), но и к женщине (*матерь-бизнесмен*). В том случае, когда женщина выступает в роли добытчика и кормильца в семье, мужчина может выполнять функции женщины-матери (*отец в декретном отпуске / бацька ў дэкрэтным адпачынку*). Традиционная характеристика отца «воспитывает ребенка» в СМИ дополняется новыми: «воспитывает ребенка без жены» (*отец-одиночка / бацька-адзіночка*), «отстраняется от воспитания ребенка» (*«отсутствующий отец», кананны тата*), «не имеет права воспитывать» (*анонимный «отец»*), «воспитывает ребенка на профессиональной основе» (*приемный отец*). Появление новых характеристик отца, связанных с выполнением воспитательной функции, обусловлено необходимостью уточнить, как именно осуществляется данная функция: а) совместно с женой (матерью ребенка) или без нее; б) активно или пассивно; в) открыто или анонимно; г) на безвозмездной или на платной основе. СМИ фиксируют появление характеристики отца, противоположной традиционной «заботится о материальном обеспечении ребенка» – «уклоняется от материального обеспечения ребенка» (*отец-уклонист, злосны аліментшчык*), что связано с безответственным отношением некоторых отцов к исполнению своих родительских обязанностей. Характеристика отца «бьет и наказывает ребенка для его блага», зафиксированная в паремиологии, в СМИ трансформируется в следующую: «избивает ребенка; проявляет агрессию» (*отец-монстр*), «совершает насилие в отношении ребенка» (*отец-насильник / бацька-гвалтаўнік*), что свидетельствуют о превышении отцовских полномочий, нарушении закона.

В лексикографических источниках отец характеризуется как человек, который «любит ребенка», однако «имеет менее тесную эмоциональную связь с ребенком, чем мать». В СМИ, наряду с приведенными характеристиками, фиксируются и иные проявления отцовских чувств – «имеет тесную эмоциональную связь с ребенком» (*«папа-мама» / тата-мама*), «испытывает эмоциональное отчуждение к ребенку» (*«холодный» отец*).

Традиционные характеристики отца с точки зрения психологических и морально-нравственных проявлений (*внимательный, строгий, требовательный, суровый, сдержан в чувствах* и др.) выявляются и в текстах СМИ. Наряду с приведенными, для стереотипа современного отца релевантными

становятся такие негативные характеристики, как «равнодушие», «отчужденность», «черствость» (*отстраненный отец*), «авторитарность» (*авторитарный отец*), «незрелость» (*незрелый папа*), «ненадежность» («*ни рыба ни мясо*»), «чрезмерная мягкость» (*мягкий отец*).

Таким образом, проведенное исследование показало, что профиль стереотипа отца, составленный на основе медиатекстов, по сравнению с профилем, реконструированным на базе лексикографических источников, дополнился и детализировался актуальными характеристиками биологического, социального и социально-психологического, психологического и морально-нравственного аспектов (всего 30). Это свидетельствует об усложнении и расширении стереотипа отца под влиянием экстралингвистических факторов. Большая представленность негативно-оценочных единиц и, соответственно, характеристик свидетельствует, с одной стороны, о тенденции к десакрализации образа отца не только в современных медиатекстах, но и в обществе в целом, с другой стороны – демонстрирует то, что традиционные представления об отце по-прежнему значимы и являются ориентирами для современных белорусов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике : пер. с пол. / Е. Бартминьский ; вступ. ст. С. М. Толстой. – М. : Индрик, 2005. – 527 с.
2. Жызнеўская, В. Традыцыйны стэрэатып бацькі ў беларускай моўнай карціне свету / В. Жызнеўская // Роднае слова. – № 6. – 2019. – С. 30–32.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1998. – 939 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства ; уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2016. – 967 с.

The analysis of structural-grammatical and semantic features of the nominations that represent the stereotype of the Father in the Belarusian mass media made it possible to conclude that the modern profile of the stereotype (compared with the traditional one) has significantly increased due to the new, relevant characteristics, which indicate a more complicated, expanded, detailed stereotype of the Father influenced by extralinguistic factors.

Поступила в редакцию 30.01.2020

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

І. А. Бурдзялёва

ГЕАПАЭТЫКА БЕЛАРУСІ Ў ТВОРАХ
Т. ДАЛЕНГІ-МАСТОВІЧА І С. ПЯСЕЦКАГА

У арыкуле разглядаюцца прэзентаваныя ў раманах папулярных польскамоўных пісьменнікаў беларускага паходжання Т. Даленгі-Мастовіча і С. Пясецкага дзве геапэтычныя мадэлі Беларусі. Праз аналіз семантычнага нападўнення вобразаў беларускай геаграфічнай прасторы, абумоўленых аўтарскім біяграфізмам, эмацыянальна-суб'ектыўным бачаннем прыродна-геаграфічных і культурна-гістарычных рэалій беларуска-польскага памежжа выяўлена іх канцэптуальнае адрозненне. Падкрэслена значэнне творчасці названых пісьменнікаў у кантэксце беларускай літаратуры.

Поле навуковага дыялогу сучаснага літаратуразнаўства з сумежнымі дысцыплінамі робіцца ўсё шырэйшым. Да ўжо звыклых кантактаў з гісторыяй, культуралогіяй, сацыялогіяй, паліталогіяй і іншымі гуманітарнымі навукамі дадаецца цікавасць да адлюстравання і асэнсавання геаграфічнай прасторы ў мастацкай творчасці. У апошнія дзесяцігоддзі ў літаратуразнаўчы навуковы ўжытак увайшло такое паняцце, як *метагеаграфія*, якое мае на ўвазе заканамернасці ўспрыняцця геаграфічнай прасторы, яе асэнсаванне і эмацыянальнае перажыванне ў суадносінах з культурнымі глабальнымі і цывілізацыйнымі працэсамі. Новы для літаратуразнаўства тэрмін *геапэтыка* прапанаваў шатландска-французскі паэт і эсэіст Кенет Уайт, і з сярэдзіны 90-х гг. мінулага стагоддзя геапэтыка як спецыфічны раздзел паэтыкі прыцягвае ўсё большую ўвагу сучасных даследчыкаў. Прадметам цікавасці геапэтыкі ёсць «вобраз пэўнай прасторы ў індывідуальнай творчасці аўтара, або лакальныя тэксты, сфарміраваныя ў нацыянальнай культуры як вынік мастацкага засваення асобных мясцін, рэгіёнаў геаграфічнай прасторы і канцэптуалізацыі іх вобразаў» [1, с. 17]. Варта адзначыць абавязковы антрапалагічны аспект геапэтычных даследаванняў, пры якім у фокусе ўвагі знаходзяцца менавіта індывідуальна-аўтарскія, эмацыянальна-суб'ектыўныя адносіны пісьменніка з геаграфічнай прасторай, асобныя рэфлексіі, выяўленыя праз семантычна насычаныя вобразы. У першую чаргу геапэтыка вывучае адбітак, след, які пакінула рэальная геаграфічная прастора ў памяці культуры. У выніку сфарміраваны геапэтычны вобраз можа не супадаць з геаграфічнай рэальнасцю і, стаўшы традыцыяй, ужо сам пачынае ўспрымацца як аб'ектыўная дадзенасць.

Беларусь разнастайна праяўлена ў творчасці найпапулярнейшых пісьменнікаў міжваеннай Польшчы Тадэвуша Даленгі-Мастовіча і Сяргея Пясецкага. Абодва аўтары належаць аднаму пакаленню і з'яўляюцца нашымі землякамі, у кожнага ў творчасці моцны біяграфічны пачатак, дзякуючы чаму вобраз геаграфічнай прасторы Беларусі натуральна прысутнічае ў іх творах. Жыцц-

цёвыя лёсы абодвух пісьменнікаў надзвычай ілюстратыўныя для разумення складаных працэсаў нацыянальнай самаідэнтыфікацыі, дадаткова абцяжараных трагічнымі падзеямі пачатку ХХ стагоддзя, у якія была ўцягнута Беларусь. Яны выдатна паказваюць раз’яднанасць нацыі і раскіданасць яе творчага і інтэлектуальнага патэнцыялу.

Польскамоўную творчасць Т. Даленгі-Мастовіча і С. Пясецкага варта разглядаць у рэчышчы полікультурнага і полілінгвістычнага памежжа, у якім здаўна развівалася айчынная літаратура, як вынік культурна-цывілізацыйнага ўзаемадзеяння. Нягледзячы на тое, што пісьменнікі самавызначалі сябе прыналежнымі да польскай культурнай прасторы, іх творчасць, заснаваная на беларускім матэрыяле, мае дачыненне і да яе літаратуры, увайшла ў кантэкст айчыннага пісьменства, істотна яго ўзбагаціўшы.

Аўтары Т. Даленга-Мастовіч і С. Пясецкі рознымі шляхамі прыйшлі ў польскую літаратуру. Першы – натуральна, бо змалку гадаваўся ў традыцыях польскай культуры і падчас вучобы ў Віленскай гімназіі і Кіеўскім універсітэце ўваходзіў у польскія патрыятычныя згуртаванні. Другі – хутчэй вымушана, бо літаратурнай польскай мовай авалодаў ужо ў сталым узросце, адбываючы тэрмін у польскай турме, і гэта быў адзіна магчымы спосаб яго літаратурнага самавыражэння і самарэалізацыі. Па сутнасці, паспяховая польскамоўная творчасць і сталася для С. Пясецкага шляхам на волю. Як адзначаў В. П. Рагойша адносна этнічных беларусаў у польскім культурным жыцці, «...адсутнасць у Польшчы перыяду 1921–1939 гг. хаця б нацыянальна-культурнай аўтаноміі Заходняй Беларусі, яе актыўная паланізацыя, а таксама натуральнае ўздзеянне польскай культуры на беларускую прадвызначылі з’яўленне ў польскай літаратуры і мастацтве значнай колькасці дзеячаў, народжаных на беларускай зямлі. Сярод іх мастак Фердынанд Рушчыц, паэты Ежы Путрамонт, Юзаф Чаховіч, Леанард Падгорскі-Аколаў, празаік Марыя Радзевіч, літаратуразнавец Мар’ян Здзяхоўскі і інш. Праўда, усе гэтыя і ім падобныя дзеячы культуры прама, а найчасцей апасродкавана таксама прычыніліся да пашырэння беларускай культуры і – шырэй – беларушчыны за межамі Беларусі. Часам нават незаўважна для іх саміх гэтая беларушчына пачынала жыць у іх творчасці, выяўляцца ў апісанні беларускіх краявідаў, у словах-беларусізмах, у мелодыях песняў і г.д.» [2, с. 153–154]. Можна быць, дзякуючы такой актыўнай і шматграннай уключанасці этнічных беларусаў у польскую культуру і літаратуру, у палякаў так і не сфарміравалася адэкватнае разуменне *інакшасці* Беларусі і яе насельнікаў. Цікавае сцвярджэнне польскага даследчыка Ежы Тамашэўскага ў працы «*Białorusini w oszach polaków. 1919–1939*»: «Вялікая частка польскага грамадства нікога не ведала пра беларусаў і думала, што “крэсовую” вёску насяляюць палякі, прынамсі этнічна польскае насельніцтва, якое, аднак, з прычыны захопу расейцамі падлегла чужым уплывам і страціла нацыянальную свядомасць» [цыт. па 3, с. 51]. Не акцэнтуючы ўвагу на нацыянальнай праблематыцы, Т. Даленга-Мастовіч і С. Пясецкі ў сваіх творах, кожны па-свойму, зыходзячы з уласных мастацкіх задач, перадалі адметнасць Крэсаў Усходніх не толькі як адмысловай геаграфічнай прасторы, але і спецыфіку светаадчування і стэрэатып паводзін жыхароў, звязаных з ёю.

Варта падкрэсліць геаграфічна-прасторавую семантыку паняцця *крэсы* ў польскай мове, што азначае мяжу, канец, аддалены раён. Менавіта сюды, на далёкае ад Варшавы беларускае памежжа, пераносіць Т. Даленга-Мастовіч дзеянне дылогіі «Знахар» (1937) і «Прафесар Вільчур» (1939). Письменнік невыпадкова накіроўвае галоўнага героя, знанага варшаўскага прафесара Рафала Вільчура, які праз асабістую драму губляе памяць, на сваю родную Віцебшчыну. Менавіта тут герой усвядоміць сябе, верне ўласнае імя, адшукае страчаную некалі дачку Марылю. Адбываецца гэта дзякуючы не толькі збегу абставін, але і шмат у чым непаўторнай атмасферы беларускай правінцыі, яе элегічнай прыродзе, мудрасці і сапраўднай маральнасці яе жыхароў.

Набыўшы славу выдатнага знахара, пад імем Антонія Касібы, прафесар жыве ў вялікай праваслаўнай сям'і мельніка Пракопа на хутары недалёка ад мястэчка Радолішкі. На геаграфічнай мапе Беларусі насамрэч не існуе такога паселішча. У мастацкай прасторы раманаў Даленгі-Мастовіча яно знаходзіцца недзе на беларускіх абшарах паміж Ашмянамі і Браславам. У тэксце неаднаразова прыгадваюцца Сморгонь, Свенцяны, Вільня. Тым не менш, правобразам умоўных Радолішак лагічна лічыць Глыбокае, родны горад пісьменніка, дзе шчасліва прайшлі яго дзяцінства і юнацтва, дзе па-ранейшаму жыў бацька, а ў мясцовай гарадской гімназіі выкладала сястра Яніна. Нават на піку сваёй пісьменніцкай папулярнасці Т. Даленга-Мастовіч не проста часта гасцяваў у Глыбокім, а па сведчанні мясцовых жыхароў, падоўгу жыў тут. Таму геапэтычныя вобразы беларускага краю выпісаны пісьменнікам дэталёва, вельмі канкрэтна і разам з тым настальгічна: *Мястэчка, акружанае хвалістым зялёным морам збожжжа, само нагадвала звязак магутных галін таполяў, ліп і бяроз, пад якімі сціплымі краскамі туліліся белыя і чырвоныя дамкі, ледзь бачныя, бо таксама густа зараслі язьмінам, бэзам і вятроўнікам. Вяртаючыся ў святочны дзень з доўгай пагулянкі, можна было нават падумаць, што няма на свеце больш ціхага і прыгожага закутка* [4, с. 105]. Варта меркаваць, што пісьменнік пры ўсёй трапнасці апісанняў добра знаёмай яму рэчаіснасці, рэальнай правінцыяльнага жыцця, невыпадкова не пазначае сапраўдную назву мястэчка і не прывязвае дзеянне рамана да пэўнага геаграфічнага месца. Па жанры творы Т. Даленгі-Мастовіча з'яўляюцца класічнымі меладрамамі з наборам тыпалагічных жанравых рыс. Для меладраматычнага сюжэта, які, як правіла, мае пэўную долю неверагоднасці, пісьменніку больш прыдалася ўмоўная геаграфічная лакалізацыя падзей, але відавочна, што галоўнае для аўтара – канцэптуалізацыя вобраза беларускай правінцыі. На аснове сваіх індывідуальных рэфлексій ён стварае абагульнены, зборны вобраз сваёй малой радзімы з характэрным нетаропкім тэмпам жыцця, ціхамірнай прыродай, сардэчнымі людзьмі.

Геаграфічныя вобразы Беларусі пісьменнік перадае праз успрыняцце герояў, прыхлых у гэтых краях, карэнных варшавян. Гэта сам прафесар Вільчур, а потым і яго паплечніца, доктар Люцыя Каньская. Ужо вярнуўшыся ў Варшаву, прафесар з сумам прыгадвае беларускія пастаральныя краявіды: *Некалькі вёснаў я правёў у далёкіх прыгранічных абласцях Беларусі... Ціхі,*

прыгожы край. Раўніна мякка пераходзіць ва ўзгоркі, паміж якімі ляжаць азёры, густыя лясы з пералескамі ядлоўцу і арэшніку. Хаты, крытыя саломай... Не ўсе. У больш заможных – гонтай або дранкай. Але ўвогуле – бедната. Бедныя людзі, простыя... Добрыя людзі [5]. У другой частцы дылогіі, апутаны інтрыгамі і звадкамі сталічнага жыцця, прафесар ужо свядома пакідае Варшаву і зноў вертаецца ў Беларусь. У раманах мноства ландшафтных замалёвак і лірычных адступленняў, у якіх зафіксаваліся перадусім персанальныя адчуванні і падкрэслена ідылічныя рэфлексіі аўтара пра край свайго юнацтва.

Геапаэтычны вобраз беларускай зямлі паказаны не толькі праз прыродныя рэаліі. Ён лакалізаваны ў такіх знешніх маркёрах тэрытарыяльнай ідэнтычнасці як правінцыйнае мястэчка, маёнткі мясцовых землеўладальнікаў, хутар з мельніцай, якія валодаюць у раманах уласным, арыгінальным геаграфічным вобразам. Такі набор адпавядае традыцыйнаму геапаэтычнаму ўяўленню аб Беларусі. Праз пералічаныя геаграфічныя вобразы паўстае замкнёная, камерная геаграфічная прастора з адметным ладам жыцця яе жыхароў, падначаленым не столькі гістарычным ці палітычным зрухам, колькі анталагічным законам прыроды. Прасторавыя геаграфічныя рэаліі аддаленай беларускай правінцыі спрычыніліся да традыцыяналізму і здаровай кансерватыўнасці жыхароў, спакою і разважлівасці, якія ідуць ад глыбіннага разумення каштоўнасцей жыцця.

Вобраз беларускай зямлі ў раманах Т. Даленгі-Мастовіча канцэптуалізуецца як свет натуральных дабрачыннасцей і супрацьпастаўляецца не толькі аблуднаму жыццю Варшавы, а ўвогуле гораду як сапсаванай ці памылковай мадэлі чалавечага жыцця. *Горад – гэта пачвара. Адрэзаў чалавека ад зямлі асфальтам і бетонам. Адкуль яму чэрпаць пачуцці? Пачуцці ідуць ад зямлі, як усе гаючыя сокі,* – разважае Вільчур [5]. Такі канцэптуалізаваны вобраз нашай зямлі перагукаецца са сталай традыцыяй польскамоўнай літаратуры, згодна з якой Беларусь-Літва бачылася краінай натуральнай першатворнай гармоніі. У XIX стагоддзі свае версіі Беларусі як зямлі сардэчнай і ўтульнай, населенай спакойнымі і сціплымі людзьмі, прапанавалі Я. Баршчэўскі, А. Плуг, У. Сыракомля, Я. Лучына. Не застаўся ўбаку ад інтэрпрэтацыі гэтай традыцыі і Т. Даленга-Мастовіч.

Прынцыпова іншую мадэль геапаэтычнага асваення Беларусі ў літаратуры міжваеннай Польшчы прапануе С. Пясецкі. У яго зусім іншы ракурс бачання крэсавага пагранічча. Калі ў Даленгі-Мастовіча беларуская прастора ціхамірная і элегічная, то ў Пясецкага яна трывожна-бурлівая і дынамічная. Своеасаблівай геапаэтычнай дамінантай беларускай прасторы ў творах С. Пясецкага «Каханак Вялікай Мядзведзіцы» (1937), «Пяты этап» (1938), «Багам ночы роўныя» (1938) выступае дзяржаўная мяжа, якая перасекла Беларусь напалам і пульсую, нібы свежы рубец на целе. Названыя творы аўтабіяграфічныя, заснаваныя на ўласным вопыце былога перамятніка і разведчыка. Пралеглая праз цэнтр Беларусі дзяржаўная мяжа шмат у чым вызначыла жыццёвы лёс пісьменніка. Найперш менавіта палітычны выбар і катэгарычнае непрыняцце бальшавіцкай улады выштурхнулі С. Пясецкага ў Польшчу.

Напэўна, нідзе так яўна, як у беларускай гісторыі і культуры, геапалітыка не ўплывала на геапэтыку і наадварот. Вобраз мяжы – адзін з найважнейшых у беларускай канцэптасферы. Ён пазначае адметнасць беларускага шляху, асэнсаванага І. Абдзіраловічам у яго славутым эсэ. Праявы і ўплывы дзвюх цывілізацыйных парадыгм, якія сутыкнуліся на геапрасторы Беларусі, адлюстраваны ў ліцвінскай і заходнерускай культурных традыцыях, у творах мастацкай літаратуры папярэдніх стагоддзяў, урэшце, у сённяшнім неафіцыйным падзеле на «ўсходнікаў» і «заходнікаў». Беларуска-польская дзяржаўная граніца сталася матэрыялізацыяй гвалтоўнага і грубага размежавання ўзаемапранікальных цывілізацыйных сістэм і была надзвычай траўматычнай для свядомасці беларусаў па абодва яе бакі.

Геапэтыка Беларусі, адлюстраваная ў творах С. Пясецкага, істотна дапаўняе стэрыятыпную прасторавую мадэль, рэпрэзентаваную Т. Даленгам-Мастовічам, для якой характэрна камернасць і замкнёнасць, замаруджанасць унутранага руху і пэўная ўстойлівасць. Прастора ў С. Пясецкага рухомая, зменлівая і разамкнёная. Яна таксама традыцыйна прадстаўлена мястэчкамі, хутарамі, вёскамі, але, у адрозненне ад Т. Даленгі-Мастовіча, абсалютна канкрэтнымі і рэальнымі. На старонках «Каханка Вялікай Мядзведзіцы» мільгаюць назвы – Ракаў, Паморшчына, Волма, Івянец, Выганічы, Рубяжэвічы, Аляхновічы, Вялікае сяло... Вобразы Вільні, Мінска, Ракава, дзе разгортваюцца асноўныя сюжэты раманаў, узбагачаны канкрэтнымі локусамі. Напрыклад, для Ракава – гэта Мінская вуліца, Слабодка, Рынак, старыя могілкі, плошча каля касцёла. Іншыя творы Пясецкага таксама маюць багатую і разнастайную тапаніміку. Гэта Мінск з яго тапаграфічнымі дамінантамі: Залатой Горкай, Камароўкай, Серабранкай, Ніжнім рынкам, вуліцамі Серпухоўскай і Каломенскай, Захар’еўскай і Губернатарскай, а таксама прадмесцямі Мядзвежына і Яркава, дзе адбываюцца дзеянні «Менскай трылогіі», раманаў «Пяты этап», «Багам ночы роўныя». Варта адзначыць, што ўся падрабязная і багатая тапаніміка ў творах С. Пясецкага нанізана на востры бясконцага руху і перамяшчэнняў герояў або ў межах лакалізаванай прасторы горада ці мястэчка, або ў разамкнёнай прасторы ўсяго рэгіёна беларуска-польскага памежжа.

Раманы С. Пясецкага поўняцца ландшафтнай вобразнасцю, асабліва «Каханак Вялікай Мядзведзіцы». Вачыма перапытніка Уладзіслава Лабровіча паказаны бясконцыя дарогі і сцежкі, палі, лясы і пералескі, балотцы, рэчкі і рачулкі, вёскі і хутары, якія ён мінае, шматразова перасякаючы мяжу з захаду на ўсход і наадварот. Толькі сузор’е Вялікай Мядзведзіцы займае нязменнае месца на небасхіле і з’яўляецца для героя нечым адзіна пэўным і вызначаным. Гэтыя шматлікія ландшафтныя вобразы ў раманах адноўлены маляўніча і заўсёды эмацыянальна афарбаваныя. Складаная і пакручастая траекторыя няспыннага руху герояў С. Пясецкага адпавядае экзістэнцыйнаму становішчу беларусаў, настройм бяздомнасці, непрытульнасці, неўладкаванасці і перадаецца адчуванні непазбыўнай трывогі і няпэўнасці жыхароў геапрасторы, якая знаходзіцца на еўрапейскіх скразняках. Гэтыя адчуванні

ўзмоцнены бежанствам, эміграцыяй, вымушанымі ўцёкамі ад рэпрэсій чарговых акупантаў. Рызыкаўныя паходы і перамяшчэнні вельмі часта суправаджаюцца дажджом, навальніцай, завірухай, моцным вятрыскам, што павялічвае адчуванне бяздомнасці і непрыкаянасці герояў.

Багатая на тапаніміку геапастора твораў С. Пясецкага напоўнена жыццём актыўным, дзейсным, але разам з тым патаемным, схаваным, і геаграфічныя рэаліі Беларусі такую сакрытасць цалкам забяспечваюць. Найчасцей гэты рух маргінальны, нелегальны і адбываецца не на адкрытай прасторы, а на ледзь пазначаных сцежках, хаваецца ў гушчарах лясоў, лагчынах, адасобленых хутарах. Патаемнасць гэтага руху ў раманах Пясецкага прама ці ўскосна абумоўлена наяўнасцю мяжы і расколатасцю прасторы, насельнікі якой вымушаны весці дваіное жыццё. Невыпадкава субстанцыяльнай якасцю мяжы выступае цемра, а эпітэт *начны* характарызуе мноства сітуацый і эпізодаў: *Ночы былі чорныя. Мы ныралі ў іх, нібы ў сажу* [6, с. 56]. Цемра і ноч выступаюць атрыбутамі метафізічнай прыроды мяжы і памежжа, яе схаванага ад знешняга погляду жыцця, якое нагадвае падводную плынь. *Калі б вечарам, у глухую восеньскую ноч, адкінуць з граніцы на даўжэйшым яе прамежку навалоку змроку, мы б убачылі партыі перамытнікаў, якія цягнуцца да раніцы... Адхінуўшы заслону змроку з пагранічча, мы ўбачылі б акул граніцы: сялян з абрэзамі, карабінамі, рэвальверамі, сякерамі, віламі і каламі, якія цікуюць здабычу. Часам убачылі б і дыверсійную банду... Убачылі б мы і канакрадаў...* [6, с. 56]. Геапастора Беларусі ў творах С. Пясецкага вызначаецца пэўнай супярэчлівасцю: пры ўсёй дынамічнасці і разамкнёнасці межаў, гэта прастора выразна інтравертная, яе сапраўдная сутнасць стоеная, схаваная ад знешняга, павярхоўнага погляду. У гэтым сцвярджэнні інтравертнасці адрозныя геапэтычныя мадэлі Беларусі Т. Даленгі-Мастовіча і С. Пясецкага карэліруюць паміж сабой.

Паводле расійскага даследчыка Дз. Замяціна, у кожнай нацыянальнай культуры адбываецца «назапашванне» традыцыі асэнсавання геапасторавых вобразаў: «Пэўная культура „калекцыянуе” пэўныя геаграфічныя вобразы, набываючы пры гэтым тыя ці іншыя вобразна-геаграфічныя канфігурацыі» [7, с. 110]. Т. Даленга-Мастовіч і С. Пясецкі зрабілі свой унёсак у стварэнне геапэтычнага вобраза Беларусі, шмат у чым удакладніўшы ўяўленні польскага чытача аб прыродна-геаграфічных і культурна-гістарычных рэаліях беларускай зямлі. Дзякуючы сучасным перакладам, іх творы паспяхова ўвайшлі ў айчыны культурна-літаратурны кантэкст, набываючы нават большую значнасць для беларускага чытача, бо яны не толькі істотна дапаўняюць мастацкі вобраз Заходняй Беларусі, але запаўняюць жанрава-тэматычныя прабелы ў літаратуры аб жыцці краіны 20–30-х гг. XX ст., асвятляючы жыццё беларусаў і Беларусі пад новым, нетрывіяльным ракурсам. Іх творы ўдакладняюць і ўзбагачаюць геапэтычны вобраз Беларусі, які сукупна склаўся ў айчынай літаратуры.

ЛІТАРАТУРА

1. *Абашев, В. В.* Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики : учеб. пособие / В. В. Абашев. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2014. – 140 с.
2. *Рагойша, В.* Прысутнасць беларускай культуры ў свеце / В. Рагойша // Роднае слова. – 1996. – № 12. – С. 153–159.
3. *Радзік, Р.* Палякі – Беларусы: узаемныя стэрэатыпы ў XIX і XX ст. (да 1939 г.) / Р. Радзік // Беларускі гістарычны агляд. – 1997. – Т. 4. – Сш. 1–2 (6–7). – Снежань. – С. 35–60.
4. *Даленга-Мастовіч, Т.* Знахар : пер. з польск. / Т. Даленга-Мастовіч. – Мінск : Логвінаў, 2016. – 292 с.
5. *Dolęga-Mostowicz, Tadeusz.* Profesor Wilczur [Электронны рэсурс] / Tadeusz Dolęga-Mostowicz. – Рэжым доступу : <https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/profesor-wilczur.html>. – Дата доступу : 18.12.2019.
6. *Пясецкі, С.* Каханак Вялікай Мядзведзіцы: пер. з польск.; прадм. М. Ваньковіча / С. Пясецкі. – Мінск : Выдавец Віктар Хурсік, 2009. – 352 с.
7. *Замятин, Д. Н.* Метагеография: Пространство образов и образы пространства / Д. Н. Замятин. – М. : Аграф, 2004. – 512 с.

The article examines two geopoetic models of Belarus presented in the novels of popular writers – T. Dolęga-Mastovich and S. Pesetsky, who are both of Polish-Belarusian origin. The authors' conceptual differences are revealed through the semantic analysis of the Belarusian topographic images. It can be explained by the authors' biographical differences, their emotional and subjective vision of the natural, geographical and historical realities of the Belarusian-Polish boundaries.

Поступила в редакцию 26.12.2019

Д. А. Гулак

АКСІЯЛАГІЧНАЯ ТРАНСФАРМАЦЫЯ ВОБРАЗА ІНДЗЕЙЦА Ў РАМАНЕ О. ЛА ФАРДЖА «СМЯШЛІВЫ ХЛОПЕЦ»

В статье исследуется художественная интерпретация образа коренного американца в романе О. Ла Фаржа «Смеющийся парень» (1929). Индейский герой рассматривается как вариант архетипа Другого в русле истории американского фронта. Доказано, что концепция героя романа «Смеющийся парень» несет признаки трансформации образа американского индейца в духе литературы постфронта.

Бытнасць карэнных народаў Амерыкі з пачатку засялення кантынента еўрапейскімі каланістамі ў XVI ст. і сёння застаецца адной з найбольш стыгматызаваных тэм гісторыі ЗША. Асваенню Новага свету часта спада-рожнічала прыгнятанне мясцовага насельніцтва, яго выпяцненне і гвалтоўная культурная асіміляцыя. Афіцыйная пазіцыя ўладаў ЗША па індзейскім пытанні развівалася ў падобным рэчышчы да 20-х гг. XX ст. і абумовіла змест карэнна-амерыканскай нацыянальнай ідэі, у цэнтры якой – супраць-

стаянне размыванню індзейскай супольнасці і зварот да ўласнай культурнай спадчыны. Пісьмовая англамоўная літаратура індзейцаў ЗША бярэ пачатак у канцы 60-х гг. XX ст. дзякуючы працы прафесійных абарыгенных літаратараў і публіцыстаў (Н. С. Момадэй, Дж. Уэлч, С. Орціз, Л. М. Сілка і інш.). Аднак становішча індзейскіх народаў стала аб'ектам мастацкага асэнсавання значна раней, і на момант прыходу Індзейскага адраджэння вобраз індзейца з яго ўстойлівымі інтэрпрэтацыямі стала замацаваўся ў амерыканскай культуры.

Найбольш рэпрэзентатыўныя ўзоры архетыпа індзейскага Іншага можна вызначыць на падставе знакамітага гістарычнага рамана Дж. Ф. Купера «Апошні з Магікан» (*The Last of the Mohicans*, 1826) з эпапеі «Скураная панчоха» (*Leatherstocking Tales*, 1823–1841). Аўтар выкарыстоўвае абодва падыходы да канструявання характару індзейца, якія пераважалі ў культурна-гістарычным дыскурсе XIX – пачатку XX ст. У рамане паўстаюць і ўмоўны *redskin devil* у вобразе Магуа, апантанага прагай помсты беламу чалавеку, і традыцыйны рамантызаваны *noble savage* – вобраз іманентна дабрадзейнага «чалавека прыроды», які пазбег разбуральнага ўплыву цывілізацыі. Персанажы, адпаведныя тыпу высакароднага дзікуна, суправаджаюць развіццё сусветнай літаратуры з найранейшых этапаў (антычная, шумерская літаратура і інш.). Найбольш шырока *noble savage* актуалізуюць філосафы і творцы эпохі Асветніцтва – Д. Дэфо, Вальтэр і інш. Вобраз высакароднага дзікуна ў Дж. Купера ўвасабляюць магіканы – мудры Чынгачгук і бясстрашны Ункас.

Нягледзячы на агульныя становішчы характар, *noble savage* як культурны стэрэатып шмат крытыкуецца ў культуралагічных і літаратуразнаўчых даследаваннях XX ст. На думку Скота Б. Вікерса, вобраз высакароднага дзікуна ёсць праявай аб'ектывацыі і адзіўлення герояў карэннага паходжання: «By portraying Indians as an “extinct species”, – піша С. Вікерс – an author reinforces the nonexistence of Indian culture as a present and therefore tangible reality» [1, p. 56]. Ідэалізаваны лясны «ваяр» з яго таямнічымі ведамі, вераваннямі і велічнымі праявамі духу аказваецца персанажам-сімвалам, пазбаўленым чалавечых якасцяў і патэнцыялу да развіцця.

Адным з найбольш цікавых выпадкаў мастацкай інтэрпрэтацыі карэннага амерыканца ў часы асіміляцыі з'яўляецца раман Олівера Хазарда Пэры Ла Фарджа II (Oliver Hazard Perry La Farge II) (1901 – 1963) «Смяшлівы хлопец» (*Laughing Boy*, 1929). О. Ла Фардж – этнограф і антраполог, які прысвяціў 15 навуковых прац даследаванню культур індзейскіх народаў Цэнтральнай Амерыкі і паўднёвага захаду ЗША. Аднак найчасцей О. Ла Фардж узгадваецца як аўтар – яго літаратурная спадчына ўключае раманы, зборнікі кароткай прозы і мемуары «Сыравіна» (*Raw Material*, 1945). Самым знакавым у яго творчасці стаў дэбютны раман «Смяшлівы хлопец», уганараваны Пулітцараўскай прэміяй у 1930 г. На стварэнне рамана О. Ла Фарджа натхніў уласны досвед вывучэння антрапалогіі навагаў і іншых карэнных народаў паўночнага захаду ЗША, атрыманы падчас яго даследчых экспедыцый у магістратуры Гарвардскага ўніверсітэта (1925–1929).

Папулярнасці кнігі ў 30-я гг. XX ст. паспрыяла панаваўшая ідэя непазбежнасці знікнення індзейскіх культур і моў. Уяўленне пра *vanishing American* абумоўлена наступствамі палітыкі асіміляцыі карэнных народаў. Напачатку XX ст. яна прывяла да істотнага зніжэння колькасці індзейскага насельніцтва, што спарадзіла цікавасць да «апошніх» даступных узораў індзейскай аўтэнтыкі. Так, О. Ла Фардж у мемуарах 1945 г. узгадвае, што ў час напісання рамана аспрэчваў «жыццяздольнасць» карэнных народаў пры асіміляцыі: «I saw our own Indians as inexorably doomed, I saw that they must come increasingly into contact with our so-called civilization, and that contact meant conflict and disaster» [2, p. 176–177].

Стэрэатып Іншага як неад’емны кампанент культурнага дыялогу ва ўмовах сутыкнення некалькіх цывілізацыйных супольнасцяў надзвычай цікава рэалізуецца ў каланіяльнай гісторыі Паўночнай Амерыкі. Супярэчлівая тэорыя франціру (*Frontier thesis*) Ф. Дж. Цёрнэра дала штуршок развіццю падыходу, паводле якога аксіялагічная роля Іншага ў масавай культуры вызначаецца яго статусам адносна культурнага мейнстрыму. А. Якушэнкава выдзяляе тры ўмоўныя фазы гісторыі франціру, якім адпавядаюць тры тыпы вобраза Іншага паводле спосабаў камунікацыі з ім. Так, для *ранняга франціру* з пераважна мірнымі ўзаемаадносінамі ўласцівы дабрадзейны Іншы – класічны высакародны дзікун. Пазней, на этапе *актыўнага франціру* – заваявання новых тэрыторый – Іншы ўяўляе пагрозу для грамадства мейнстрыму і часта выступае ў якасці ворага. Пасля канчатковага падпарадкавання тэрыторыі – этап *постфранціру* – праблема памежнага супрацьстаяння з Іншым паступова губляе актуальнасць [3, с. 3–4]. Культура мейнстрыму пачынае каштоўнаснае пераасэнсаванне Іншага і ўпісвае яго ў новую гісторыю краіны, надаўшы яму масу станоўчых рыс. Аднак Іншы на этапе постфранціру па-ранейшаму маргіналізуецца: новы *noble savage* не перастае быць чалавекам прыроды і не можа стаць часткай цывілізаванага свету.

Менавіта развіццём тэндэнцый постфранціру тлумачыцца мода на паўднёва-заходні рэгіён, уласцівая для масавай культуры ў ЗША 20–30-х гг. XX ст. Дзякуючы своеасаблівым прыродным умовам – экзатычным пустэльным краявідам, каньёнам і інш., ён атрымаў неафіцыйную назву Чарадзейны край (*The Land of Enchantment*). Рэзервацыя навагаў (*Navajo Indian Reservation, Navajo Nation*) стала адной з кропак прыцягнення для наведнікаў паўднёвага захаду. У 1920-я гг. у рэгіёне развіваецца турыстычная індустрыя: ладзяцца шматдзённыя вандроўкі «Індзейскі аб’езд» (*Indian Detours*), будуецца гатэлі і іншая інфраструктура [1, p. 58].

Асаблівую ўвагу варта звярнуць на прадмову да другога выдання рамана ў 1962 г. У ёй раскрываецца канцэпцыя твора, якая абумовіла яго ідэйны пафас і прасторава-часавую арганізацыю. З першых радкоў аўтар уводзіць аповед у парадыгму незваротнай даўніны: «This book was written about a people who are now vanished» [4]. Дзеянне разгортваецца ў 1915 годзе – на 10 год раней за час працы аўтара ў рэгіёне. Хоць героі О. Ла Фарджа жывуць

паводле традыцый, час дзеяння ў рамане аўтар называе «the year when the first automobile made it [to] the northern Navajo country» [4, р. 3], або часам надыходзячага заняпаду, калі першыя пранікненні амерыканскага грамадства ўжо адзначылі кропку незвароту.

Аўтар падкрэслівае рэтраспектыўны пафас твора – у рамане «Смяшлівы хлопец» не ставіцца мэты раскрыць праблематыку становішча індзейцаў-сучаснікаў. «The people described in “Laughing boy”, complete to itself, is gone» [4, р. 3], – сцвярджае пісьменнік. На яго думку, нашчадкі навагаў былі пазбаўлены фундаментальных умоваў захавання племені – яго традыцыйнага ладу жыцця: «They are an unhappy people, sullen towards all others, unfriendly, harassed by drunkenness...» [4, р. 3]. Навага для О. Ла Фарджа – фактычна зніклы народ. Менавіта ідэю *знікллага амерыканца* аспрэчваюць творцы Індзейскага адраджэння, якія перадусім канцэнтруюцца на перадачы ідэі непарыўнасці гісторыі індзейскіх народаў.

У прадмове пісьменнік падкрэслена дыстанцыруецца ад умоўнага аўтара рамана «Смяшлівы хлопец», у якім, па словах О. Ла Фарджа, пераважаў «раз’юшаны рамантызм» [4, р. 2]. Аднак уяўленне пра тое, што раман прапануе чытачу выключна сентыментальны ўспамін аўтара пра незваротныя часы, абвяргаецца рэалістычнасцю і дэталёвасцю, з якімі апісваюцца штодзённасць племені, сімвалічная тапаніміка навагаў, іх абрадавыя дзеянні і рытуалы.

Адзначым, што раман О. Ла Фарджа шмат у чым адмаўляе ўсталяваную стэрэатыпізацыю індзейца і адлюстроўвае некаторыя каштоўнасці літаратуры Індзейскага адраджэння. Аўтар дэманструе шырокае веданне побыту і гаворкі навагаў, глыбокае разуменне іх вераванняў. Героі О. Ла Фарджа пастаянна звяртаюцца да паняццяў, звязаных з традыцыйнай касмалогіяй і «вуснай гісторыяй», да сакральных спеваў. Так, Смяшлівы хлопец узгадвае міфалагічны сюжэт, дзе пратаганісты (браты) спрабуюць знайсці дапамогу аднаго з Свяшчэнных людзей, або стваральнікаў сусвету (*Holy People*): «Some of the Divine Ones live there, they say. The two brothers came here when they were looking for Talking God, they say» [4, р. 100]. Найбольш увагі аўтар надае паняццю *Hozoji*, або *шлях харасцва* (*The Trail of Beauty*) – цэнтральнага канцэпту міфалагічнага ўніверсуму навагаў. У антрапалагічных даследаваннях *Hózhóójí* інтэрпрэтуецца як шлях дасягнення гармоніі з іншасветам [5, с. 74]. «That would be really on the trail of beauty» [4, р. 14], – разважае Смяшлівы хлопец пра далейшае жыццё. Сканцэнтраванасць О. Ла Фарджа на перадачы народнай філасофіі навагаў яднае яго з аўтарамі пазнейшай англамоўнай індзейскай літаратуры, для якіх нязменнай задачай стане раскрыццё ролі калектыўнага пачатку і законаў унутранага жыцця супольнасці. Акрамя таго, крытыкі адзначалі віртуозную перадачу аўтарам стылістыкі індзейскай мовы ў прозе.

Наратыўная структура і кампазіцыя рамана характарызуюцца лакалізмам – адзіночны лінейны апавед ад трэцяй асобы. Асноўнай сюжэтнай лініяй стала драматычнае каханне Смяшлівага хлопца і Тонкай дзяўчыны (*Slim Girl*). Вобразы каханкаў, як і іншыя персанажы рамана, увасабляюць альтэрнатыўныя сцэнары адаптацыі індзейцаў у тагачасных ЗША. Такі

падыход можна параўнаць са стратэгіяй рэалізму аўтараў сучаснай індзейскай і іншых этнічных літаратур Паўночнай Амерыкі. На думку А. Вашчанкі, у гэтых літаратурах этнас пераймае функцыі героя [6, с. 33] – сінтэз калектыўнага і асобаснага ў Індзейскім адраджэнні, як і ў О. Ла Фарджа, служыць пабудове ўмоўнага партрэта народа.

Смяшлівы хлопец – малады навага, які захоўвае звычаі і вераванні продкаў, авалодаў спрадвечнымі індзейскімі заняткамі і рамёствамі. Яго вобраз у аснове адпавядае тыпу «чалавека прыроды», аднак О. Ла Фардж рэалізуе дадзеную мадэль новым шляхам. Праявы гарэзлівай натуры героя супярэчаць архетыпу адухаўлёнага *noble savage*: Смяшлівы хлопец падманвае амерыканцаў, прайграе грошы ў азартнай гульні і інш. У адрозненне ад традыцыйнага высакароднага дзікуна, які выяўляецца статычным персанажам, Смяшлівы хлопец О. Ла Фарджа набывае суб’ектнасць і выступае ў якасці героя з высокай ступенню індывідуалізацыі, мноствам супярэчлівых матывацый і жывой натурай.

Духоўная эвалюцыя Смяшлівага хлопца ў рамане адсылае да канцэпцыі цыклічнасці міфалагічнага часу. Асноўнымі этапамі развіцця героя сталі каханне, сыход у невядомасць, знаёмства з новымі рэаліямі, выкрыццё здрады і спроба выратаваць каханне, страта каханай і адраджэнне. У зыходнай кропцы рамана герой, які накіроўваецца на рытуальныя танцы ў мястэчку То Цэлані, паўстае сімвалічна чыстым і пустым: «The sun was hot and his belly was empty, but life moved in rhythm... Rope’s end, shoulders, song, all moved together, and life flowed in one stream» [4, p. 11]. Неўзабаве Смяшлівы хлопец упершыню чуе пра турму, карыстаецца папяровымі грашыма, каштуе сігары. Пазней герой ацэньвае перавагі бетоннай дарогі, каменнага дома, каштуе нязвыклыя прадукты і алкаголь. Суіснаванне з элементамі «белай» культуры стае для навага крыніцай новых уражанняў і ведаў.

Тонкая дзяўчына з яе гібрыднай амерыкана-індзейскай самасвядомасцю выступае ў якасці антыпода Смяшлівага хлопца. Яе вобраз увасабляе ідэю дыструктыўнай сутнасці асіміляцыі і трагедыю страты сувязі з традыцыяй. Траўматычны досвед сутыкнення Тонкай дзяўчыны з амерыканскім грамадствам пачынаецца з яе прымусовага навучання ў хрысціянскай школе-інтэрнаце, дзе яе пазбавілі магчымасці здабыць веды і навыкі, неабходныя для жанчыны навагаў. Духоўнае жыццё народа застаецца для гераіні недаступным. Так, падчас Начнога Гімну Тонкая дзяўчына ўсведамляе, што найважнейшыя рытуалы незваротна страцілі для яе сімвалічны сэнс: «She tried to think that these things were native to her, but found that she could only observe them objectively. She was foreign now» [4, p. 14]. Сям’я Смяшлівага хлопца ўспрымае Тонкую дзяўчыну як частку «белага» свету – крыніцу зла і небяспекі, пагрозу цэласнасці сям’і. Такім чынам, ганебнае мінулае гераіні, якое застаецца ў форме скрытага канфлікту да развязкі, выкрэслівае яе з парадыгмы традыцыйнага жыцця племені.

Каталізатарам светапоглядных зменаў герояў у рамане О. Ла Фарджа выступае феномен *памежнасці*. Невыпадкова выдуманая мястэчка Чызіаі, дзе жывуць героі, знаходзіцца фактычна на мяжы з амерыканскім светам –

сутыкненне двух універсумаў дасягае ў ім максімальнай ступені. Уз'яднанне са Смяшлівым хлопцам для Тонкай дзяўчыны стае шляхам пошуку страчанай ідэнтычнасці: «All Navajo <...> he would teach her the meaning of those oft-repeated phrases, 'bike hojoni, the trail of beauty, through him she would learn the content, and she would provide the means» [4, p. 46]. Гераіня спрабуе надзейна ізалявацца ад белай цывілізацыі, але не імкнецца цалкам вярнуцца ў рэчышча традыцыйнага жыцця племені з яго цяжкай штодзённай працай дзеля выжывання. Шляхам падману яна хоча забяспечыць заможнае і бесклапотнае жыццё ў помсту «беламу чалавеку», але праўда высвятляецца. Аднак дабрабыт у Чызіі выяўляецца пасткай для каханкаў. У смерці, якая нечакана наступae падчас сыходу пары «да людзей», гераіня здабывае страчаную самасвядомасць навага і дасягае экзістэнцыяльнай гармоніі: «I have come home. I shall die at home, I shall be buried like my People. It is *hozoji*» [4, p. 177].

У фінале рамана Смяшлівы хлопец перажывае сімвалічнае перараджэнне, якое аўтар распрацоўвае ў рэчышчы рэлігійнай філасофіі навагаў. Пасля пахавання герой сыходзіць, пакінуўшы супольныя здабыткі на магіле жонкі. Спустошаны перажытым і знясілены чатырохдзённым пастом, ён апынаецца на свяце Горны Гімн (*Mountain Chant*) – зімовым ачышчальным рытуале, які мае мэтай аднаўленне, вяртанне да жыцця. Смяшлівы хлопец завяршае ганебны цыкл выпрабаванняў і асэнсоўвае ўласны вопыт у яго непадзельнасці: «The past and present came together, he was one with himself. The good and true things he had thought entered into his being and were part of the whole continuity of his life» [4, p. 192].

Завяршэнне гісторыі ў О. Ла Фарджа насычана пафасам эскапізму. «I let myself out by sending my hero, after the final tragedy, back into my own dreamland, the untouched, undisturbed Navajo country where the white man was not a factor and would not become one within my time» [2, p. 177], – тлумачыць ён матывацыю пабудовы фіналу. Такім чынам, Смяшлівы хлопец атрымлівае магчымасць на некаторы час пазбегнуць пераадолення апошняга водападзела ў гісторыі ўласнага народа, але аўтар такім чынам падкрэслівае фатальную непазбежнасць знікнення ўніверсуму навагаў.

Разгляд рамана О. Ла Фарджа «Laughing Boy» дазваляе ацаніць статус індзейскага пытання ў культурным кантэксце ЗША 30-х гг. XX ст. Твор з'яўляецца каштоўным сведчаннем панаваўшай ідэі непазбежнасці знікнення індзейскіх культур і моў з пранікненнем «белай» цывілізацыі. Навага ў рамане выступаюць вырачаным на знікненне народам, што адсылае да вобразы высакароднага дзікуна. Аднак нягледзячы на дэклараваны аўтарам раманы характар твора «пра даўно зніклых людзей», адзначым, што ў мастацкай інтэрпрэтацыі карэннага амерыканца пераважае рэалістычны падыход. Героі О. Ла Фарджа з іх самабытнымі характарамі набываюць суб'ектнасць. Акрамя таго, «Laughing Boy» дэманструе каштоўнасці, уласцівыя для літаратуры Індзейскага адраджэння: раман ставіць мэтай не толькі перадачу штодзённасці супольнасці (гаворка, побытавыя практыкі і інш.), але і інтэрпрэтацыю рэлігійнай філасофіі народа (сакральная тапаніміка навагаў, раскрыццё семантыкі сезонных рытуалаў, канцэпцыя *hozoji*). О. Ла Фардж уводзіць

індзейца-героя, які ў амерыканскім культурным дыскурсе займае становішча, найбольш блізкае да Іншага на этапе постфранціру. Смяшлівы хлопец пазбягае неабходнасці адаптавацца ў мейнстрыме, але з каштоўнаснага пункту гледжання дадзены вобраз рэалізуе тып «чалавека прыроды», які не змога інтэгравацца ў свеце па-за межамі ўніверсуму традыцыйнага племяннога жыцця. Такім чынам, раман «Laughing Boy» з’яўляецца адзнакай аксіялагічнай трансфармацыі вобраза амерыканскага індзейца ў літаратуры постфранцірных ЗША.

ЛІТАРАТУРА

1. *Vickers, S. Native American identities: from stereotype to archetype in art and literature* / S. B. Vickers. – Albuquerque: Univ. of New Mexico Press, 1998. – 194 p.
2. *La Farge, O. Raw Material* / O. La Farge. – Boston, Massachusetts: Houghton Mifflin, 1945. – 213 p.
3. Якушенкова, О. Трансформация образа Чужого в условиях постфронтирной культурной парадигмы / О. Якушенкова, С. Якушенков // Научный журнал КубГАУ [Электронный ресурс]. – 2015. – № 114. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-obraza-chuzhogo-v-usloviyah-postfrontirnoy-kulturnoy-paradigmy>. – Дата доступа : 18.09.2019.
4. *La Farge, O. Laughing Boy* / O. La Farge. – N. Y. : New American Library, 1971. – 192 p.
5. *Windchief, S. Applying Indigenous Research Methods: Storying with Peoples and Communities* / S. Windchief, T. San Pedro. – N. Y. : Routledge, 2019. – 166 c.
6. Ващенко, А. В. Америка в споре с Америкой: Этнические литературы США / А. В. Ващенко. – М. : Знание, 1988. – 63 с.

The article analyzes the fictional interpretation of a Native American in the novel *Laughing boy* (1929) by Oliver La Farge. Although the novel belongs to mainstream American literature and presents Indians as “vanished people”, it also reflects the values inherent to the literature of Native American Renaissance. The Indian protagonist is viewed as an implementation of the archetype of the Other within the American frontier history. The article concludes that the protagonist of *Laughing Boy* indicates transformation of an American Indian character in line with the concept of post-frontier literature.

Поступила в редакцию 30.01.2020

М. А. Салаўёва

КАНЦЭПТАЎТВАРАЮЧЫЯ САНЕТЫ У. ШЭКСПІРА І ІХ ПЕРАКЛАДЫ НА БЕЛАРУСКУЮ МОВУ

У артыкуле даследуюцца канцэпт «love» у санетах У. Шэкспіра і яго эквіваленты ў беларускіх перакладах, а таксама суаднясенне сэнсавых кампанентаў канцэпту з яго

палявой структурай. Робіцца выснова, што лексіка-семантычнае напаўненне гэтых элементаў дэтэрмінаванае лексічнай сістэмай мовы, гісторыяй мовы, сацыякультурнымі канатацыямі твораў арыгінала і перакладу. Патэнцыял запаўнення лакун адпаведных кампанентаў з іх наступнай фіксацыяй у складзе канцэпту вызначаецца таксама мастацкай выразнасцю тэкстаў, што спрыяе ўзбагачэнню канцэптаў і дазваляе разглядаць некаторыя санеты як канцэптаўтвараючыя.

Вядома, што ў англійскай мове спадчына У. Шэкспіра – крыніца ўстойлівых вобразаў, прыказак, крылатых фраз. Творчасць гэтага аўтара ўяўляе сабой прызму, праз якую дагэтуль адбываецца інтэрпрэтацыя рэчаіснасці. Як і іншыя даследчыкі, мы мяркуем, што пераклады яго твораў, у тым ліку санетаў, становяцца часткай нацыянальных літаратур і ўплываюць на развіццё нацыянальнай культуры [1, с. 3]. Зварот да лексемы *love* і яе беларускіх адпаведнікаў абгрунтаваны тым, што вакол яе будзецца адзін з універсальных канцэптаў мовы.

Вядомы даследчык А. С. Кубракова вызначае канцэпт як аператыўную змястоўную адзінку памяці, ментальнага лексікону, канцэптуальнай сістэмы, усёй карціны свету, адлюстраванай у чалавечай псіхіцы [2]. Такое азначэнне падаецца найбольш змястоўным, таму што яно інтэрпрэтуе канцэпт не толькі з пункту гледжання кагнітыўна-дыскурсіўнай парадыгмы даследавання, але акрэслівае перспектывы яго вывучэння ў рамках лінгвакагнітыўнага і лінгвакультурнага падыходаў [3, с.10–12]. Вядома, што гэтыя накірункі адрозніваюцца не толькі трактоўкай канцэпту, але і вызначэннем яго структуры [4]. Найбольш рэлевантнай для мэтаў аналізу з’яўляецца мадэль, паводле якой канцэпт абазначае базавую адзінку культуры, што утрымлівае вобразны, паняццыйны і каштоўнасны кампаненты [4; 5]. Пры гэтым у канцэпце выдзяляюцца ядро (слоўнікавае значэнне ключавой лексемы), прыадзерная зона (лексічныя рэпрэзентацыі канцэпту) і перыферыя (інтэрпрэтацыйная частка, якая адлюстроўвае розныя трактоўкі канцэпту нацыянальнай, групавой і індывідуальнай свядомасцю) [3; 4].

Акрамя слоўнікавага складніка канцэпт мае каштоўнасны, вобразна-эстэтычны і асацыятыўны кампаненты. Аналіз санетаў дазваляе выказаць гіпотэзу, што каштоўнасны кампанет можа задавацца як культурай народа, так і аўтарскай інтэрпрэтацыяй свету праз рэпрэзентацыю пэўных тэм і ідэй. Вобразна-эстэтычны складнік ствараецца самім тэкстам за кошт вобразаў і мастацкіх сродкаў твора (метафар, параўнанняў, эпітэтаў). Асацыятыўны кампанент уключае ў сябе як намінатыўнае поле [3, с. 47], так і індывідуальныя асацыяцыі, якія, па меркаванні Дж. Лакафа, непазбежна ўваходзяць у склад канцэпту [6, р. 178] і, як будзе прадэманстравана ніжэй, дэтэрмінаваныя сацыякультурным і мастацкім кантэкстам, у якім рэалізуецца твор.

Намінатыўнае поле адрозніваецца ад традыцыйных структурных групавых лексікі ў лінгвістыцы (лексіка-семантычнай групы, лексіка-семантычнага поля, лексіка-фразеалагічнага поля, асацыятыўнага поля) тым, што яно мае комплексны характар і ўключае ў свой склад ўсе пералічаныя тыпы групавых. Намінатыўнае поле ахоплівае адзінкі ўсіх часцін мовы, якія вербалізуюць канцэпт [3, с. 47–49].

Паводле В. А. Маславай, канцэпт рэалізуецца не толькі ў слове, але і ў словазлучэнні, выказванні, дыскурсе і тэксце [4, с. 58]. І. А. Сцернін і З. Д. Папова сцвярджаюць, што менавіта тэкст лепш за астатнія сродкі вербалізацыі канцэпту здольны перадаць усе адценні індывідуальна-аўтарскага светабачання [7]. На гэтай падставе мы вывучаем санеты не толькі як тэкставыя адзінкі, якія дазваляюць прадэманстраваць рэалізацыю канцэптаў, але і як патэнцыйныя элементы саміх канцэптаў. Пры гэтым англійскія і беларускія адпаведнікі даследуюцца ў дачыненні да іх размеркавання ў палях структуры канцэпту.

Аналіз рэпрэзентацыі канцэпту «love» («каханне»/«любоў») у тэкстах арыгінала і іх перакладах дазваляе дапусціць, што пэўныя санеты з'яўляюцца канцэптаўтвараючымі, бо лексічныя элементы, якія ўваходзяць у іх, разам з тэмамі, ідэямі і вобразамі маюць патэнцыял запаўнення лакун каштоўнаснага, вобразна-эстэтычнага і асацыятыўнага кампанентаў канцэпту.

Звернемся да матэрыялу даследавання. У. Дубоўка з'яўляецца адзіным беларускім паэтам, які пераклаў увесь цыкл санетаў У. Шэкспіра на беларускую мову. Асобныя з іх прадстаўленыя таксама ў перакладах Р. Барадуліна, Ю. Гаўрука, М. Дуброўскага, Я. Семяжона. Сучасныя спробы перакладу працягваюцца А.Ф. Брыль, Т. Дзям'янавай, М. Казлоўскай, І. Крэбсам, У. Мархелем, К. Маціёўскай, Г. Янкутай.

Кожны з перакладчыкаў імкнуўся перадаць змест санетаў У. Шэкспіра, захоўваючы іх вобразнасць, пры дапамозе моўнага і культурнага кодаў беларускага народа, элементы якіх могуць сінтэзіравацца праз паняцце *канцэпт*.

Як паказвае аналіз, перакладчыкі не размяжоўваюць лексемы *любоў/каханне* і ўжываюць іх як сінанімічныя, узаемазамяняльныя, але перавага аддаецца слову *любоў*, магчыма, праз нявызначанасць адрасата твораў. Падлік выкарыстаных перакладчыкамі эквівалентаў дае наступныя вынікі. У. Дубоўка (154 санеты): *любоў* і аднакаранёвыя (*любіць*, *любімы*, *любы*, *любімая*, *любая*, *знелюбіць*, *люба*) – 140 адзінак, *каханне* і аднакаранёвыя (*каханая*, *каханы*, *закаханыя*, *кахаць*) – 44 адзінкі; Т. Дзям'янава (24 санеты): *любоў* і аднакаранёвыя (*улюблёна*, *любы*, *любая*, *любіць*, *любоўны*) – 27 адзінкі, *каханне* і аднакаранёвыя (*кахаць*, *каханая*, *каханыя*) – 8 адзінак; Ю. Гаўрук (6 санетаў): *любоў* і аднакаранёвыя (*любоўны*, *любая*, *нялюбы*, *любасць*) – 7 адзінак, *каханне* і аднакаранёвыя (*кахаць*) – 2 адзінкі; Г. Янкута (6 санетаў): *любоў* і аднакаранёвае *любіць* – 4 адзінкі, *каханне* і аднакаранёвае *каханка* – 2 адзінкі; Я. Семяжон (4 санеты): *каханне* – 3 адзінкі, *любая* – 1 адзінка; Р. Барадулін (3 санеты): *любоў* і аднакаранёвае *любая* – 2 адзінкі, *каханне* – 1 адзінка; А. Ф. Брыль (3 санеты): *любоў* і аднакаранёвае *любіць* – 3 адзінкі; М. Казлоўская (2 санеты): *каханне* – 3 адзінкі; *любая* – 1 адзінка; І. Крэбс (1 санет): *каханне* – 1 адзінка.

Відавочна, што ў асноўным пераклад здзяйсняецца ў адпаведнасці з ядром канцэпту, якое грунтуецца на ключавой лексеме *love* і яе эквівалентах у беларускай мове – *любоў*, *каханне*.

Акрамя лексем *любоў і каханне* У. Дубоўка пры перакладзе выкарыстоўвае блізкія сінанімічныя рэпрэзентацыі (*замілаванне, пачуцце залатое, некната*), якія могуць быць аднесеныя да перад'ядзернай зоны канцэпту і папайняюць яго вобразна-эстэтычны складнік: *I take my love engrafted to this store* [WS, № 37] – *Перадаецца мне з замілаваннем* [УД]; *That in thy face sweet love should ever dwell* [WS, № 93] – *На твары маеш некнаты зіхценне* [УД]; *That love is merchandized, whose rich esteeming* [WS, № 102] – *Той прадае пачуцце залатое* [УД].

Аналіз матэрыялу пацвярджае, што вобразна-эстэтычны кампанент канцэпту базіруецца на стылістычных сродках, якія служаць стварэнню вобразаў у санетах. Гэты складнік дэтэрмінаваны як тэкстам, так і лексічнай сістэмай мовы. Патэнцыял запаўнення адпаведных лакун задаецца, хутчэй за ўсё, мастацкай вартасцю твора арыгінала і перакладу. Гэты складнік адносіцца да перад'ядзернай зоны і перыферыі канцэпту.

Мы схіляемся да высновы, што каштоўнасны кампанент канцэпту рэпрэзентуецца элементамі, якія таксама могуць быць аднесеныя да яго перыферыі, але гэта не памяншае іх ролі ў яго ўзбагачэнні і фарміраванні індывідуальных асацыяцый. Што датычыцца даследаваных санетаў, то каштоўнасць, звязаная з паняццем «love» («каханне»/«любоў»), суадносіцца найперш з тэмай нараджэння дзіцяці. У некаторых санетах (напрыклад, 2, 9) падкрэсліваецца, што менавіта дзіця, а не маладосць ці прыгажосць ёсць каштоўнасць, якая вызначае вартасць кахання.

Разгледзім прыклады перакладаў санетаў У. Дубоўкам. *The youth's proud livery, so gaz'd on now // will be a tattered weed* [WS, № 2]. – *Згадае хто ўборквяцісты твой, // Пабачыўшы старэцкую дзяругу?* [УД]; «*This fair child of mine // Shall sum my count, and make my old excuse*» // *Proving his beauty by succession thine!* [WS, № 2]. – «*Усё найлепшае маё у сыне! // Яго прыняў, як спадчыну, юнак, // Мяне яна таксама не пакіне*» [УД]; *The world will be thy widow, and still weep // That thou no form of thee hast left behind, // When every private widow well may keep, // By children's eyes, her husband's shape in mind* [WS, № 9]. – *Свет плакаў бы, як удава, па тым, // Што вобраз твой загінуў беззваротна. // Сын адлюстроўкам мог бы быць тваім, // Праз сына ты і быў бы бессмяротным* [УД]; *But beauty's waste hath in the world an end, / And kept unius'd, the user so destroys it* [WS, № 9]. – *А калі знікнуць суджана красе, // Яна ў нябыт адыдзе занівошта* [УД].

У прыведзеных прыкладах відавочнае змяшчэнне сацыякультурных канатацый мовы перакладу, бо адмысловае, хоць і зношанае, жалобнае адзенне (*tattered weed*) перадаецца больш блізкім сялянскаму свету словам *дзяруга*. Гендэрна нейтральнае *child* замяняецца больш стэрэатыпна-патрыярхальным *сын*. Можна дапусціць, што пэўная карэкціроўка культурных канатацый арыгінала магла задумвацца У. Дубоўкам як больш адпаведная светапогляду беларусаў на момант перакладу. Верагодна, такі варыянт меў больш шанцаў апеяваць да носьбітаў беларускай мовы на эмацыйным узроўні і тым самым фарміраваць каштоўнасны складнік аналізуемага канцэпту.

Каштоўнасцю з'яўляецца і само каханне. Каханне – найдаражэйшы скарб, большы за багацце, радавітасць, уладу: *For thy sweet love rememb' red such wealth brings // That then I scorn to change my state with kings* [WS, № 29]. – *Тваё каханне, любая мая, // Я не змяню й на ўладу караля* [МК]; *Thy love is better than high birth to me, // Richer than wealth, prouder than garments' cost, // Of more delight than hawks or horses be; // And having thee, of all men's pride I boast* [WS, № 91] – *Мне даражэй, чым скарб, тваё каханне, // Чым рыцарскі сярэбраны шалом, // Чым хараство заморскага ўбрання // І ўцеха палявання з сакалом* [ЯС]; *Любоў твая пачэсней, чым дваранства, // Каштоўней, чым багатая казна, // Шыкоўней пазалочанага ўбранства, // Жаданей маладзецкага каня* [ТД]; *Твая любоў мне даражэй багацця // І гонару вяльможнага мілей. // З ёй не зраўняцца самай пышнай шаце, // Яна за слодыч нават прямней* [УД]; *Thus have I had thee as a dream doth flatter, // In sleep a king, but waking no such matter* [WS, № 87]. – *Я ў дзіўным сне – з табой – быў каралём. // Прачнуўся – і адчуў – пусты мой дом...* [ТД].

Такім чынам, ідэі санетаў перадаюць каштоўнасці з пункту гледжання аўтара і, дзякуючы мастацкай выразнасці арыгінала і перакладу, а таксама адпаведнасці перакладу светапогляду, абумоўленаму сацыякультурнымі асаблівасцямі беларускай мовы, маюць патэнцыял фарміравання канцэпту «каханне»/«любоў» шляхам папайнення існуючых ці ўтварэння новых схематычна-фрэймавых адзінак ведаў.

Гэтаксама і асацыятыўнае поле канцэпту не з'яўляецца адвольным, а запаўняецца лексічнымі элементамі, якія ўваходзяць у намінацыўнае поле слова.

Разгледзім урывак з санета № 39 у перакладзе У. Дубоўкі: *Не называць адзінствам дружбу нашу* [УД] – *and our dear love lose name of single one* [WS]. У ім слова *love* перадаецца словам *дружба*, а не *любоў/каханне*. Яго слоўнікавае тлумачэнне – «блізкія, прязныя адносіны паміж кім-н., заснаваныя на ўзаемнай прыхільнасці, агульнасці інтарэсаў і пад.; сяброўства» [8, с. 201]. Прыклады, якія даюцца для ілюстрацыі, сведчаць, што дружба разумеецца менавіта як сяброўскія, платанічныя адносіны: «Былі слаўныя вечары іх блізкасці і дружбы – хіба не можа быць дружбы паміж мужчынам і жанчынаю?» [8, с. 201]. Вядома, што ў народным маўленні дружбаю можа называцца любоў. Гэтак могуць абазначацца рамантычныя адносіны да шлюбу, напрыклад: *Яны дружаць – сустракаюцца*.

Ужыванне У. Дубоўкам лексемы *дружба* пры перакладзе *love* можна растлумачыць блізкасцю двух паняццяў. На падставе аналізу розных тыпаў дыскурсу С. Г. Варкачоў заключае, што ядзернай семантычнай прыкметай канцэпту «дружба» з'яўляецца 'любоў' [9, с. 255]. «Славянскі асацыятыўны слоўнік» пазначае «сяброўства» як агульную асацыяцыю для лексем *каханне* і *любоў* [10, с. 138]. Уяўляецца, што пераклад санета мае патэнцыял замацавання адпаведнага значэння за словам *дружба* і, безумоўна, узбагачае канцэпт «каханне»/«любоў».

У англійскай мове таксама прасочваецца семантычная сувязь паміж словамі *love* і *friend*. *Friend* ужываецца ў значэнні ‘каханы’ ў санетах 30, 42, 50, 82, 104, 110, 111, 133, 134, 149. Тлумачэнне гэтаму часткова дае этымалогія слова. Яно паходзіць ад старажытнаанглійскага *freond* ‘чалавек, прывязаны да іншага праз пачуцці павагі і перавагі’) і можа быць параўнанае з протагерманскім **frijōjands* ‘lover, friend’ (‘каханы/каханая, сябар’) – ад протаіндаеўрапейскага **priy-ont-* (*loving* ‘любячы’ – дзеепрыметнік ад кораня **pri-* ‘to love’) [11]. У сучасным ужытку значэнне слова *friend* з’яўляецца слабейшым. Так, для перадачы семантыкі эпохі У. Шэкспіра трэба выкарыстоўваць словазлучэнне *close friend* (блізкі сябар) [12, с. 13].

Што датычыцца слова *адзінства*, відавочна, што У. Дубоўка захоўвае семантыку санета, але змяняе марфалагічна-сінтаксічную адпаведнасць: замест прыметніка *single* (*адзіны*) ён ужывае абстрактны назоўнік *адзінства*. Такім чынам *каханне/любоў* трактуецца як *адзінства*, што ўяўляецца ўдалым перакладчыцкім ходам. Можна дапусціць, што слова *адзінства* мае патэнцыял увайсці ў перыферыю канцэпту беларускай мовы «каханне»/«любоў», дзякуючы эмацыйнай экспрэсіўнасці санета і яго трапнаму перакладу. Як бачым, прэцэдэнтны пераклад можа ўплываць на слоўнікавае тлумачэнне канцэпту «каханне»/«любоў» у беларускай культуры, чаму спрыяе і абумоўленае фрэймава-схематычным мысленнем уяўленне пра «сапраўднае» каханне.

Такім чынам, патэнцыял запаўнення лакун асацыятыўнага складніка можа быць дэтэрмінаваны не толькі мастацкай вартасцю твора, але і лінгвістычнымі перадумовамі, калі на ўжыванне элементаў намінацыі поля ўплываюць гісторыя мовы, гутарковае маўленне, мастацкі і сацыякультурны дыкурс. Элементы, якія запаўняюць лакуны каштоўнаснага, вобразна-эстэтычнага і асацыятыўнага кампанентаў, маюць магчымасць уплываць на слоўнікавае значэнне і на ўжыванне слова ў маўленні. Такімі элементамі могуць быць не толькі лексемы, але і цэлыя тэксты, напрыклад, санеты, што, рэалізуючы патэнцыял запаўнення адпаведных лакун, здольныя трактавацца як канцэптаўтвараючыя.

Асобныя санеты У. Шэкспіра і іх пераклады (2, 9, 18, 23, 24, 29, 39, 56, 90, 91, 102, 116, 126, 130, 137, 147 і інш.) можна разглядаць як выпадкі вербалізацыі канцэпту, якія адносяцца да яго перыферыі. У гэтых санетах аўтар і перакладчыкі яго твораў выражаюць асабістае разуменне кахання. Менавіта цэласны тэкст праз спецыфіку індывідуальна-аўтарскага светапогляду выступае сродкам вербалізацыі перыферыйных значэнняў канцэпту і замацавання іх у мове арыгінала і перакладу. Толькі разглядаючы і аналізуючы санет цалкам, пры суаднясенні яго з рэlevantнымі культурнымі кодамі, можна выявіць імпліцытныя сэнсы канцэптаў, закладзеныя ў глыбіні тэксту. Пэўныя санеты, добра вядомыя носьбітам беларускай мовы, могуць асацыявацца з паняццямі «каханне»/«любоў» і тым самым рэпрэзентаваць адпаведныя канцэпты, уплываючы на іх слоўнікавы складнік (значэнне слоў, сінанімічны рад) і ўзбагачаючы іх ужытак у маўленні.

ЛІТАРАТУРА

1. *Хорсун, І. А.* Санетыстыка Уільяма Шэкспіра і беларускі санет XX стагоддзя: спецыфіка перакладаў і кантэкст : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.08 / І. А. Хорсун ; Гомел. дзярж. ун-т імя Францыска Скарыны. – Мінск, 2017. – 20 с.
2. *Кубрякова, Е. С.* Концепт / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Высш. шк., 1996. – С. 90–93.
3. *Попова, З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 315 с.
4. *Маслова, В. А.* Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В. А. Маслова. – 3-е изд., испр. – М. : Флинта, Наука, 2007. – 296 с.
5. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
6. *Lakoff, G.* The political mind: why you can't understand 21st-century politics with an 18th-century brain / G. Lakoff. – N. Y. : Viking, 2008. – 292 p.
7. Персональный сайт И. А. Стернина, очерки по когнитивной лингвистике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/76-ocherki-po-kognitivnoj-lingvistike-2001>. – Дата доступа : 02.12.2019.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэд. А. Я. Баханькоў. – Мінск : АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа, 1978. – Т 2: Г – К. – 765 с.
9. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / С. Г. Воркачев [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Воркачева. – Волгоград : ВолГУ, 2007. – 400 с.
10. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева [и др.]. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2004. – 792 с.
11. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.etymonline.com>. – Date of access : 02.12.2019.
12. *Шекспир, В.* Новые переводы сонетов Шекспира : подлинные тексты с параллельными переводами на русский / В. Шекспир ; пер. с англ. С. И. Трухтанова ; предисл. О. В. Тимашевой. – М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. – 350 с.

КРЫНІЦЫ ПРЫКЛАДАЎ

WS – *Shakespeare, W.* The Complete Works / W. Shakespeare. – London : Leopard Books Random House, 1995. – 1229 p.

УД – *Дубоўка, У. М.* Збор твораў : у 2 т. / У. М. Дубоўка. – Мінск : Лімарыус, 2017. – Т. 1 : Вершы, паэмы, пераклады. – 482 с.

МК – *Казлоўская, М.* Галасы з-за небакраю : анталогія паэзіі свету ў беларускіх перакладах XX ст. / склад. М. Скобла ; уступ. арт. Е. Лявонавай; навук. рэд. Л. Баршчэўскі. – Мінск : Лімарыус, 2008. – 861–862 с.

ЯС – *Семяжон, Я.* Сем цудаў свету : выбраныя пераклады паэзіі / Я. Семяжон. – Мінск : Маст. літ., 1977. – 254 с.

ТД – Паэтычная старонка Т. Дзям’янавай [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://www.lightynna.ru/tags/sanety>. – Дата доступу : 02.12.2019.

The article shows how the concept «love» in W. Shakespeare’s sonnets is verbalised in their Belarusian translations. It is concluded that the potential of lexico-semantic items to fill in the lacunae in the structure of the concept determines the sonnets’ functioning as concept-making.

Поступила в редакцию 09.12.2019

Т. Я. Старасценка

ДЫЯЛАГІЗАЦЫЯ БЕЛАРУСКАГА АЎКТАРЫЯЛЬНАГА НАРАТЫВУ ПАЧАТКУ ХХ СТАГОДДЗЯ

В статье рассматривается экспликация коммуникативной модели «персонаж – персонаж» на основе творчества классиков белорусской прозы начала ХХ века. Отмечается особенность имплицитной диалогизации, которая отличается от традиционных реплик диалога, основываясь на модальности точек зрения субъектов аукториального нарратива. Анализируются языковые репрезентанты сопоставления и противопоставления персонажных точек зрения, в результате чего возникает динамика прозаического текста. Также характеризуются дистантно размещенные фрагменты разных тематических линий, связанные с изменением точки зрения одного персонажа, что позволяет включить в коммуникативную модель и динамику векторной направленности от прошлого к настоящему во внутреннем мире героя.

Спецыфіка даследавання *аўктарыяльнага наратыву* патрабуе асэнсавання ўнутранай дыялагізацыі, паколькі ў знешне аб’ектыўным апаведзе актуалізуюцца пункты гледжання персанажаў, што ўплывае на кампазіцыйную структуру твора і робіць яго тэматычна шматпланавым. У выніку ўзнікае камунікатыўная мадэль (КМ) «персанаж – персанаж», якая дазваляе асэнсаваць ідыястыль пісьменніка на аснове дынамічнага разгортвання разнастайных мадальных планаў. Таму мэтай артыкула з’яўляецца аналіз эксплікантаў удзельнікаў мастацкай камунікацыі – герояў твораў беларускіх класікаў пачатку ХХ стагоддзя Кузьмы Чорнага, М. Гарэцкага і М. Зарэцкага.

КМ «персанаж – персанаж» будзе разглядацца намі не ў традыцыйным тыпе суб’ектывацыі – простым маўленні, якое дазваляе лексіка-граматычна, стылістычна і графічна супрацьпаставіць апавед і экспліцытны дыялог. Нас у першую чаргу цікавяць імпліцытныя формы дыялагізацыі на фоне наратарскага апаведу, звязаныя з «тэкставай мадальнасцю» (тэрмін І. Р. Гальперына [1, с. 113–123] – важным аксіялагічным кампанентам тэксту, аб’яднаннем яго ў структурна-сэнсавое адзінства. Мадальнасць як суб’ектыўна-ацэнная характарыстыка ўключае пункт гледжання – вызначальнік дынамічнай каму-

нікатыўнай арганізацыі тэксту, карэктнае вивучэнне якога магчыма пры антрапацэнтрычным падыходзе. Яго зместам з'яўляецца «разуменне свету ў сувязі з уключанасцю ў яго чалавека як свядома-дзеяснага фактара» [2, с. 10]. З дапамогай катэгорыі пункту гледжання можна даследаваць працэсы суб'ектывацыі на ўзроўні імпліцытнага дыялогу персанажаў. Таму мадальны план праяўнага дыскурсу мае асаблівае значэнне ў рэалізацыі эфектыўнага ўзаемадзеяння ўдзельнікаў мастацкай камунікацыі. Мяркуем, што персанажныя пункты гледжання могуць супастаўляцца і супрацьпастаўляцца – узнікае дынаміка праяўнага тэксту. Для дыскурсаў Кузьмы Чорнага і М. Зарэцкага характэрны абодва працэсы, тады як М. Гарэцкі пераважна супрацьпастаўляе герояў.

Можна пагадзіцца з меркаваннем, што аўтарскія ацэнкі, эмацыянальны настрой персанажаў пры ўзаемадзеянні ў маўленчым эпізодзе ствараюць эматыўную глыбіню тэксту [3, с. 83], прымаючы пад увагу паняцце эматыўнасці як лінгвістычнага карэлята псіхалагічнай катэгорыі эмацыянальнасці. Такой думкі прытрымліваюцца даследчыкі мовы мастацкага твора [4, с. 71; 5, с. 128; 6; 7, с. 4]. Так, у М. Зарэцкага КМ «Арына – Мікіта» («Ноччу»), разгортваючыся ў супастаўляльным плане ўнутранага стану праз выяўленчы кампазіцыйны прыём, актуалізуе эксплікатары рэальнага і ірэальнага стану Арыны. Прошлы час апавядальніка саступае месца прэзентным формам трывожнага прадчування смерці каханага мужа са значнай шчыльнасцю дзеяння. Сема трывогі становіцца вызначальнай і ў перцэптуальным хранатопе сну Арыны. Хранатоп як «істотная ўзаемасувязь часавых і прасторавых адносін, па-мастацку асвоеных у літаратуры» [8, с. 9], вызначае персанажныя перспектывы твора. Паняцце перцэптуальнага хранатопу разглядае Г. Н. Мухарлямава, характарызуючы яго як суб'ектыўны час і прастору, залежны ад псіхалагічных працэсаў персанажа, яго знешняга і ўнутранага вопыту [9, с. 15]. Час і прастора, з'яўляючыся ўніверсальнымі функцыянальна-смантычнымі і стылістычнымі катэгорыямі, адыгрываюць важную ролю ў арганізацыі маўленчай структуры як усяго твора, так і тэматычных ліній (ТЛ) герояў у прыватнасці. Фундаментальны характар катэгорый часу і прасторы для мастацкага тэксту адзначае Л. В. Гайваронская, аддаючы першасную ролю ідэі часу ў сюжэтным руху і прасторавых метамарфозах [10, с. 4]. Актуальнасць мастацкага часу разглядаецца і ў іншых філалагічных даследаваннях [11; 12]. Свет персанажа можна вызначыць як кантынуум падзей у прасторавым і часавым вымярэнні, прычым, акрамя знешняй прасторы, даследчыкі вылучаюць яшчэ істотную для мастацкага дыскурсу ментальную прастору [13, с. 27; 14, с. 16], рэканструкцыю якой звязваюць з псіхалогіяй асобы [15, с. 20]. На думку Н. К. Шутой, прыцып адзінства мастацкай прасторы і часу знаходзіцца ў цеснай сувязі з суб'ектам [16, с. 15]. Сон Арыны працягвае яе стан у рэальнасці, а кантамінацыя розных тэмпаральных формаў сну ўзмацняе экспрэсію болю і роспачы: *насоўвалася і пагражала; пад'едзе – і зноў нейкай сілай аднясецца далёка назад; страшэнная здань стаіць на дарозе, расставіўшы рукі, і смяецца*. Імперфектныя значэнні

прэдыкатаў ТЛ Мікіты эксплікуюць сему жаху, сінанімічную семе ўнутранага стану яго жонкі Арыны: *бегаў шалёны вецер; тармашыў, тузаў і рваў пышныя галіны*.

Супрацьпастаўленне персанажаў М. Зарэцкага адбываецца на аснове іх пунктаў гледжання на пэўнае пытанне. Думкі-мары Жвіроўскага-сына («Двое») рэпрэзентуюцца праз безасабовы дзеяслоў *хочацца*, які выражае аб'ектыўна-мадальнае значэнне пажаданасці з семай асабістых адносін да падзей. Граматычны ўзровень актуалізацыі мадальнасці ТЛ героя, вербалізаванага ў пасіўных канструкцыях з давальным суб'екта, садзейнічае адлюстраванню ўнутранай сутнасці: Жвіроўскі-сын – гэта ўвасабленне прыгнечанасці з боку катэгарычнага і жорсткага бацькі. Моўная пасівізацыя персанажа сведчыць пра яго знешні прыгнёт, але духоўная сутнасць пратэстуе праз ускосны лад са значэннем умоўнага жаданага: *Хочацца ж і яму гэтага звону вясёлага. Хочацца ж і яму хоць трошачку смеху, хоць трошачкі песень*. Думкі-мары Жвіроўскага-сына кантрастуюць з думкамі Жвіроўскага-бацькі, які баяўся перамен: *...жорсткая думка душыла нутро сваёй цвёрдай, халоднай няўхільнасцю* – ментальны суб'ект-увасабленне з акцыянальным прэдыкатам авалодвае свядомасцю героя, што вызначае яго як асобу, пазбаўленую гнуткасці мыслення. Аб'яднаная семай 'роднасць', персанажы рэзка супрацьпастаўляюцца ў інтраспектыўным плане.

Супрацьпастаўленне персанажаў характэрна для ідыястылю М. Гарэцкага («Сасна», «У чым яго крыўда?»). Мадэль «бацька – Васіль» («Сасна») выяўляе кантраснае светаадчуванне герояў: пункт гледжання Васіля з семай 'спачуванне', эксплікаваны ацэначнымі азначэннямі *бедны* (немец), *бядцае* (жыццё), рэзка супрацьпастаўлены пункту гледжання бацькі з семай 'нянавісць' у асабовай канструкцыі з пасіўным суб'ектам, які актуалізуе ачарсчвела-статычны духоўны свет, не здольны да перамен і ўзвышэння (*знялюбела яму дзеўка за гэтую нямецкую пачцівасць*), і ў агульнаадмоўных безасабовых сказах: *Але старому не спадабалася, што з немкаю; ...бацьку страшэнна не падабалася, што немцы ў гэтай-то бядзе не думаюць яму карыцца...*

Псіхалагізм прозы Кузьмы Чорнага садзейнічае як супастаўленню, так і супрацьпастаўленню пунктаў гледжання персанажаў. Пархвен Катлубовіч і Марыля («Вялікае сэрца»), звязаныя семай фізічнай роднасці (бацька і дачка), аб'ядноўваюцца і духоўна праз нясцерпны боль пакуты ад ваенных страт. Безасабовыя канструкцыі ТЛ Марылі і Пархвена актуалізуюць узрушаны псіхалагічны стан, які поўнаасцю авалодвае асобай: *яшчэ не было ў яго такога вялікага смутку нават тады, калі ён пакідаў родную хату; ...быццам бы толькі цяпер дайшло да яе свядомасці, што страчана навек самае важнае і дарагое...*. Мадэлі «Андрэй – Нонна» («Пачуцці»), «Павел – Насця» («Па дарозе»), «Сафрон – Волька» («Макаркавых Волька») разгортваюцца супрацьпастаўляльна ў адносінах *сімпатыі/антыпатыі* адзін да аднаго праз асабовыя і безасабовыя сказы з пасівізацыяй суб'екта-асобы, што сведчыць пра экспрэсіўнасць пункту гледжання ў сінтаксісе эмоцый, калі, як зазначае Л. Р. Бабенка, яны становяцца актыўнай сілай [17, с. 23]. Параўнаем:

...радасна бліснула ў яго ўпэўненасць, што гэта ж яна наўмысна, каб ён ішоў за ёю (Андрэй) – ...яна раптам варожасць...адчула да Андрэя (Нонна); ...і такая глыбіня крыўды, злосці і жадання паскардзіцца некаму з'яўляецца ў Паўла (Павел) – ёй было весела ад таго, што дражнілася яна зімою каханнем з Паўлам (Насця); ...у яго з'явілася такое пачуццё, быццам яго асарамацілі... (Сафрон) – ёй было прыемна слухаць успаміны... (Волька). Модусныя дзеясловы з эксплікацыйнай пазіцыі персанажа, якія З. Я. Тураева адносіць да «бліжняга локусу» (перадаюць унутраную пазіцыю суб'екта) [18, с. 112], у ТЛ Алёшы («Бяздонне») актуалізуюць сему радасці. Яна выяўляе псіхалагічны стан персанажа, здольнага пераадольваць жыццёвыя цяжкасці і верыць у свае сілы: *А на лекцыях адчуваў ён сябе проста шчаслівым тым, што кожны новы дзень прыносіць яму новую шырыню ў светапоглядзе.* Супрацьлеглая пазіцыя Андрэя Строніна вербалізуецца прыметнікам *вялікі* з пярэатыўным адценнем у іменным прэдыкаце *У яго былі свае думкі: яны не былі настойнымі і ўпартымі, яны былі нейкімі вялікімі*, сутнасць якога затым тлумачыцца разважаннем наратора праз адмоўныя канструкцыі: *не прывык ён з маленства сур'ёзна думаць; не бачыў ён у жыцці ніякіх пакутных здарэнняў.* Няпэўнасць стану Строніна ўдакладняецца канкрэтным пачуццём, узмоцненым адпаведным азначэннем: *...было...такое, што прымушала яго перажываць вялікую разачараванасць ва ўсім.*

Прапануем уключыць у КМ «персанаж – персанаж» дынамічнае разгортванне пункту гледжання аднаго героя, у выніку чаго мяняецца яго духоўны свет, адносіны да жыцця і людзей. Такая дынаміка мае вектарны накірунак ад мінулага да цяперашняга. Рэтраспекцыя персанажа кантрастуе з яго сучасным станам, што эксплікуецца ў дыстантна размешчаных фрагментах розных ТЛ, звязаных са зменай пункту гледжання. Існуе меркаванне, што «ступень духоўнага развіцця чалавека супастаўляльная з яго шляхам, з пераадоленнем прасторы» [13, с. 51]. У апавяданні Кузьмы Чорнага «Па дарозе» прасторавая рэалія – дарога – выступае як спосаб раскрыцця ўнутраных рухаў душы апазіцыі *цёмра/святло* з сімвалічным асэнсаваннем духоўнага адраджэння. Дынаміка дарогі ў філалагічных даследаваннях разглядаецца як унутраная логіка пабудовы самаўспрымання [19, с. 10; 20, с. 77; 21, с. 306]. Наратарскі аповед пачатку твора звужае локус зямлі з сямей радасці, вербалізаванай у параўнанні і эпітэтах, да адной з яе частак – дарогі, асацыятыўна звязанай з жыццём, якая мае падзейны характар глабальнай сітуацыі. Яе рэпрэзентацыя ў згорнутым выглядзе адбываецца ўжо ў загалоўку як моцнай тэкставай пазіцыі. Глабальная сітуацыя апавядання фарміруецца з макрасітуацый, удзельнікамі якіх з'яўляюцца розныя людзі. Сярод іх дынаміка ўнутранага «я» ад цемры да святла адбываецца толькі ў Паўла Грыбка, таму тэма дарогі ў раскрыцці яго вобраза набывае сімвалічны характар. Дарога – гэта рух, змены, што адлюстроўваецца ў кантрасных пунктах гледжання Паўла праз макрапрапазіцыі з вербалізацыяй адпаведных макрасітуацый. ТЛ першага пункту гледжання з сямей распачы ўключае тэкставы сегмент: *І такая глы-*

біня крыўды, злосці і жадання паскардзіцца некаму з'яўляецца ў Паўла, што хочацца пакінуць гэтыя цёмныя вазы, гэтых людзей, з якімі давялося ж то неяк разам з'ехацца, калі выязджалі з вёскі ў горад. Хочацца Паўлу пайсці цёмным полем да таго месца, дзе за чорнымі дзівоснымі абрысамі нечага начнога з'яўляецца маленькая ясная лапінка, – гэта месяц, мусіць, спрабуе выбіцца з-за хмар. Робіцца там трохі святлей, вызначаюцца трохі шырокія далі, завуць яны да сябе сваім размахам і воляй, і там як бы няма нікога такога злога, гадкага. Мадальны кампанент састаўнога дзеяслоўнага выказніка хочацца выражае адносіны зместу да рэчаіснасці і праспектыўна фарміруе апазіцыю *верх/ніз*, у якой ніз, эксплікуючыся вобразамі цёмных вазоў і цёмнага поля з канатацыйнай безнадзейнасці, супрацьпастаўлены верху – месяцу са значэннем надзеі на лепшае. У ТЛ другога пункту гледжання персанажа сема радасці стварае семантычную кагезію паміж ядзернымі структурамі дзвюх макрапрапазіцый: 1) **У Паўла ж пачала вясёлай лёгкасцю напайняцца істота наволі.** Пасля ўсё зрабілася для яго слаўным, радасна захапіла імкненне. Як ехаў, дык весела ляжала пад ветрам поле і некуды далёка адплылі і Алесь Мяльгун, і Насця, і Сёмка Цераховіч, і Тодар. Сплыло ўсё тое, што было на душы, як ехаў у горад; 2) **А вакол зямля, вакол людзі. І ідуць на зямлі дні і ночы. І ветры спяваюць, і сонца свеціць.** Значэнне радасці рэпрэзентуецца як у моўных адзінках з адлюстраваннем унутранага стану асобы, так і ў прэдыкатах цяперашняга пастаяннага прыроднага свету, што сведчыць пра паралелізм інтраспектыўнага і знешняга планаў. Такім чынам, з дапамогай парадыгматычнай кагезіі выяўляецца апазіцыйная дыялагізацыя кантрасных з пазіцыі дынамікі пункту гледжання персанажа тэкставых сегментаў, якія адлюстроўваюць змену думак і пачуццяў героя, паступовае адраджэнне гармоніі ўнутранага і знешняга свету. Узнікае адметны дыялог «персанаж (мінулы) – персанаж (цяперашні)», у якім камунікатыўны аспект рэалізуецца паміж супрацьлеглымі сутнасцямі адной асобы, што знаходзіць адпаведную моўную эксплікацыю.

На аснове праведзенага даследавання заключаем, што ў беларускім празаічным дыскурсе пачатку ХХ стагоддзя рэалізуецца шматмерная прастора суб'ектных перспектыв, якую мы называем камунікатыўнай. Паняцце дыскурсу абумоўлівае зварот не толькі да знешняга, але і да ўнутранага дыялогу, здольнага рэалізавацца праз КМ «персанаж – персанаж». У дыскурсах М. Зарэцкага і Кузьмы Чорнага персанажныя пункты гледжання супастаўляюцца і супрацьпастаўляюцца, у М. Гарэцкага супрацьпастаўляюцца, што эксплікуюць ацэначныя формы, трапеічныя сродкі, кантамінацыя тэмпаральных адзінак, модусныя дзеясловы, асабовыя канструкцыі з пасівізацыйнай суб'екта і агульнаадмоўныя безасабовыя сказы. Для ідыястылю Кузьмы Чорнага характэрна дынаміка духоўнага стану аднаго персанажа: дыстантна размешчаныя фрагменты ТЛ кантрасных пунктаў гледжання з парадыгматычнай кагезіяй выяўляюць апазіцыйную дыялагізацыю паміж персанажам (мінулым) і персанажам (цяперашнім).

ЛІТАРАТУРА

1. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин ; отв. ред. Г. В. Степанов. – Изд. 9-е. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 144 с.
2. Основы современной философии : учеб. пособие / под ред. М. Н. Росенко. – Изд. 3-е, доп. – СПб. : Лань, 2001. – 384 с.
3. *Шляхов, В. И.* Текст в коммуникативном пространстве / В. И. Шляхов, Л. Н. Саакян. – М. : ЛЕНАНД, 2017. – 240 с.
4. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / Н. А. Слюсарева [и др.]. – М. : Наука, 1982. – 192 с.
5. *Телия, В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия ; отв. ред. А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 143 с.
6. *Болотов, В. И.* Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности (основы эмотивной стилистики текста) / В. И. Болотов ; отв. ред. Д. Б. Буранов. – Ташкент : Фан, 1981. – 116 с.
7. *Пиотровская, Л. А.* Эмотивные высказывания в современном русском языке : учеб. пособие / Л. А. Пиотровская ; науч. ред. В. П. Проничев. – СПб. : Образование, 1993. – 71 с.
8. *Бахтин, М. М.* Эпос и роман / М. М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 304 с.
9. *Мухарлямова, Г. Н.* Художественное пространство и время в произведениях татарской прозы 20–30-х годов XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Г. Н. Мухарлямова ; Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Казань, 2010. – 19 с.
10. *Гайворонская, Л. В.* Семантика времен года в художественном мире А. С. Пушкина : учеб. пособие / Л. В. Гайворонская. – Воронеж : Наука-юни-пресс, 2011. – 196 с.
11. *Кушнарлова, К. В.* Час рэальны і час мастацкі ў прозе А. Казлова / К. В. Кушнарлова // Творчасць Івана Навуменкі: славянскі, еўрапейскі, сусветны кантэкст : матэрыялы рэсп. навук. канф., прысвеч. 85-годдзю І. Я. Навуменкі, Мінск, 16 лютага 2010 г. / Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі ; навук. рэд. С. С. Лаўшук. – Мінск : Права і эканоміка, 2010. – С. 265–269.
12. *Манкевіч, А. А.* Мастацкі час у апавяданнях Івана Навуменкі / А. А. Манкевіч // Творчасць Івана Навуменкі: славянскі, еўрапейскі, сусветны кантэкст : матэрыялы рэсп. навук. канф., прысвеч. 85-годдзю І. Я. Навуменкі, Мінск, 16 лютага 2010 г. / Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі ; навук. рэд. С. С. Лаўшук. – Мінск : Права і эканоміка, 2010. – С. 305–310.
13. *Ноева, С. Е.* Поэтика времени и пространства в романах И. М. Гоголева / С. Е. Ноева. – Новосибирск : Наука, 2009. – 119 с.
14. *Безукладова, И. Ю.* Эгоцентрические модели категоризации пространства в немецком языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / И. Ю. Безукладова ; Тамб. гос. ун-т. – Тамбов, 2016. – 40 с.

15. *Czerwiński, G.* Po rozpadzie świata. O przestrzeni artystycznej w prozie Włodzimierza Odojewskiego / G. Czerwiński. – Gdańsk : Słowo/obraz terytoria, 2010. – 275 s.
16. *Шутая, Н. К.* Типология художественного времени и пространства в русском романе XVIII– XIX вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.08 / Н. К. Шутая ; Моск. гос. ун-т. – М., 2007. – 35 с.
17. *Бабенко, Л. Г.* Русская эмотивная лексика как функциональная система : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л. Г. Бабенко ; Урал. гос. ун-т. – Свердловск, 1990. – 32 с.
18. *Тураева, З. Я.* Лингвистика текста и категория модальности / З. Я. Тураева // Вопр. языкознания. – 1994. – № 3. – С. 105–114.
19. *Щепанская, Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. / Т. Б. Щепанская ; отв. ред. К. В. Чистов. – М. : Индрик, 2003. – 528 с.
20. *Треногина, Е. В.* Пространство дороги в произведениях Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского («Мертвые души» и «Бесы») / Е. В. Треногина // Внутренний строй литературного произведения : сб. науч. ст. / редкол.: В. В. Кудасова (отв. ред.) [и др.]. – Владимир : ВГПУ, 2001. – С. 72–83.
21. *Лермонтовская энциклопедия (1814–1841)* / гл. ред. В. А. Мануйлов ; Ин-т рус. лит. АН СССР. – М. : Большая рос. энцикл., 1999. – 784 с.

As a result of the study undertaken, it was found out that in Belarusian auctorial narratives, the communicative *character to character* model is explicated by comparing and contrasting different points of view. The invariant of this model is a *character (past) to character (current)*. Such an invariant implements oppositional dialogization in distantly located text fragments.

Поступила в редакцию 20.01.2020

НАШИ АВТОРЫ

Басовец Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры истории и грамматики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Бурдзялёва Ірына Аляксееўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры беларускай мовы і літаратуры МДЛУ. Тэл. 258-51-24.

Гулак Доминика Олеговна – аспирант кафедры зарубежной литературы БГУ. Тел. (+37529) 668-82-92.

Жизневская Ольга Николаевна – доцент кафедры славянских языков МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Карпук Галина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. Тел. (+37529) 701-51-68.

Ключенович Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычного речевого общения МГЛУ. Тел. 294-75-74.

Курилович Ольга Федоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии английского языка МГЛУ. Тел. (+37529) 675-61-29.

Новикова Лидия Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Витебского государственного университета им. П. М. Машерова. Тел. (+37529) 510-33-90.

Лойша Марина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63

Ломовая Анжелика Витальевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Овсейчик Юлия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой фонетики и грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15

Паремская Светлана Витальевна – преподаватель кафедры второго иностранного языка (немецкого) МГЛУ. Тел. 294-79-82.

Разводовская Янина Владиславовна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков Гродненского государственного медицинского университета. Тел. (80152) 44-68-35.

Соловьёва Мария Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и грамматики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Старасценка Таццяна Яўгенаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры мовазнаўства і лінгвадыдактыкі БДПУ імя М. Танка. Тэл. 327-80-44.

Столярова Анастасия Николаевна – аспирант кафедры белорусской и русской филологии МГПУ имени И. П. Шамякина. Тел. (+37529) 733-43-37.

Фан Юань – аспирант кафедры языкознания и лингводидактики БГПУ им. М. Танка. Тел. (+37529) 335-87-81.

Чернецкий Александр Русланович – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 284-47-48.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 1 (104), 2019

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, В. М. Василевская,
О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 27.02.2020. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 7,91. Уч.-изд. л. 8,75. Тираж 100 экз. Заказ 6.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172